

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
▼
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
▼
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА-КАЗАНЬ 2011 № 1(4)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусаев (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Юнхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
Отв. секретарь: Т.А. Аникеева (Москва)

Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Геляева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: от имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1 (4)

МОСКВА–КАЗАНЬ 2011

ISSN 2079-9160

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BRANCH OF HISTORY

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl), I. Vászary (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow), N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan), T.M. Garipov (Ufa), A.P. Derevyanko (Moscow), M.Z. Zakiev (Kazan), Yu.N. Isaev (Cheboksari), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), K.M. Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), V.N. Tuguzhekova (Abakan), E.I. Fazylov (Uzbekistan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.A. Chechenov (Moscow), P. Zime (Germany), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Ju. Janhunen (Finland)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)

G.F. Blagova (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik), E.A. Grunina (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin (Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St. Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk).

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), L.I. Chebodayeva (Abakan), I.V. Shentsova (Novokuznetsk),

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(4)

MOSCOW-KAZAN 2011

© Институт языкознания РАН
© Российский комитет тюркологов

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

НОВАЯ ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ НАДПИСЬ ОКОЛО СЕЛА ТУЕКТА

*И.А. Невская, Л. Н. Тыбыкова, М. Эрдал
(Новосибирск, Горно-Алтайск, Франкфурт)*

Резюме. Комплекс письменных древнетюркских памятников, найденных в окрестностях села Туекта Онгудайского района Республики Алтай, в настоящее время включает 5 надписей. Последняя из них была открыта в 2008 году. Данная статья предлагает прочтение этой надписи.

Ключевые слова: древнетюркские рунические надписи, руника Алтая, чтение надписи.

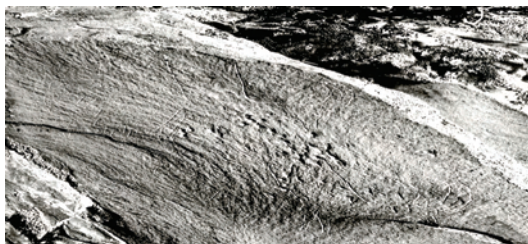
В рамках проекта «Руника Алтая» группой авторов в составе Л.Н. Тыбыковой (Горно-Алтайск), И.А. Невской (Новосибирск, Франкфурт-на-Майне) и Марселя Эрдала (Франкфурт) была проведена документация древнетюркских рунических памятников Республики Горный Алтай [о проекте подробно см.: Тыбыкова, Невская 2007, 2008, 2009; публикации, появившиеся в рамках проекта: Невская, Тыбыкова 2010; Маточкин, Тыбыкова, Невская, Эрдал 2010]. Всего мы насчитали 90 надписей, сделанных на скалах, стелах и предметах. Наша база данных опубликована на сайте проекта в Интернете (www.altay.uni-frankfurt.de), подготовлен к печати каталог рунических памятников Алтая.

Комплекс письменных древнетюркских памятников, найденных в окрестностях села Туекта Онгудайского района Республики Алтай, недавно пополнился еще одним открытием. До этого нам были известны четыре рунические надписи, найденные в этой местности. Надпись на серебряном сосуде была открыта во время раскопок в 1935 г. В 1989 г. были найдены еще две надписи на вертикальной плоскости, содержащей также многочисленные граффити древнетюркского времени. К югу от этой скалы примерно в 200 метрах от нее в 2006 г. была найдена надпись на отдельно стоящем скальном выходе, состоящая из 3 строк. История открытия и опыты прочтения этих надписей, их фотографии, прорисовки, а также наша интерпретация этих надписей даны на сайте проекта «Руника Алтая».

Надпись Туекта V была открыта в июле 2008 г. археологическим отрядом Кемеровского государственного университета под руководством А. И. Мартынова. Надпись сопровождается граффити с изображением двух бегущих оленей (Рис. 1). Мы располагаем только ее фотографией. Попытки найти

надпись по описаниям ее местонахождения во время экспедиции 2010 г. оказались безуспешными, поэтому мы не можем исключить того, что имеющаяся у нас фотография не захватила какую-то часть надписи или что на камне есть и другие строки. Однако, учитывая хорошую сохранность надписи и четкость прорисовки знаков, а также то, что видно пространство справа и слева от надписи, мы надеемся, что располагаем фотографией, на которую можно опереться при прочтении надписи.

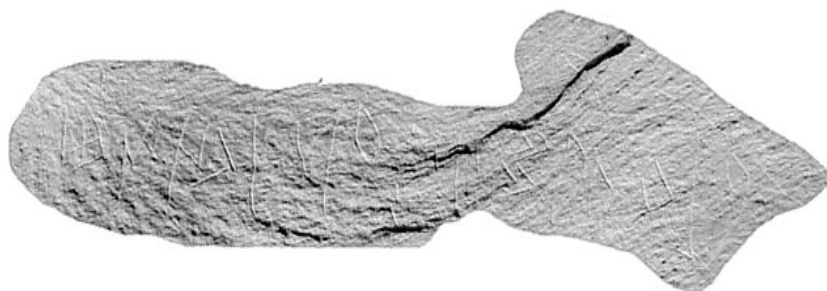
Рис. 1. Надпись Туекта V

Надпись состоит из 15 знаков, из которых два являются словоразделителями. На камне также изображены два оленя; надпись сделана под их копытами, как бы «вверх ногами», в зеркальном отражении к ним. Видимо, олени были нарисованы ранее, а создатель надписи писал ее позже, лежа на камне, стараясь, чтобы она оказалась под копытами оленей.

Надпись сделана в классической рунической орфографии с использованием специальных знаков-словоразделителей, как и остальные надписи, найденные в этой местности. Нет смешения твердорядных и мягкорядных согласных знаков, что характерно для некоторых алтайских надписей. Видны только незначительные отклонения от правил классической рунической орфографии (например, не выписан гласный в третьем слове). Форма знаков – типичная для енисейских надписей (например, знак g^1). Читается надпись справа налево (Рис. 2).

Рис 2. Текст Туекта V.

Прочтение:

: I ✦ H T > C 1 Q : Y ✦ D T I

Транслитерация: $k^2 I y^1 d^1 g^1 : y^2 p / s^2 s^1 U \ddot{U} n^2 m s^2 :$

Транскрипция: (ä)ki y(a)d(a)g : y(e)p/y(i) š (a)šu ün(m)iš :

Перевод: Двое пеших (людей), поев, перевалив (гору), спустились (вниз).

Примечание. Восьмой знак не совсем ясен. Возможно, что косой отрезок не является частью буквы, а частью рисунка. Если его не учитывать, то мы будем иметь букву s^2 . В таком случае возможно прочитать фрагмент $y^2 s^2$ как $y(i) š$, т.е. ‘черневая тайга’. (ä)ki y(a)d(a)g : y(i) š (a)šu ün(m)iš : будет означать тогда: ‘Двое пеших (людей), преодолев черневую тайгу, спустились (вниз)’. В обоих прочтениях смущает то, что не прописана гласная в этом слове; гласные i и e в классической орфографии должны были бы быть в этой позиции отображены руническим знаком.

Интересна и сама композиция в целом. Рисунок и надпись воспринимаются как нечто единое. В надписи речь идет о двух (человеках - ?), хотя на рисунке мы видим и двух оленей. Возможно, надпись можно интерпретировать и как комментарий к рисунку.

ЛИТЕРАТУРА

Маточкин Е. П., Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. Петроглифы и рунические надписи на плитах из Кезек-Елани // Урало-алтайские исследования. №1 (2), 2010. – С. 17–23.

Невская И. А., Тыбыкова Л. Н. Письменная история Республики Алтай (по результатам экспедиции 2003–2008 гг.) // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центрально-Азиатского региона. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию тувинской письменности (г. Кызыл, 1–4 июля 2010 г.). Ч. I. – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. – С. 48–52.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. О проекте «Документация, каталогизация, дешифровка и публикация древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай // Научный вестник Горно-Алтайского университета. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 121–124.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Экспедиционные работы по изучению древних рунических памятников Горного Алтая // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета, № 3. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. – С. 68–71.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Проект «Документация, каталогизация, дешифровка и публикации древнетюркских рунических письменных памятников Республики Алтай // Российская тюркология. №1. Москва-Казань, 2009. – С. 84–87.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Древнетюркские серебряные сосуды с руникой // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010а. – С. 147.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Древнетюркское руническое письмо // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010б. – С. 147–148.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Рунические письмена Калбак-Таша // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010в. – С. 268.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Тюркские рунические памятники Алтая // Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Изд-во «Арта», 2010г. – С. 310–311.

Summary. The village Tuekta situated in the Ongudaj District of the Republic Altay has become known as one of centers of Old Turkic Runic only recently. At present, we know five Old Turkic Runic inscriptions found here. The article presents a reading of this inscription.

Key words: Old Turkic Runic, inscription, Republic Altay, village Tuekta, reading

**ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КОНВЕРСИИ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ**

И.В. Кормушин
(Москва)

Резюме. В статье рассматривается историческое положение конверсии в грамматической системе тюркских языков. На примере функциональных форм глагола показываются пути преодоления системой языка полифункционализма определенного круга словоизменительных глагольных форм. Исторически переосмысление общеграмматического статуса лексической основы становится самостоятельным словообразовательным приемом – конверсией.

Ключевые слова: конверсия, функциональные формы глагола, полифункциональность, честеречная лабильность лексемы.

Конверсия, долго не признаваемая в тюркологии за самостоятельный способ словообразования, теперь, благодаря усилиям целой плеяды выдающихся грамматистов, среди которых весом и приоритетен вклад Ф.А. Ганиева [Ганиев 1985; 2010], получает самостоятельный статус. Главное при конверсии – семантико-грамматическое переосмысление в разных направлениях лексической основы: из имени в адъектив, адвербум или процесс, из адъектива в имя или адвербум и т.д. Сочетание с новыми субкатегориями или, другими словами, вхождение лексической основы в новую парадигму происходит как следствие ее категориального переосмысления, но не наоборот, как иногда думают, что смена парадигмы является причиной конверсионного перехода.

Споры вокруг сути и форм конверсии постепенно становятся все менее интересными, чувствуется, что победа будет за конверсистами. Гораздо интереснее вопрос об историческом положении конверсии: всегда ли она была, и если не всегда, то в какой период она возникла, и с чем можно связать ее возникновение. В том, что какие-то взаимосвязи или особенности грамматического механизма могут приводить к актуализации конверсионных процессов, убеждают данные английского языка. Очевидно, что тотальный охват английской лексики конвертивными возможностями связан с разрушением флективной морфологии, при которой многие показатели сочетали грамматические функции с привнесением в слово общеграмматической, или честеречной семантикой. Как представляется, некоторые особенности исторической морфологии тюркских языков могут дать ключ к пониманию исторического положения конверсии в этой языковой семье.

В этой связи следует остановиться на истории так называемых функциональных форм глагола, или вербоидах, а это – имя действия (масдар), причастие, деепричастие, которые сочетают в себе общекатегориальное значение действия (т.е. глагола) с общекатегориальными значениями соответственно предметности (т.е. существительного), признаковое (т.е. прилагательного) и обстоятельственности (т.е. наречия). Комбинирование свойств частей речи в пределах слова в лексико-семантическом отношении представляет собой процесс деривационного плана, т.е. словообразования.

В семантико-грамматическом отношении вербоидные формы примыкают к сфере словоизменения, поскольку образуют оппозицию собственно-вербальным лично-спрягаемым формам времен и наклонений по линии финитности / инфинитности: в отличие от спрягаемых форм, играющих в предложении роль конечного, т.е. главного сказуемого, функциональные формы могут выступать только в качестве сказуемых зависимых частей осложненного или сложного предложения (за исключением случаев ревербализации, или финитизации, функциональных форм, т.е. втягивания их в функционирование финитного характера).

Сравнительный анализ современных языков и диалектов самой различной функциональной активности с наиболее древними тюркскими памятниками VIII–X вв., а затем последовательно и с данными более поздних языковых фиксаций, показывает устойчивость основного каркаса глагольных категорий (за исключением определенных потерь в маргинальных диалектах) на фоне формальных и семантических изменений – иногда значительных – в морфологическом устройстве каждой отдельной категории. Поскольку указанная устойчивость сохраняется тюркскими языками на протяжении достаточно длительного периода их самостоятельного существования, это дает основание компаративистам относить то общее в структуре категорий и конкретных средствах их выражения, что присуще всем или большинству засвидетельствованных языков, живых или мертвых, к достоянию общетюркского праязыка, сохраненному его далекими потомками. Вместе с тем, как показывает сравнение разновременных синхронных состояний глагольной морфологии (а сравнение реальных исторических результатов – это наш единственный способ уловить тенденцию и постичь процесс развития в его доисторической ретроспективе), категории словоизменения – наиболее динамично развивавшаяся в послепратюркское время часть морфологического глагольного аппарата.

Большинство глагольных форм в языке орхоно-енисейских памятников сохраняет древние черты синкретизма, проявляющегося в сочетании в одной форме разных, в том числе уже разделившихся функций. Например, многие причастия выступают в роли личных временных форм глагола, часть причастий может функционировать также как имена действия, некоторые причастия выступают еще и как деепричастия. Есть представления, что в общетюркском праязыке все или большинство форм глагола обладали подобной синкретичностью, т.е. потенциально были готовы выполнить любую из функций: личной глагольной формы, имени действия, причастия, деепричастия. Дифференцировались эти функции синтаксически, получая ту или иную семантико-смысловую нагрузку в составе предложения. Со временем глагольные формы специализировались: одни закрепились на положении личных, в других стала преобладающей функция деепричастия, в третьих – имени действия, четвертые стали исключительно причастиями.

Наряду с отмеченными выше функциями, формы на *-r*, *-miš* и *-γan* способны, занимая полупредикативную позицию, окказионально выполнять роль деепричастия. Поскольку, согласно тюркскому синтаксису, глагольная форма в позиции неглавного сказуемого не требует обязательного личного оформления и чаще всего остается потенциально личной, как при односубъектности сказуемых (тур. *Ben gelir alırım // Ben gelip alırım*), так и в абсолютных построениях с разными субъектами.

Древние глагольные формы в еще большей степени, чем современные, отличались полифункциональностью выражающих их морфем. Например, в языке орхоно-енисейских памятников упоминавшиеся в этой связи выше формы на *-r* и *-miš*, отмечаются в тех же функциях, что и в современных языках – собствен но-глагольной финитно-временной, инфинитно-причастной и инфинитно-субстантивной. Форма на *-duq*, которая в современных языках огузской группы продуцирует главным образом как имя действия, в орхоно-енисейском выступает тоже преимущественно как имя действия, но наряду с этим, хотя и достаточно редко, как истинное причастие (об этом несколько ниже), а также как финитная форма времени в гетерогенной парадигме прошедшего заглазного на *-miš//maduq* в качестве ассоциированного отрицательного члена этой парадигмы. Интересно отметить, что сопряженность форм на *-myš//maduq* в качестве положительного // отрицательного противочленов единой парадигмы сохранилась в якутском глаголе.

Полифункциональность характерна и для других древних форм глагола. Такова форма будущего временного плана на *-tačī*, в орхонских текстах VIII в. применявшаяся как финитная форма с личными окончаниями, а также как причастие. В качестве отрицательных форм будущего на *-tačī* употреблялся показатель *-čī* (очевидно, краткий, неосложненный вариант показателя *-tačī*). В древнеуйгурских памятниках IX–X вв. форма на *-tačī* функционировала как причастие; часто субстантивируясь, она выступала в именных позициях, в том числе в присвязачной части, все-таки не достигая при этом подлинной финитности. Финитной же в древнеуйгурских текстах была форма на *-γaj* ~ *-γα*. В противостоянии форм на *-tačī* и на *-γaj* состоит одно из немногих, но заметных морфологических различий орхонского и древнеуйгурского литературных тюркских диалектов.

Свойственная обоим древнейшим литературным языкам глагольная форма с показателем *-sar*, известная по своей более частотной функции инфинитной полупредикативной формы с условным значением (условное деепричастие), редко, в отдельных текстах выполняет также функции имени действия, а кроме того причастия настоящего времени с модальными оттенками возможности и долженствования, причем такое причастие может субстантивироваться, например: *erdemlig bolsar bodun isrik jörümedi* (E-29₄) ‘народ, являющийся (букв. долженствующий быть) доблестным, пьяным не слонялся’; *iraqda bölsär* (Тон₅) ‘тот, кто (умеет) различать (букв. умеющий, способный различать) издалека’; *ilk qurquzqa süläsär jäg ärmiš tedim* (Тон₂₃) ‘Лучше было бы сначала повести войска на кыркызов, – сказал я’.

Таким образом, можно говорить о полифункциональности морфем *-r*, *-miš*, *-γan*, *-duq*, *-tačī*, *-sar* и им подобных, и – с оговорками – о полифунк-

циональности выражаемых этими морфемами форм, памятуя, что форма – это не только образующая ее морфема с определенной семантикой, но и присущая ей грамматическая функция с устоявшейся для выражения этой функции синтаксической позицией или конструкцией. В этом плане оправдан тезис о существенной роли синтаксического критерия в размежевании глагольных форм на функциональные разряды.

Диахронное сопоставление форм, о которых идет речь, показывает, что в современных языках во многих случаях полифункциональность морфологических показателей старого состава заметно убывает, происходит разделение совмещаемых функций на продуктивные, ведущие, и непродуктивные, пережиточные. В некоторых формах отдельные функции вообще угасли, тогда как в древних языках представленность разных функций в одной форме в целом имела место чаще и носила более равномерный характер.

Развиваясь в общем русле закрепления в особых формах разных семантико-синтаксических сущностей, полифункционализм глагольных форм преодолевался и внутренне, и внешне. Внутренне – через отмирание, как сказано, у ряда форм некоторых функций; внешне – двумя разными, но по сути однонаправленными путями; во-первых, при помощи сочетания с другими категориальными маркерами: лица – в собственно финитных формах (формы на *-a* и *-ur* и мн. др.), падежа и принадлежности – в субстантивно-инфинитных формах, аморфным примыканием в приименной синтаксической позиции – у причастия; во-вторых, через морфологическое усложнение первичных форм дополнительными показателями, позволившим уже к эпохе

древнейших памятников обладать серией более специализированных форм следующего состава: *-tačī* < **-ta+-čī* (*-čī*, как уже сказано, еще сохранялось пережиточно в отрицательных формах: *-ma-čī*); серия производных от *-γa* – *-γaj* (будущее причастие; < **-γa+-i/j*), *-γan* (вневременное причастие; < **-γa+n*), *-γali* (имя действия-супин; < **-γa+-li*); *-miš* (прошедшее субъективное; < **-m+-iš*); *-sar* (условная; < **-sa+-r*).

Если мы правильно определяем тенденцию, если действительно тюркская система стремилась различными путями преодолеть полифункционализм определенного круга словоизменительных глагольных форм, то транспонировав эту тенденцию в прошлое, мы вправе предположить, что в ретроспективе все или большинство глагольных форм данного круга были полифункциональными. Чтобы понять механизм полифункциональности, необходимо обратиться к семантико-грамматическим различиям функциональных форм глагола, поскольку функция производна от семантики.

Очевидно, что полисемантизм древних глагольных форм порождает такое фундаментальное свойство глагольной системы, как существование глагола в его основных функциональных разновидностях с исконно общими формальными показателями. Подобное качество системы представляет собой естественное начало процессов возникновения морфологических категорий разного уровня и характера, осуществлявшихся путем филиации и самой различной комбинаторики формантов. В плане относительной хронологии этап «изначального полисемантизма форм» следует обозначить как «раннепрязыковое состояние», т.е. самый ранний этап сложения языка определенного генетического типа, в данном случае, раннепратюркско-

го. К этому этапу относится формирование первичного слоя глагольных форм, послуживших базовыми показателями при сложении категорий времени и древнейших показателей причастий, глагольных имен и деепричастий.

Если все показатели глагольного формообразования в более древнее время были полифункциональны, то это значит, что сама основа была полифункциональна, именно основа могла менять свой категориальный статус, подстраиваясь под заданную говорящим функцию. Другими словами, первичная основа, или корень слова, первоначально была индифферентна к своему грамматическому статусу: он мог быть любым – глагольным, наречным, атрибутивным, номинативным. Это значит, что лексемы праязыка обладали максимальной общеграмматической лабильностью, или абсолютной конвертивностью. Однако по мере отстаивания у некоторых типов лексем типовых общеграмматических значений происходит расслоение лексем на частеречные группировки, переходы между которыми теперь могли осуществляться с помощью грамматических показателей временного, аспектуального, тензорного и т.п. характера, которые постепенно приняли на себя роль словообразовательных формантов. Именно с этого времени на фоне аффиксального словообразования атавизм былого состояния – бессуффиксальное переосмысление общеграмматического статуса лексической основы, становится самостоятельным словообразовательным приемом, а не постоянной лабильной характеристикой лексем.

ЛИТЕРАТУРА

Ганиев Ф.А. Конверсия в татарском языке. – Казань: Татар. Кн. изд-во, 1985.

Ганиев Ф.А. Словообразование в татарском языке. – Казань: Изд-во ИЯЛИ АН РТ, 2010.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. – 767 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. М.: Наука, 2006. – 908 с.

Resume. The article considers the historical position of a conversion in the Turkic languages grammatical system. On the example of the functional forms of the verb the auther has tried to show how a language system overcomes a semi-functionality of the certain range inflectional verb forms. Different interpretation of a generally grammatical status of a lexical stem historically becomes an independent word-formation method – conversion.

Key words: conversion, functional verb forms, semi-functionality, part-of-speech lability of a lexeme.

ПРОЦЕСС «ПЕРЕЛОМА» ГЛАСНЫХ В ЯЗЫКЕ КУМАНДИНЦЕВ

И.Я. Селютина
(Новосибирск)

Резюме. Статья посвящена анализу фиксируемых в вокализме локальных групп кумандинцев фонетических процессов «перелома» гласных – перехода широких древнетюркских гласных в узкие и расширения узких до полушироких при одновременном изменении артикуляторной рядности настроек.

Ключевые слова: язык кумандинцев. вокализм, перелом гласных, узкие и широкие гласные.

Кумандинцы – одна из северо-алтайских этнических групп сложного смешанного происхождения. Система антропологических, этнографических и лингвистических признаков отличает кумандинцев, а также чалканцев и тубинцев от южных алтайцев – алтай-кижи, телеутов и теленгитов [Дебец 1948; Потапов 1966: 78; Баскаков 1972]. Краниологические данные свидетельствуют о целесообразности выделения северо-алтайской группы этносов в самостоятельную расово-систематическую единицу наряду с уральской и южно-сибирской [Ким 1986]. Результаты экспериментально-фонетических исследований косвенно свидетельствуют о том, что северо-алтайские этнические образования сложились в результате ассимиляции тюрками предшествующего нетюркского населения угро-самодийского типа [Селютина 1983].

Данная статья посвящена анализу фиксируемых в вокализме локальных групп кумандинцев фонетических процессов «перелома» гласных – перехода широких древнетюркских гласных в узкие и расширения узких до полушироких при одновременном изменении артикуляторной рядности настроек.

Материалом послужили полевые записи, сделанные автором во время экспедиций в места проживания носителей языка. Фонетический раздел вопросника «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири» (ДАТЯС), по которому автором статьи осуществлялся сбор материала в Солтонском и Красногорском р-нах Алтайского края и в Турачакском р-не Республики Алтай, представляет собой заданную систему общетюркских лексем, сопоставление фонаций которых позволяет выявить общее и специфическое в реализации различных фонетических процессов на территории Сибири. В статье используются этимологии, приведенные в «Древнетюркском словаре» [ДТС 1969] и «Этимологическом словаре» [ЭСТЯ 1974; 1978; 1980] и в «Сравнительной фонетике тюркских языков» [Щербак 1970].

Для определения соответствий гласных по ряду в вопроснике ДАТЯС заданы 33 словоформы. Не все из них удалось зафиксировать, некоторые реалии отсутствуют у кумандинцев или обозначаются другими лексемами, но,

тем не менее, полученный материал позволяет выявить общую картину корреляций гласных по артикуляторной рядности.

Подборка материалов о соответствии по ряду неогубленных гласных свидетельствует о том, что этимологически твердорядный гласный *а реализуется в кумандинском либо в твердорядном же центральнозаднерядном \dot{a} , либо в мягкорядном переднерядном æ ; такое выдвижение гласного по ряду обусловлено, по-видимому, палатализирующим влиянием среднеязычного ħç [Щербак 1970: 36–39], что подтверждается функционированием словоформы ‘чай’ в различных населенных пунктах в двух вариантах: а) мягкорядном ħçæj с анлаутным палатальным ħç , обуславливающим смягчение, продвижение гласного вперед; б) твердорядном ʃǰj с анлаутным переднеязычным ʃ , не создающим предпосылок для изменения вокальной рядности относительно исконной формы. В пользу этого предположения свидетельствуют и особенности огласовки аффиксов: корневые основы с финальным среднеязычным ħç или j присоединяют к себе мягкорядные варианты аффиксов независимо от рядности корневого вокализма, напр., ʃǰjtm ‘чай-мой’. Указанные особенности комбинаторного влияния среднеязычных согласных на огласовку словоформы имеют систематический характер и в ряде случаев ведут к нарушению гармонии гласных: ħçæ:lǝ ‘грива-его’, ħçæ:ʃǝm ‘волосы-мои’, ʃǰjtm ‘чай-мой’; первые два примера свидетельствуют о сохранении носителями языка генетической памяти об исходно твердорядной фонации корневых основ, а также о «механическом» характере кумандинской гармонии гласных.

Древнетюркский мягкорядный *ä дает в языке кумандинцев мягкорядные же рефлексy – переднерядный e 4-й ступени в Солтонском р-не и переднерядный i 2-й ступени в Красногорском и Турачакском р-нах.

Примеры соответствий по ряду неогубленных гласных $\text{i} \sim \text{i}$ указывают на функционирование в языке кумандинцев пяти рефлексов древнетюркского твердорядного *i: твердорядного центральнозаднерядного неогубленного ǝ , твердорядного центральнозаднерядного огубленного ö (п. Турачак), мягкорядного переднерядного i , мягкорядного смешаннорядного ǝ (пп. Солтон, Шатобал и Калаш Солтонского р-на); уместно предположить влияние на огласовку основы постпозитивного среднеязычного согласного – tǝl ‘язык’, $\text{rǝt} < *rǝjt$ ‘вошь’; смешаннорядный ǝ , отождествляемый русскоязычным аудитором с твердорядным ǝ , четко дифференцируется носителями языка, акцентирующими несоответствие этого гласного как с переднерядным i , так и с центральнозаднерядным ǝ и мягкорядного центральнозаднерядного огубленного ö (Красногорский и Турачакский р-ны, а также п. Сузоп Солтонского р-на). Таким образом, зафиксированные примеры свидетельствуют о неоднородности ситуации, а также о тенденции к «опереднению» и в отдельных случаях к огублению (п. Турачак) этимологически твердорядного узкого неогубленного гласного *i.

Полевые материалы дают представление о последовательной реализации огубленных *ö и *ü в мягкорядных же центральнозаднерядных рефлексax ö, ü; *y – в твердорядных центральнозаднерядных оттенках ü; смена сингармони-

ческой рядности зафиксирована лишь для исходно твердорядного широкого огубленного *o, реализующегося не только в твердорядном центральнозаднерядном \dot{o} , но и в мягкорядном переднерядном узком \dot{y} . Для изучения соответствий гласных по степени подъема в вопроснике ДАТЯС заданы 45 словоформ.

Этимологический широкий *ä имеет своим рефлексом в Солтонском р-не переднерядный ϵ 4-й ступени (34 употребления из 39); в Красногорском и Турачакском р-нах др-т. *ä реализуется преимущественно (30 примеров из 45) в узком переднерядном гласном i 2-й ступени отстояния. Рефлексом исходного узкого переднерядного *i в словоформе $\dot{y}n$ 'берлога' в языке кумандинцев является центральнорядный гласный \ddot{u} 2-й ступени – констатируется не только изменение ряда и подъема относительно древнетюркского варианта, но и огубление гласного.

Неогубленный твердорядный широкий *a в языке кумандинцев последовательно реализуется в центральнозаднерядном широком гласном \dot{a} .

Этимологический огубленный мягкорядный *ö коррелирует в языке современных кумандинцев с центральнорядными гласными \ddot{o} и \ddot{u} . В Солтонском р-не *ö реализуется преимущественно (14 примеров из 19) в широком варианте \ddot{o} 4-й ступени отстояния, в Красногорском и Турачакском р-нах – в узком гласном \ddot{u} 2-й ступени (15 случаев из 18). Таким образом, можно констатировать изменение не только артикуляционного ряда исходного гласного – отодвинутость его назад в пределах мягкого сингармонического ряда, но и сужение раствора рта при продуцировании вокального компонента корневой основы.

Анализируемый материал позволяет также констатировать наметившуюся тенденцию к субстантным изменениям исходных огубленных твердорядных гласных в языке кумандинцев: др-т. широкое *o реализуется в 2-х вариантах – в центральнозаднерядном \dot{o} 4-й ступени отстояния и центральнозаднерядном \ddot{u} 2-й ступени. Это же явление подтверждается функционированием словоформ с широким \dot{o} в Солтонском р-не и узким \ddot{u} в Красногорском и Турачакском р-нах, восходящими к др-т. *o или *ö: $\dot{o}t - \ddot{u}t$ 'огонь', $\dot{o}n - \ddot{u}n$ 'правый', $q\dot{o}r - q\ddot{u}r$ 'много' и др.

Анализ кумандинских лингвистических материалов позволяет выявить некоторые фонетически модальные преобразования, происходящие на современном синхронном срезе и отражающие сложные древнейшие этногенетические и лингвистические процессы. Артикуляционно-акустическая база кумандинцев [Наделяев 1980], характеризующаяся наличием трех фонологически релевантных артикуляционных рядов гласных (передний, центральный и центральнозадний), как правило, не входит в противоречие с исходной сингармонической рядностью словоформ. Тем не менее наличие палатальных сингармонических параллелизмов в ареале функционирования языка кумандинцев свидетельствует о тенденции к опереднению гласных в определенных комбинаторных условиях, отражающей общую направленность эволюции тюркского вокализма [Богородицкий 1928: 113; Пальмбах 1954: 123; Абдулаев 1961: 22; Широбокова 1979: 60–84]. Обратная законо-

мерность депалатализации гласных реализуется значительно реже (máqá ‘мне’, sáqá ‘тебе’ < mǎngǎ, sǎngǎ [Щербак 1970: 39]).

Параллельно процессу “опереднения” гласных в языке кумандинцев констатируется изменение их подъема, раствора полости рта при продуцировании вокальных фонаций. Аналогичное явление “перелома”, “перебоя” гласных отмечалось в татарском [Богородицкий 1928: 113; Гарипов 1979] и башкирском [Дмитриев 1948: 7; Киекбаев 1956; СИГТЯ 1984] языках, где происходит сужение *ä > i, *ö > y, *o > u и, наоборот, расширение *i > e, *y > ö, *y > o, т.е. переход древнетюркских широких гласных в узкие, а узких – в полуширокие. Перелом гласных фиксируется на большей территории распространения языка кумандинцев, не охватывая ареал Солтонского р-на. В Красногорском и Турачакском р-нах древнетюркский широкий мягкорядный неогубленный *ä реализуется в узком переднерядном i, а исходный широкий мягкорядный огубленный *ö коррелирует с узким центральнорядным ü; в Солтонском р-не сохраняется преимущественно древнетюркская огласовка.

Непоследовательный характер выявленных фонетических процессов является отражением разнокомпонентности этнического состава локальных групп кумандинцев, обусловившей специфику их артикуляционно-акустических баз.

Закон “перелома” гласных, являясь типологически общим для ряда тюркских языков Поволжья и Сибири, в южносибирских языках – хакасском [Исхаков 1956: 15; Кыштымова 2001], шорском [Чиспияков 2004], барабинско-татарском [Тумашева 1989] и кумандинском – имеет свою специфику: действие его распространяется лишь на мягкорядный вокализм, в то время как в татарском и башкирском он охватывает и твердорядные гласные. Однако отдельные случаи сужения др.-т. широких гласных *a, *o > ɣ, u (mandǎ ~ mǎngǎɣ ‘такой’; ǰn ~ ǰn ‘десять’, rǰ ~ rǰ ‘этот’, qǰǰan ~ qǰǰan ‘заяц’) свидетельствуют о тенденции к расширению сферы действия рассматриваемого явления и на твердорядный вокализм. Следует отметить также наметившуюся тенденцию к огублению узких гласных *i (tǎnǎn ~ tǎnǎn ‘отдыхать’, rǣt ~ rǣt ‘вошь’), *i (ǰn ‘берлога’), не всегда этот процесс может быть объяснен причинами комбинаторного свойства.

В северо-алтайских тюркских языках трансформации гласных по подъему сопровождаются сдвигом их по артикуляторной рядности: расширяясь, гласные становятся более задними, сужаясь, продвигаются вперед; таким образом, фонетические характеристики “перелома” гласных в сибирских языках отличаются от аналогичных процессов в тюркских языках Поволжья [Кыштымова 2001: 107–108].

Обобщение результатов экспериментально-фонетических исследований артикуляторных параметров гласных в тюркских языках Южной Сибири позволило констатировать в ареале их функционирования тенденцию к деполяризации характеристик гласных по параметрам артикуляторного ряда [Селютина, Шалданова: 2003; Шалданова 2007]. Функционально твердорядные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних – центральнозадних настройках. Вместе с тем, в подсистемах мягкорядного во-

кализма происходит обратный процесс смещения гласных назад – процесс активного вытеснения переднерядных гласных центральнозаднерядными (реже – центральнорядными) настройками. Вследствие передвижения гласных – прежде всего, мягкорядных – для ареала распространения тюркских языков Южной Сибири характерна низкая продуктивность переднерядных и заднерядных гласных при очень высокой частотности центральнозадних настроек – как мягкорядных с точки зрения сингармонизма, так и твердорядных.

Кроме тотального процесса деполяризации гласных по ряду отмечается параллельный процесс стирания различий гласных по степени подъема, зафиксированный в каа-хемском говоре тувинского языка [Дамбыра 2005], в котором широкие гласные характеризуются на фоне других южносибирских тюркских языков как относительно узкие, а узкие гласные – как относительно широкие.

Артикуляторные трансформации гласных привели к нивелировке палатальных характеристик настроек, что, в свою очередь, обусловило тенденцию к перестройке палатальной гармонии гласных, к перелому аккомодационных процессов в рамках мягкорядного сингармонизма, к преобразованию сингармонической системы языка в целом. Подтверждением переходного характера системы является функционирование в северо-алтайских тюркских языках и, в частности, в кумандинском, большого количества сингармонических параллелизмов типа: s'ɛ:g'is' / s'ɪ:g'ɨs <*sekiz 'восемь'; s'ɛ:β'is' / s'ɪ:β'is' / s'ɪ:β'ɨs <*semiz 'жирный, тучный'; tɛ:m'ɪr' / tɛ:β'ɪr' / t'ɪ:β'ür / t'üβ'ür <*temir, temür 'железо'.

По-видимому, отмечаемое на данном этапе состояние северо-алтайских вокальных систем обусловлено конфликтом между артикуляционно-акустическими базами языков-субстратов угро-самодийского типа и навязанной им системой функций, выполняемых вокализмом в тюркском языке-суперстрате. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных в рамках этой системы признаков фонем и к усилению роли в смысловом различении других лингвистических средств.

Следует также отметить, что существенные преобразования вокальных систем, проявляющиеся в изменении настроек по ряду и подъему, послужили основой «перебоя», «перелома» гласных лишь в тюркских языках (как правило, кыпчакских или сильно кыпчакизированных с их развитой подсистемой центральнорядных гласных, соответствующих уйгуро-огузским переднерядным, – татарский, башкирский, барабинско-татарский, языки алтае-саянского региона – хакасский, шорский, северные диалекты Алтая), в антропогенезе носителей которых обнаруживается финно-угорский субстрат либо тесное разновременное и разнохарактерное контактирование с племенами этого типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров узбекского языка / Дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1961.
- Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка // Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. – М., 1972.
- Богородицкий В.А.* О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // Вестник науч. об-ва татароведения. – Казань. 1928. № 8.
- Гарипов Т.М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. – М., 1979.
- Дамбыра И.Д.* Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. – Новосибирск, 2005.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. IV. – Л., 1948.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М.; Л., 1948.
- ДТС – Древнетюркский словарь.* – Л., 1969.
- Исхаков Ф.Г.* Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. – Абакан, 1956.
- Киекбаев Д.Г.* О передвижении гласных в башкирском языке // Уч. зап. Башкирского гос. пед. ин-та. VIII. Сер. филологическая. 2. – Уфа, 1956. – С. 221–229.
- Ким А.Р.* Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1986.
- Кыштымова Г.В.* Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 2001.
- Наделяев В.М.* Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Пальмбах А.А.* Особенности тувинского вокализма и отражение их в письменности // Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. – Кызыл, 1954.
- Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. – Л., 1966.
- Селютина И.Я.* Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. – Новосибирск, 1983.
- Селютина И.Я., Шалданова А.А.* Южносибирский тюркский вокализм: общность и специфика // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск. 2003. № 4. – С. 104–109.
- СИСТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика.* – М., 1984. – С. 106–169.
- Тумашева Д.Г.* Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. – М., 1989. – С. 5–18.

Чистяков Э.Ф., Бабушкин Г.Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. – Кемерово, 2004. – С. 115–146.

Шалданова А.А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. – Новосибирск, 2007.

Широбокова Н.Н. Соответствия гласных твердого и мягкого ряда (по данным ДАТЯ. Сибирь) // История и диалектология языков Сибири. – Новосибирск, 1979. – С. 60–84.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л., 1970.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков // Сост. Э.В. Севортян. – М., 1974; 1978; 1980.

Summary. The article analyses the vowel shift observed in the vocalism of some local varieties of Kumandy, a North Altay Turkic language spoken in the North of the Republic Altay. In particular, Old Turkic open vowels shift to close ones while Old Turkic close vowels shift to open-mid vowels. These processes are accompanied by a shift in the vowel backless.

Key words: Kumandy, vocalism, local varieties, vowel shift, open vowels, close vowels, phonology.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

НАЧАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «АВТОР»,
«ЖАНР», «СТИЛЬ» В АРХАИЧЕСКОЙ ПОЭТИКЕ¹

У.А.-о. Донгак
(Кызыл)

Резюме: В статье сделана попытка реконструкции архаической поэтики традиционной тувинской словесности. Это осуществляется на основе запечатленных в разных жанрах тувинского фольклора мифологических сюжетов, а также анализа некоторых структурных и стилистических особенностей обрядовой поэзии.

Ключевые слова: архаическая поэтика, миф, реконструкция, обряд, фольклор

Современная тувинская литература, являясь частью многовекового непрерывного культурного процесса, содержит и активно использует художественные достижения прошлого [Бахтин 1986: 502–504]. Часть из них узнаваема, а часть сохранилась в поэтическом словаре в еле различных мотивах. В едином, неразрывном с общекультурным развитием процессе уже на ранних стадиях становления искусства начинается история поэтики. В построении исторической поэтики тувинской словесности, в определении начального этапа формирования средств риторики в архаический период мы опираемся прежде всего на основополагающие положения А.Н. Веселовского: синкретизм архаической поэтики, ее обрядовый характер, значение психологического параллелизма, различных повторов в эволюции художественных средств [Веселовский 1940].

Исследование архаической культуры во всех возможных ее проявлениях дает возможность реконструировать архаическую поэтику, на основе которой строилось многоэтажное здание разветвленной системы поэтики современной литературы [Бройтман 2001].

Обнаружение истоков категории «стиль» возможно, если исходить из изначальной многозначности слова в архаической культуре. Двучленный внутренний параллелизм, вышедший из одного слова и развившийся в образный параллелизм отдельных сравниваемых предметов, в архаический период бытования словесности еще синкретичен, «ибо в нем идеи тождества и различия еще не отделились друг от друга и не стали самоценными: дерево не тож-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-0463302 а/Т.

дественно девушке, но и не отлично от нее (поэтому и нет сравнения, предполагающего *сознание отдельности явлений*), они именно синкретичны» [Веселовский 1940: 125–126, 133].

Древнейший период истории поэтического слова представлен, прежде всего, мифологией, которая, будучи основой духовной жизни первобытного общества, соединяет в себе зачатки поэтического творчества, религиозных представлений и донаучных знаний древнего человека. Мифы являются синкретической формой представлений первобытного человека о мире и повествований о фантастических приключениях предков. В этом проявляется весьма значимая роль мифа как главного источника повествования [Мелетинский 1986: 14–20].

Для реконструкции архаической поэтики тувинской словесности мы располагаем запечатленными в разных жанрах фольклора мифологическими сюжетами, а также структурными и стилистическими особенностями обрядовой поэзии. Слитность мифа и ритуала в архаический период культурного развития, синкретизм архаической поэтики особенно четко проявляется в том, что миф воспроизводится в обрядовом действе также и вербально; в обряде, ритуале зафиксирован компактный образ мифологического сознания [Мелетинский 1977: 23–41].

Три основные категории литературного творчества: «автор», «жанр» и «стиль» – по-разному проявляют себя в разные эпохи. Мы намерены проследить на материале тувинской обрядовой поэзии и других жанров фольклора, запечатлевших мифологические сюжеты, зачатки этих категорий поэтики [см.: Аверинцев и др. 1994: 3–38].

За длительный исторический период известные сегодня художественные средства видоизменялись, меняли свой облик, проявляли себя в разных качествах, вступая в различные отношения между собой и другими свойствами поэзии. На самом раннем этапе возникновения художественного слова три основные категории исторической поэтики почти не обнаруживают себя. Однако в условиях синкретичности мифологии, как древнейшей формы «фантазии», в мифах и текстах ритуальных действий, обрядов возможно обнаружить их начальное проявление.

Архаический период развития искусства реконструируется не только на основе археологических и наскальных памятников, но и благодаря различным проявлениям мифологического сознания в разных видах современного искусства, а также в таких устно-поэтических жанрах, как обрядовая, афористическая и лирическая поэзия.

Предыстория проявления категории «автор» зафиксирована в шаманских текстах. Называние главного действующего лица при шаманском камлании является предварением авторства. Субъектом сакральных текстов, объясняющих строение мира и неразделимого с ним человека, а также словесной части обряда, является оракул. В шаманских песнопениях–*алгышах* предстает субъект архаической поэзии:

Я – шаманка Таргын-Кара, вот мое имя,
на меня выпал жребий шамана с неба Дайын.
За (время) одно(го) моргание(я) глаз я сумела превратиться,
Да, я превратилась в вихрь черно-желтый.
Летаю я над всей Вселенной возвышенно,
И летим, духи, все вместе кипучей скоростью.

[Кенин-Лопсан 2007: 95, 31]

Субъект высказывания осознает силу своего слова. О могуществе высказанного слова в шаманских *алгышах* говорится так:

От звона моего бубна, когда веду камланье,
Небеса дрожат, небеса волнуются с шумом.
Когда я танцую и пою алгыши древние,
Тогда я превращаюсь в бушующую бурю.
Я шаманка, владеющая грозной силою,
Я заставляю небо подчиняться мне. ...

[Кенин-Лопсан 2007: 44]

Категория авторства лежит очень глубоко в недрах мифопоэтического сознания. Однако уже на этой стадии рождения художественного слова появляется идея авторитетности слова, которая проявляется как возвеличивание шаманской профессии. В тувинских шаманских песнопениях исследователь шаманства М.Б. Кенин-Лопсан приводит тексты: а) восхваления шамана-божества; б) посвящения своему шаманскому званию; в) значимости отнесения субъекта шаманского камлания к великим шаманам прошлого.

- а) Вы – шаман самый дорогой и самый древнейший.
Вы – шаман самый сильный и самый божественный.
Ваше веление становится золотым указанием,
Ваше веление принесет благо всем людям.
- б) Родился (я) на стоянке, где жили мои предки с древности.
На мою долю выпал жребий шамана от рода чертей.
Мне суждено было иметь бубен из кожи архара,
Да еще на плаще для камланья носить пестрый манчак.
- в) Тот шаман – первый шаман и родовой шаман.
Он славен древностью и седой стариною.
Он указал мне путь для духов и корней.
Он пополам разделил ошейник для вола.
Тот шаман – мой дед, и он славен началом прошлого,
Он указал мне путь для подземного царства.
Мой дед – самый старый шаман, и он поражен
древностью,
Сильнее божества и сильнее царя могучий шаман.

[Кенин-Лопсан 2007: 20, 25, 31]

Идея авторитетности слова постепенно развивается в идею авторитета, и это уже на следующих ступенях развития художественного сознания подготавливает корпоративное, а ещё позже — и индивидуальное — авторство.

Начальное проявление поэтической категории «жанр» также можно обнаружить в фактах архаической культуры. Синкретизм мифологии, объединявший в «двуедином целом» и первобытные представления о мире-вселенной, и повествования, стал точкой отсчета, от которой началось ситуативное, функциональное разграничение мифопоэтического слова. В мифе-

обряде функции сакрального слова были разными: повествование, защита, укрепление, призыв и т.д. Рассказ-знание о мире и его героях оформлялся в мифологические былички и мифы в различных их выражениях в изобразительном искусстве, танце, пантомиме, музыке; желание защититься от могущественных сил природы — в заклинания, заговоры, обрядовую поэзию; стремление закрепить свое положение в мире — в восхваления небесных божеств; призывы к покровительству — в гимны-песни и т.д.

Тувинское традиционное устно-поэтическое творчество хранит в себе эти древние следы жанрово-функциональных разграничений.

а) Повествование о строении мира-вселенной и его всемогущих составляющих – небесных светилах: «В этом мире и растения, и живые существа имеют своего отца и свою мать, так сотворило божество, говорят. У человека отец – небо, так говорят. С самого начала времени небо было отцом человека, так говорят» [Кенин-Лопсан 2002: 9, 11].

Вот более позднее мифологическое представление с наслоениями буддийского мировоззрения: «Земля – круглый шар. Есть на этом шаре море. В середине моря есть четырехконечное существо мечи (обезьяна). Когда это существо шевелится, и земля шевелится. Также есть одна лягушка, четыре слона, две большие рыбы. На спинах этих существ лежит мир-вселенная. Земля не вертится, солнце делает круг по оси земли. Есть великая гора Сумбер-Уула. Четыре стороны есть у этой горы. На ее сторонах есть четыре страны. На вершине Субер-Уула есть одно божество. Все живые существа на земле родились-появились из влаги. Такой знали землю-шар люди в древности (наш подстроч. пер. – У.Д.)» [Самдан 2004: 54].

б) Слово-заклинание шамана-врачевателя. Шаман «метелкой из красного караганника тщательно подметал место, где сидела больная женщина, как бы прогонял этим злых духов», приговаривая:

Провались
Сквозь семислойную землю.
Провались
Сквозь девятислойную землю.
[Кенин-Лопсан 2009: 93]

в) Заговор-пестушка для лампадки:

Куус-куус, дам (тебе) я мышиноного помета.
Куус-куус, дам (тебе) я проса.
Хулур-хулур, вспыхни, мерцающая (в темноте).
[Донгак 2006]

г) Заклинание-клич *хартыгайлаар*, произносимое при переплывании реки:

Хартыгай, хартыгай, эй
Хартыгай, хартыгай, эй!
Хартыгай, хартыгай, эй
Хартыгай, хартыгай, эй!
[Кыргыз 1990: 85]

д) Охотничье заклинание-чалбарыг:

Смилуйтесь, хайыракан!
Дрогнувшее жирное,
Хайыракан!
Не помещавшееся в дёре юрты
С грудинкой одарите,
Привязав за нижнюю часть конечности,
Смилуйтесь и одарите.
У обрыва над рекой совершив,
Смилуйтесь, хайыракан!
Направляя ко мне,
Смилуйтесь, хайыракан!

[Кыргыз 1990: 98]

е) Гимн небесному божеству Азар:

Небо мое Азар! С молнией творишь явление,
Огонь и горящие угли заставляешь трещать.
Небо мое Азар! С силой себя выдаешь гордо,
Гром и крик как бы произносишь в простор.
Ты грянешь громко и звуки раздашь мощно.
Кто лежит, ты заставляешь переворачиваться.
Мое небо Азар! Светом ты озаряешь,
К земле пускаешь ты молнию ударную.
Мое небо Азар! Ты владеешь пророчеством.

[Кенин-Лопсан 1995: 86–87]

ж) Гимн небесным светилам Солнцу и Луне:

Когда восходят луна и солнце,
Когда дневной свет начинается,
Разбрызгаю чажыг – символ моря,
Зажгу сан – символ высокогорья

[Кенин-Лопсан 1995: 350]

з) Гимны-песни и призывания к божествам-покровителям:

К вам обращаюсь, азарлар. К вам, небеса, обращаюсь.
Благословляю вас, воспеваю вас, умоляю вас.
Курбусту, моя надежда у вас и потому прошу,
Чтобы вы отправили обратно душу больного и спасли его.

[Кенин-Лопсан 1995: 92]

Мифопоэтическое слово не отделено от предмета обозначения [Бройтман, 2001]. Поэтому архаическое сознание определяет и строго придерживается правил приличия по отношению к слову. Жанровое различие зреет в правилах ритуала и этикета, житейского приличия.

Нам представляется, что этикет при загадывании загадок в тувинской устно-поэтической традиции восходит к архаической культуре. В фольклоре тувинцев жанр загадки – *тывызык* – неотделим от понятия *баажызы*, что переводится с тувинского языка как «намеки», «причина», «повод». Загадывающий загадку в том случае, когда разгадывающий не может сразу, с первой попытки дать ответ, должен обязательно назвать *баажызы* – намек на ответ. Если же разгадывающий не находит ответа после сообщения ему нескольких вариантов *баажызы*, то он сам должен непременно загадать загадку противоположной стороне.

В этом порядке, или этикете, загадывания загадок – *тывызык* мы видим, прежде всего, осознание носителями фольклорной традиции того, что загадываемое слово должно быть обязательно названо. В этом проявляются следы архаического сознания, когда называемое слово было напрямую связано с предметом называния. И предельная деликатность, осторожность в речи, осознание могущественной, магической силы слова и непременно его называние при том, когда уже «подняли», «разбудили» слово – всё это связано с архаическими истоками художественного слова.

Магическая сила слова требовала от субъекта речи соответствия ситуации воспроизведения слова, что также было связано с постепенным жанровым различением слова. Свадебные обрядовые песни, различные приуроченные лирические песни также восходят к мифопоэтическому слову. Афористическая поэзия, передающая опыт и практику житейской и религиозной мудрости, также отражает древние следы сакральности слова.

Поэтическая категория «стиль» также рождается в сакральных текстах. Проявление слова в ритуальном комплексе мифа и обряда однозначно. Прежде всего, вера в магическую силу произнесенного слова приводит к строго организованному его построению.

Многозначность архаического слова, где значение всегда привязано к ситуации, и приводящая таким образом к двучленному параллелизму и далее к образному параллелизму, получила развитие в основных художественных приемах – образном параллелизме, синонимии, парных словах и выражениях.

Параллелизм в тувинской традиционной словесности часто можно найти в пословицах:

Тоший конь разжиреет,	Меж двух собак кость не бросай,
Больной человек поправится.	Меж двух людей раздора не сей.

[Плоткина 1955: 34–35, 44–45]

В свадебной песне многозначность слова проявляется не только в параллельном образе действующих лиц, но и в повторяющихся словах-пожеланиях типа *амыр*, *менди*, где каждое их произнесение предполагает расширение значения. В «Тувинско-русском словаре» *Амыр* – досл. «покой», «спокойствие», «мир». *Менди* – досл. «жив-здоров», «благополучный», «в полной сохранности». *Амыр-менди* – досл. «здоровье, благополучие» [Тув.-русс. словарь 1968: 59, 293].

Кудаларым амыр-амыр,
Кулун сүрүү менди-менди.
Баарларым амыр-амыр,
Малдар сүрүү менди, менди.

[Кыргыс 1992: 31]

Перевод исследователя тувинских песен З.К. Кыргыз:

Сватам моим здоровья желаю,
А их табунам – благополучия.
Сватам моим здоровья желаю,
А их скоту – процветания.

Наш перевод:

Сватам моим желаю мира и спокойствия,
А табуну жеребцов – полной сохранности.
Дорогим моим желаю мира и спокойствия,
А табуну скакунов – полной сохранности.

Значимость слова в архаической культуре определяет и его функции. В первую очередь, это защитная функция слова, произнесенное слово выстраивает ряд защитников. Отсюда многочисленные обращения к высшим силам природы и повторы.

Повтор одного слова и призыв защиты увеличивают ее силу:

Бог огня, подари добро.
Бог огня, подари добро.
Быть добру в юрте.
Быть добру в юрте.

[Кенин-Лопсан 2007: 80]

Исследователи отмечают, что синонимы используются для нагнетания смысла, слова выступают как «ограда».

И вы, зайчики, спешите удалиться отсюда,
И вы, зайчики, расходитесь и туда, и сюда.
Добирайтесь до больших лесов и гор,
Скрывайтесь там и защищайтесь от хищника.

[Кенин-Лопсан 2007: 113]

Синонимическое варьирование слова и повтор постепенно расширяются. Механизм ступенчатого нанизывания предикативных единиц, развившийся в такие художественно-изобразительные средства, как синонимический ряд, парные слова и др., стал в песенном творчестве основой создания жанровой формы *кожамык* – припевок, а в повествовательном фольклоре – кумулятивной сказки (*дистинчек тоолдар*).

Организация поэтического текста в тувинских припевках-*кожамык* построена по принципу нанизывания высказываний; народная этимология связывает слово *кожамык* с глаголом *кожар* ‘присоединять, нанизывать’.

Синонимическое варьирование связано также с табуацией слов. В целях защиты от внешних сил и смерти запрет на произнесение некоторых слов приводит к их замене иносказанием. Метафорические иносказания в охотничьих заклинаниях – *чалбарыг* и в шаманских *алгышах* восходят к архаической культуре синкретичного слова.

См., например, охотничьи заклинания:

К имеющему имя,
называя по имени, пришел.
К имеющему признание,
имея просьбу, пришел.
Земля моя-танды,
Смилуйся и сохрани!
Одно из двух,
Второе из парного,
Смилуйся, преподнеси!
Земля моя-танды!
[Кыргыз 1990: 101]

Земля моя-танды,
Смилуйся, хайыракан!
Имеющее сотни сердец,
Имеющее девяносто зверей,
Смилуйся, хайыракан!
Стойбище мое, земля моя,
Смилуйся, хайыракан!
Помилуй и сохрани,
Смилуйся, хайыракан!
Имеющее разбивающие из костей мозги,
Помилуй, танды!
Имеющее раскальвающие кости,
Имеющее желтеющий жир жирное,
Помилуй и сохрани!
[Кыргыз 1990: 102]

Суггестивный ритм и повторы предназначены не только для защиты, слово должно легко воспроизводиться, запоминание архаического слова очень важно. Мнемотехническая функция слова в архаической культуре усиливает значимость повторов и ритма. В мифопоэтике необходимы опорные слова для запоминания: *өршээ, хайыракан; болзун, өршээзин* и т.п. («смилуйтесь, *хайыракан*, пусть будет так, помилуйте»).

С младенчества
Пусть будет быстро растущим,
С колыбели
Пусть будет как сталь!
Пусть будет у него большой ум!
Пусть достигнет (будет у него) долголетия!
Пусть обладает (уши его будут) он острым слухом!
Пусть глаза его будут зоркими!
Пусть будет трудолюбивым с золотыми руками!
Пусть счастье покроет его всего!
[Кыргыз 1990: 13]

Ритм достигается при помощи добавления слогов и растягивания слов.

Чап-Чадаананың бап-бажынайда
 Чап-чагган харның эп-эрирезин.
 Чап-чараш кара куп-кулугурнуң
 Чап-чанымайдан ып-ыравазын.

Чап-Чадааны² на самом верху-вершине
 Не тает, растает выпавший павший снег.
 Красавица-раскрасавица возлюбленная моя шалунья-расшалунья
 Не отходит-отходит от меня ни на шаг – ни на шаг.
 [Кыргыс 1975: 61]

Эмер кулун, эммес кулун	Саар кулун, сагбас кулун
Эстеп-ле орда эзир- <u>лейин</u> .	Салып-ла орда, салгын- <u>найын</u> .
Эрге кара чаннап орда,	Чараш кара чаннап орда,
Ээр-ле хаактың бажы- <u>лайын</u> .	Чаш-ла хаактың бажы- <u>лайын</u> .

Сосет жеребенок, не сосет жеребенок,
 А мчится, словно орел.
 Возлюбленный ластится,
 Словно верхушка податливой вербы.
 Доят кобылицу, не доят кобылицу, а жеребенок
 Летит, словно ветерок.
 Красавец-возлюбленный ластится,
 Словно верхушка молодой вербы.
 [Тыва кожамыктар 1965: 187]

Пар-ла ыяштыг Межегейни, конгургай,
 Бараан дуглай берген чүзүл, конгургай.
 Баштак кара уругларнын, конгургай,
 Бажымайлай берген чүзүл, конгургай.

Реку Межегей и ее могучие прибрежные лиственницы, конгургай,
 Что это загоразживает, не видно, конгургай.
 Шутливые девушки-красавицы, конгургай,
 Что это притворяются, что головная боль у них, конгургай.
 [Аксенов 1964: 77]

Таким образом, в реконструкции архаической поэтики, обнаружении начальных форм трех важнейших категорий поэтики – «автор», «жанр» и «стиль» – раскрываются истоки важнейших художественных свойств тувинской словесности. Некоторые из них продолжают жить в таких поэтических категориях, как мотивы восхваления субъекта, образный параллелизм, синонимия, кумуляция и т.д. Исследование архаического периода художественного сознания позволяет выявить систему поэтических средств тувинской словесности во всем их многообразии и исторической эволюции.

² Чадан, Чадаана – название населенного пункта.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов А.Н.* Тувинская народная музыка. – М., 1964.
- Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. Сб. статей. – М.: Наследие, 1994.
- Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986.
- Бройтан С.Н.* Из лекций по исторической поэтике: Слово и образ / Сер. «Лекции в Твери». – Тверь, 2001.
- Веселовский А.Н.* Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. – Л., 1940.
- Донгак У.А.* Тувинское стихосложение. – Кызыл, 2006.
- Кенин-Лопсан М.Б.* Алгыши тувинских шаманов. – Кызыл, 1995.
- Кенин-Лопсан М.Б.* Мифы тувинских шаманов. – Кызыл, 2002.
- Кыргыз З.К.* Песенная культура тувинского народа. – Кызыл, 1992.
- Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986.
- Мелетинский Е.М.* Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. – М., 1977.
- Самдан З.Б.* Почему Чылбыга проглотила Луну? Тувинские мифы (Чылбыга айны канчап сыырыпканыл? Тыва улустуң бурун-чугаалары). – Кызыл, 2004.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968.
- Тыва кожамыктар. – Кызыл, 1965.
- Тыва улустуң алгыш-йөрээлдери / Сост. З.К. Кыргыз. – Кызыл, 1990.
- Тыва улустуңүлегер сөстери болгаш домактары (Тувинские пословицы и поговорки) / Сост. И. Плоткина. – Кызыл, 1953.
- Фольклор тувинцев Бай-Тайги: в записях от школьников / Сост. Н.А. Алексеев, У.А. Донгак. – Новосибирск, 2006.

Summary. The article aims at a reconstruction of the archaic poetics reflected in the Tuvan traditional oral literature. The author analyses mythological motifs found in various genres of the Tuvan folklore as well as some structural and stylistic features of the Tuvan ritual poetry.

Key words: archaic poetics, myth, reconstruction, ritual poetry, folklore.

**СПЕЦИФИКА ТУВИНСКОГО МИФА И ПРОБЛЕМЫ
ЕГО ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ**

З.Б. Самдан
(*Кызыл*)

Резюме: Разработка научной терминологии в области тувинской фольклористики, в частности сказковедения и мифологии является сложной задачей, необходимость которой продиктована развитием науки. В статье сделана попытка выявить и обосновать наиболее приемлемый термин для понятия «миф» на тувинском языке, опираясь на теоретические определения мифа в отечественной фольклористике и отталкиваясь от особенностей бытования тувинского мифа на современном этапе.

Ключевые слова: миф, терминология, тувинский фольклор, фольклористика.

В благоприятных условиях расширения общественных функций тувинского языка как языка государственного особую актуальность приобретает решение проблем национальной научной терминологии, в частности фольклористической. Создание научной терминологии тувинской фольклористики необходимо не только для разработки ее теоретических вопросов, но также и для решения чисто прикладных задач. Без развитого понятийно-терминологического аппарата на тувинском языке трудно составлять научные и популярные фольклорные сборники, учебники и методологические пособия, осуществлять школьное и вузовское преподавание и т.д.

Решение данной проблемы нами была начато еще лет двадцать пять тому назад. Это было продиктовано самой жизнью. В ходе подготовки тома «Тувинские народные сказки» 60-томной двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (том издан в 1994 г.), а также мифологической части тома «Мифы, легенды и предания тувинцев» (том находится в печати) перед нами встала неизбежная и труднейшая задача — разработка научной терминологии в области тувинского сказковедения и мифологии. В качестве постановки данной проблемы, а также для апробации некоторых своих предложений по принципам формирования сказочно-мифологической терминологии нами был подготовлен доклад «Проблемы сказочно-мифологической терминологии в тувинской фольклористике» [Самдан 1995: 324-326]. Наиболее острыми оказались такие вопросы мифологии, как относительная неизученность мифа, влияние атеистической идеологии на традиционное мировоззрение и его частичная трансформация, недостаточность ранних фиксаций народной терминологии, малая унифицированность имею-

щихся терминов, недифференцированность мифологической и религиоведческой терминологии, трудности, связанные с теоретическими определениями мифа и т.д.

Настоящая статья является продолжением поднятой тогда темы, но с другой, более конкретной задачей, связанной не с составлением текстологических сборников, а уже с чисто исследовательской целью. А именно – попыткой выявить и обосновать наиболее приемлемый термин для понятия «миф» на тувинском языке, опираясь на теоретические определения мифа в отечественной фольклористике и отталкиваясь от особенностей бытования тувинского мифа на современном этапе.

Мифотворчество рассматривается как важнейшее явление в культурной истории человечества. В первобытном обществе мифология представляла основной способ понимания мира. В энциклопедии «Мифы народов мира» С.А. Токарев о сути мифа пишет так: «Миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания. Человеку с самых ранних времен приходилось осмысливать окружающий мир. Мифология и выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя первобытным человеком» [Токарев 1998: 12].

Что заставляет современного человека продолжать интересоваться, казалось бы, непривлекательными и бесполезными повествованиями, сложенными в давно минувшие времена? Если мы хотим понять, что такое человек, мы сначала должны знать, кем и каким он был раньше.

О непреходящем значении мифа для современности убедительно сказал известный английский ученый М. Мюллер: «История этих отдаленных веков и людей, столь чуждых, по-видимому, нашим современным интересам, получает высокую прелесть при мысли, что она открывает нам историю нашего собственного рода, нашей родной семьи, скажем более – историю нас самих... Человеку врожденно уважение к прошедшему...» [Мюллер 1863: 8–10].

Трудность объяснения специфики мифа заключается не только в том, что он удовлетворял религиозные, нравственные и поэтические потребности многих поколений. Прошедшее имеет удивительно притягательную силу, мощным союзником предания является язык. Весь вопрос в том, чтобы понять, каким образом в человеке могли родиться такие вымыслы, как возникли эти слова, имена и представления. Пока не разрешится этот вопрос, трудно будет поверить в правильное и последовательное развитие человеческого разума. В самом слове заключается его история, т.е. слово было мифом. Поэтому во времена возникновения мифов язык выражал в звуках впечатления человека, воспринятые различными его чувствами.

Как утверждает М. Мюллер, сравнительная филология доказала, что в языке нет ничего случайного, неправильного. Такой же вывод можно сделать и относительно мифологии. Поэтому мифологию нужно выводить не из слабости человеческого разума и из скудости его речи, как это делалось раньше, а наоборот, искать для нее объяснение в силе человеческого разума и богатстве его речи. Мифология – это особая речь, древнейшая оболочка языка. Мифология – это не содержание, а форма. В мифе, также как и в поэзии, скульптуре, живописи, выражено чувство удивления или поклонения человека перед окружающей природой [Мюллер 1863: 121–122].

В советское время господствовало атеистическое мировоззрение. Тогда большинство ученых признавали только мифологические системы мировых религий и занимались их опровержением, доказательством недостоверности этих учений. Но мифология как форма сознания, видимо, зародилась на очень раннем этапе истории человечества. Исследования религиоведов С.А. Токарева, В.Н. Баилова, Т.М. Михайлова, В.М. Кулемзина, Н.А. Алексеева и др. доказывают существование мифологии у всех коренных народов Сибири. Исходя из этого, мы основываемся на определении мифологии, сформулированном исследователем этнографии и фольклора народов Сибири Н.А. Алексеевым: «Мифология каждого коренного этноса Сибири представляет собой совокупность фольклорных произведений, отражающих осознание им Вселенной на основе признания ее множественности, т.е. наличия в ней взаимосвязанных параллельных миров – Верхнего, Среднего и Нижнего миров, а также многомерности этих миров, возможности перехода существ различных миров из одного мира в другой и их воздействия друг на друга» [Алексеев 12].

Мифология каждого этноса состояла из сакральных и профанных мифов. Первые считались священными, тайными знаниями, ими владели только исполнители (и руководители) священных обрядов: жрецы культа божеств-покровителей рода или племени, шаманы – люди, обладающие даром переходить из одного мира в другой и воздействовать на существ иных миров. Профанные мифы были известны всем членам конкретных социумов и, в основном, они-то и доступны собирателям.

Бытование мифа в тувинской фольклорной традиции на современном этапе имеет свои особенности. Миф, несмотря на свою архаичность, сохранялся в народной памяти до недавнего времени. Однако в своей нерасчлененной целостности миф в фольклорном сознании запечатлелся гораздо меньше, чем другие жанры тувинского повествовательного фольклора.

Тувинские мифы, частично зафиксированные в конце XIX в., а в основном в XX в., во многих случаях трансформировались, претерпели процесс вторичной мифологизации и представляют собой поздние переложения, а иногда и отдельные отголоски древних представлений. Этот факт, естественно, не позволяет полностью воссоздать прежнюю картину бытования мифов, которая на ранней истории их носителей, видимо, была более полной и разнообразной. Тем не менее, наличие материала, отобранного из достаточного количества вариантов Фольклорного фонда ТИГИ, дает нам основание заключить, что у тувинцев в прошлом существовала довольно развитая система мифологических представлений.

Подтверждением бытования развитой мифологической системы служит также синкретичность архаической эпики – героического сказания, богатырской, волшебной и этиологической сказки, – отличающейся яркой мифологичностью. Эти жанры в тувинской фольклорной традиции сохранились в более полной и развитой форме и оказались относительно устойчивыми. Они являются важным источником для воссоздания системы мифологических представлений тувинцев.

В выявлении и подтверждении утраченных мифологических сюжетов помогают также и сохранившиеся вплоть до XX в. атрибуты и реалии традиционной материальной и духовной культуры тувинцев. Поэтому максимально

воссоздать систему мифологических представлений тувинцев, так же как и других народов, можно опираясь на результаты смежных с фольклористикой наук – истории, этнографии, религиоведения, археологии, лингвистики и др. Для широких сопоставлений с тувинским фольклорным материалом неизбежно обращение к археологическим находкам, сюжетам наскальных рисунков и к текстам памятников древнетюркской письменности и китайских хроник, в которых в той или иной мере отразились древние мифологические представления народов Центральной Азии.

Своеобразием мифологических представлений тувинцев является сочетание в них мотивов, связанных с ранними формами религии и ламаизмом. Поскольку их религиозные взгляды формировались под влиянием самых различных культур, в тувинской архаической эпике встречаются элементы древнетюркской, китайской, индийской, тибетской, монгольской мифологий. Развита буддийская мифология этих народов проникла в Туву вместе с ламаизмом в XVIII в. Однако имеющиеся материалы пока не подтверждают предположения о широком бытовании в Туве буддийской мифологии. Поскольку грамотных тувинцев, имевших доступ к старомонгольским и тибетским письменным источникам, было немного, а среди представителей трудового народа – лишь единицы, эти сюжеты распространились в основном в устной форме. Кроме того, в советское время ламы подвергались преследованиям и по этой причине скрывали свои знания. Практически сюжеты из буддийской мифологии среди рядовых тувинцев бытуют в виде кратких интерпретаций или отдельных их отголосков.

Более широко распространены мифы, отражающие традиционные религиозные воззрения тувинцев, которые на протяжении многих столетий глубоко запечатлелись в их сознании. Как свидетельствует собранный материал, у тувинцев сохранились мифы, основанные на ранних, добуддийских религиозных верованиях тотемистического и анимистического характера. Эта традиция свойственна всем народам, исповедующим ламаизм – религию, которая вбирает в себя традиционные религиозные воззрения, постепенно придавая им буддийскую интерпретацию. При этом рядовые верующие являются двоеверцами. У тувинцев и бурят было принято приглашать шамана, если лама не помог в лечении, и наоборот.

Древняя мифология тувинцев, как и мифология других сибирских народов, изучена очень слабо. В тувинском языке, как и в языках других коренных этносов Сибири, нет общепринятого термина для понятия «миф».

Произведения, отражающие мифологические представления тувинского народа, называются по-разному: *дин бұдер шагда чугаалар* («рассказы времен сотворения мира»), *эрте-бурун шагның чугаалары* («рассказы древнейших времен»), *элдеп чугаалар* («удивительные рассказы»), *коргунчуг, сүртенчиг чугаалар* («страшные, потрясающие рассказы»), *хоруглуг чугаалар* («запретные рассказы») и т.д. [Самдан 1986: 128].

Для различения мифа от других жанров повествовательного фольклора возникает необходимость наряду с международным термином «миф» ввести специальный термин на тувинском языке. В тувинской фольклористике для обозначения понятия «миф» его исследователями предложено несколько терминов: Д.С. Куулар и Ч.Ч. Куулар называют легенду и миф одним общим термином *тоолчургу чугаа* [Кыс-Халыыр 1996: 3–4], Ю.Л. Аранчын – *кара чугаа*,

М.Б. Кенин-Лопсан – *торулга* [Кенин-Лопсан 2002: 531], С.М. Орус-оол – *миф* [Тыва улустуң мифтери 1995: 4]. В приведенных терминах, на наш взгляд, имеются некоторые несоответствия. Термин *тоолчургу чугаа* не дифференцирован, обозначает два неравнозначных понятия – и миф, и легенду; *кара чугаа* совпадает с понятием разговорная речь; слово *торулга* характерно только для определенной местности (Хондергей), *миф* – не исконное в тувинском языке слово.

Как пишет немецкий фольклорист Эрика Таубе, ценгельские тувинцы, проживающие в Северо-Западной Монголии, миф обозначают словом «домак» [Сказки и предания алтайских тувинцев 1994: 18]. В тюрко-монгольском фольклоре отмечены слова, родственные слову *домак*: хакасское *нымах*, якутское *номох*, казахское *жомок*, монгольское *домоґ*, они означают «повествование, сказание». Очевидно, они происходят от одного древнетюркского корня.

Можно предположить, что предки тюрко-монгольских этносов этим словом называли краткое повествование о каком-либо событии. Это, может быть, свидетельствует о том, что у тувинцев раньше существовали определенные повествования с особым названием *домак*. Поэтому миф в тувинской фольклористике можно было бы называть словом *домак*. Однако, учитывая то обстоятельство, что в современном тувинском языке это слово стало применяться для обозначения лингвистического понятия «предложение», необходим другой термин, однотипный с уже устоявшимися в тувинской фольклористике терминами *тоолчургу чугаа* (легенда), *төөгү чугаа* (предание). Исходя из приведенных народных определений и устоявшейся в тувинской фольклористике традиции включать слово *чугаа* в качестве ключевого компонента словосочетания для обозначения жанров несказочной прозы, можно к мифу применить термин *бурунгу чугаа*. Но этот термин может иметь собирательное значение: и миф, и легенда, и предание. Поэтому мы предлагаем называть миф одним сложным словом *бурун-чугаа*. Этот термин, на наш взгляд, как наиболее понятный и ёмкий, отвечает основным критериям мифа: подчеркивает давность происходящего события и веру в его достоверность, а также повествовательный характер произведения.

Использование в науке широко распространенного международного термина «миф» без перевода, разумеется, остается неизбежным. Но с целью расширения границ функционирования современного тувинского языка мы должны стремиться к тому, чтобы возвращать забытые и использовать имеющиеся резервы родного языка. А какой термин закрепится и заживет в языке – покажет время.

Большие трудности вызвали терминологические определения различных групп и подгрупп тувинского мифа, которые нам неизбежно приходилось решать при их сюжетно-тематической классификации. Поэтому в плане постановки проблемы и научной апробации в данной статье мы предлагаем тувинские варианты терминов для сюжетно-тематических групп и подгрупп тувинского мифа, которые сопоставляются с терминами, принятыми в российской фольклористике. При этом мы, разумеется, максимально учитывали специфику тувинского материала. Эти термины впервые были применены при классификации текстов тувинских мифов в изданном в 2004 г. на тувинском языке академическом томе «Мифы, легенды и предания тувинцев» и в сборнике

«Чылбыга Айны канчап сырыпканыл?» («Почему Чылбыга проглотила Луну?») в серии «Тыва аас чогаалының тураскаалдары» («Памятники тувинского фольклора») [Чылбыга Айны канчап сырыпканыл? 2004: 23–34].

Приводим сначала предлагаемые тувинские мифологические термины, затем соответствия из энциклопедии «Мифы народов мира».

I. Укталгалыг [Чүдүлге чок] бурун-чугаалар – Этиологические [Культовые] мифы:

1. Чер, Дээр сылдыстарның тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Космогонические мифы;
2. Кижиниң тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Антропологонические мифы;
3. Дириг амытаннарның тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Зооморфные мифы;
4. Черлер аттарының тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Топонимические мифы;
5. Кижиниң ажыглап чоруур эдилелдериниң болгаш бүдүрген чүүлдериниң тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Мифы о происхождении предметов и явлений культуры;
6. Төрел аймактарның тывылганының дугайында бурун-чугаалар – Генеалогические мифы.

II. Сагылгалыг [Чүдүлгелиг] бурун-чугаалар – Регламентирующие [Культовые] мифы:

1. Ортаа оранның ээлери болгаш бүрүлбаазын күштериниң дугайында бурун-чугаалар – Мифы о духах-хозяевах и сверхъестественных существах в Среднем мире:

- 1) Оран-танды ээлериң (албыс, шулбус, диирец, аза, бук, четкер дугайында бурун-чугаалар – Мифы о духах-хозяевах Среднего мира;
- 2) Элдептиг бүдүштүг дириг амытаннар дугайында бурун-чугаалар – Мифы о мифических животных;
- 3) Ховар үнүштер болгаш бойдустуң бүрүлбаазын чүүлдериниң дугайында бурун-чугаалар – Мифы о мифических растениях и явлениях природы;
- 4) Онзагай чаяанныг кижилер дугайында бурун-чугаалар – Мифы о людях со сверхъестественными способностями

2. Шажын-чүдүлге дугайында бурун-чугаалар – Теогонические мифы:

- 1) Хамнар дугайында бурун-чугаалар – Мифы о шаманах;
- 2) Сарыг шажын бурганнарының дугайында бурун-чугаалар – Мифы о буддийских божествах.

Таким образом, теоретические и практические задачи тувинской фольклористики по разработке научной терминологии находятся в прямой зависимости от уровня развития самой науки. Необходимо расширять и углублять конкретные исследования, опираться на общие принципы терминообразования. При этом нельзя допускать механического перенесения какого-либо термина из одного языка в другой, а следует исходить из исторических корней и специфики того или иного объекта обозначения. Надо стремиться к максимальной унификации терминов и к ограничению описательных определений.

Продолжение издания научных и популярных фольклорных сборников с включением словаря терминов будет способствовать разработке теоретических вопросов тувинской фольклористики.

В отношении тувинца к природе, к животному миру, к людям, в его религиозных чувствах, в соблюдаемых им ритуалах, в его повседневном поведении и в способах выражения своих эстетических чувств, т.е., одним словом, в образе его жизни, в его генетической сущности глубоко укоренились следы мировосприятия его предков. Поэтому миф, так же как и язык, является одним из основных источников для изучения самобытности тувинского народа, его культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Н.А. Традиционная несказочная проза тувинцев // Мифы, легенды и предания тувинцев / Сост. Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, С.Б.Самдан, Ж.М. Юша. – Новосибирск: Наука. – (в печати).

Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. – Кызыл, 2002.

Кыс-Халыыр. Тыва улустун тоолчургу болгаш төөгү чугаалары. (Девичья скала. Тувинские легенды и предания) / Сост. и авторы вступ. ст. Д.С. Куулар, Ч.Ч. Куулар. – Кызыл, 1996.

Мюллер М. Сравнительная мифология. – М., 1863.

Самдан З.Б. О некоторых особенностях собирания и изучения тувинской несказочной прозы // Исследования тувинской филологии. – Кызыл, 1986.

Самдан З.Б. Проблемы сказочно-мифологической терминологии в тувинской фольклористике // Тезисы докладов Международной научной конференции «Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур». – Новосибирск: Наука, 1995.

Сказки и предания алтайских тувинцев / Сост. и автор вступ. ст. Э. Таубе. – М.: Вост. лит., 1994.

Токарев С.А. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. – М.: Олимп, 1998.

Тыва улустун мифтери болгаш тоолчургу чугаалары (Мифы и легенды тувинцев) / Сост. А.Д. Арапчор, автор вступ. ст. С.М. Орус-оол – Кызыл, 1995.

Чылбыга Айны канчап сырыпканыл? Тыва улустун бурун-чугаалары (Почему Чылбыга проглотила Луну? Тувинские народные мифы) / Сост. и автор вступ. ст. З.Б. Самдан. – Кызыл, 2004.

Summary. The development of the scientific terminology in the field of the Tuva folklore studies (especially study of folktales and mythology), is the complicated but inevitable problem. This article makes an attempt to reveal and substantiate the most acceptable term for the concept of 'myth' in the Tuvian language by means of the theoretical определения of 'myth' in the folklore studies of our country and peculiarities of the existence of the Tuvian myth in the modern period.

Key words: myth, terminology, the Tuva folklore, folklore studies.

ПОЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ТЕКСТА
ТУРЕЦКОЙ ГОРОДСКОЙ ПОВЕСТИ

Т.А. Аникеева
(Москва)

Резюме: Жанр турецкой городской повести (*хикайат*) неразрывно связан с традицией народной поэзии — как в сюжетном, так и в структурном плане. Главным источником стихотворных фрагментов турецкой городской повести являются прежде всего тюркский фольклор и народная поэзия, основанная на силлабическом метре. Турецкая городская повесть сохраняет в своих поэтических фрагментах определенное родство с различными формами народной поэзии. Именно поэтические элементы в неоднородном тексте хикайата являются наиболее устойчивыми и в то же время пластичными, подверженными вариациям на всем протяжении его существования. Особую роль в сюжете повести играет поэтическая тематика: часто главным героем ее оказывается поэт-*ашик*.

Ключевые слова: городская повесть, турецкий фольклор, поэзия, метрика, традиция, народная поэзия, ашик.

На всем протяжении своего существования турецкая городская повесть (*хикайат*) занимала промежуточное положение не только между литературным текстом и фольклором, но и между различными фольклорными жанрами, сочетая черты волшебной сказки, народного театрального представления, народной поэзии.

Одна из особенностей турецкой городской повести состоит в соединении прозаического нарратива и стихотворных фрагментов. Первый является собственно повествованием (имеющим свои стилистические особенности) [Аникеева 2004], а поэтические фрагменты текста хикайата представляют собой, как правило, речь героев повести, обращенную друг к другу, стихи, произносимые тем или иным персонажем, и наконец, в стихотворной форме может быть также вступление сказителя-*меддаха* непосредственно перед изложением повести. Все эти вставки имеют различную метрическую и ритмическую организацию. Кроме того, собственно поэтическая тематика играет особую роль в сюжете турецкой городской повести: ведь часто главным героем ее оказывается поэт-*ашик*. Представляется, что в своих поэтических фрагментах турецкая городская повесть сохраняет определенное родство с различными формами народной, в том числе ашикской, поэзии.

Стихотворные фрагменты, как нам представляется, восходят к общетюркской устной фольклорной традиции и являются основным доказательством отражения устной традиции в турецкой городской повести.

Они являются наиболее устойчивым элементом последней: при сопоставлении текстов городских повестей, посвященных одному сюжету (например, «Керем и Аслы» или «Фархад и Ширин»), но различного времени издания (от конца XIX в. до середины XX в.), вне зависимости от жанра произведения можно обнаружить постепенное исчезновение формульных словосочетаний, тогда как стихотворные вставки остаются неизменными. Так, в пьесе на сюжет повести о Кереме и Аслы, изданной в Стамбуле в конце XIX в. [Kerem ile Aslı 1888], в силу жанровой специфики, естественно, отсутствуют формулы, отсылающие к устному нарративу, однако присутствуют как стихи-«бейты», так и стихотворный диалог главных героев, т.е. мы видим то же, что и в прозаических вариантах этой же повести, изданных в разное время; та же закономерность прослеживается при трансформации сюжетов турецкой городской повести в музыкальный жанр *фасл* народного театра карагёз.

Поэтические фрагменты хикайатов, как правило, именуется *бейт* (بيت), реже – *тюркю* (ترك); они обычно имеют ритмическую организацию, основанную на традиционной для тюркской народной поэзии силлабической системе стихосложения, которая обусловлена спецификой строя тюркских языков. Известно также, что многие тюркские литературы оказались под сильным влиянием квантитативной системы стихосложения (*аруз*), заимствованной у арабов и мало приспособленной к строю тюркских языков, однако в турецкой народной поэзии сохраняется силлабический размер (*хедже*), бывший в повсеместном использовании в доисламское время. Тюркизация Анатолии началась приблизительно в X в., когда огузские племена начали свое продвижение на Запад через Закавказье, Иран и Малую Азию, став этнической основой современных турок и азербайджанцев (в то время как другая часть огузских племен осталась в Средней Азии (Приаралье) и в дальнейшем послужила этническим субстратом туркмен и в какой-то мере узбеков). Таким образом, начиная с XIII в. можно говорить уже о существовании в Малой Азии турецкой литературной традиции, более того – традиции поэтической: «Когда говорят о литературе, созданной на турецком языке в Малой Азии в период с XIII по XVIII в., то в сущности подразумевают поэзию» [Маштакова 2002: 65].

Неотъемлемой частью тюркской поэтической традиции, сложившейся на территории Малой Азии, является так называемая ашикская поэзия. В большинстве исследований ашикская литература как особый жанр рассматривается как часть турецкого фольклора (см. например: [Boratav 1939: 10; Körgülü 1962]). По всей видимости, разновидностью ашикской поэзии являлась и народная городская поэзия [Boratav 1939]. Её исполняли в особых кофейнях (*semai kahvesi* или *çalgılı kahve*) и на улицах. Исполнителей в соответствии с исполняемым ими репертуаром называют *maniciler* или *semaiciler*. Например, в Стамбуле такие кофейни располагались в основном в районах Бешикташ, Чешмемейданы, Топхане, Халиджиоглу. В эпоху Танзимата традиция народной городской поэзии ослабела, но известно, что еще в 1919–1920 гг. она продолжала существовать [Kağıtçı 1937].

Основными жанрами народной поэзии, исполнявшимися в кофейнях, были *кошма* и *мани* – традиционные жанры турецкого фольклора,

основанные на силлабической метрике. Различные стихотворные фрагменты, включаемые в городскую повесть, демонстрируют связь именно с этими традиционными жанрами. Рядом с городской поэзией издавна сосуществовала и турецкая городская повесть, потому между этими жанрами не могло не быть взаимодействия.

Одним из главных вопросов изучения народной турецкой поэзии, на наш взгляд, является степень проникновения в нее количественного метра и, соответственно, влияния сугубо литературных форм, заимствованных из арабо-персидской традиции и закрепившихся в турецкой диванной поэзии. Большинство крупных литературных поэтических произведений было создано в технике аруза, тогда как традиционный силлабический метр — хедже — использовался лишь в народной поэзии.

В турецкой народной поэзии существует ряд жанров, исполняемых в сопровождении саза и, как правило, сложенных по правилам аруза: *диван*, *семаи*, *календери*, *везн-и ахар*. Диванная литература оказала также значительное влияние на некоторых народных поэтов (таких, например, как Ашык Омер). Однако наибольшее разнообразие в турецком фольклоре имеют поэтические жанры, традиционно связанные с силлабическим стихосложением: *мани*, *тюркю* (старейшая разновидность народных песен), *кошма*, *дестан*, *гюзеллеме* (форма народной песни с поздравлениями кому-либо), *иляхи* (прославление Аллаха), *нефес* (стихотворная форма, распространенная у суфийского ордена Бекташи) и др. Большая часть данных жанров основана на силлабическом размере хедже (ср.: тур. *hece* 'слог'), повсеместно бытовавшем у тюрок до исламизации.

Ритмическую основу хедже составляет определенное количество слогов и использование цезуры. Согласно Д. Дильчину, самая распространенная разновидность хедже – это семисложник (4+3), который встречается, например, в стихотворных фрагментах в «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгарского. Ф.Е. Корш на основе материала радловских «Образцов народной литературы тюркских племен» отметил, что 7-сложник и 11-сложник, по всей видимости, являются самыми древними стихотворными размерами в народной тюркской поэзии. Так, 7-сложник характерен для всех «южных» (т.е. западногузских, по современной классификации) народов: османцев, гагаузов, крымских татар (народная литература последних, по утверждению Корша, испытала значительно меньшее персидское влияние и, как следствие, практически в мани нет аруза), в меньшей степени азербайджанцев (там персидское влияние и «господствуют песни персидского склада»). «Как бы то ни было, 7-сложный стих и при том преимущественно в форме ямбическо-трохеической оказывается несомненным достоянием еще пратурецкого племени» [Корш 1909: 14]. К той же, «пратюркской», эпохе, может относиться и превращение 7-сложного стиха в 11-сложный посредством «повторения его ямбической части в начале и в конце» [Там же]. 11-сложник обычен «в османских народных и полународных стихах и песнях, например, в крымской сказке об Ашик-Гарибе, изобилующей стихами»; кроме того, 11-сложник «с трохеической частью посередине» характерен для древнейших из известных туюгов – туюгов кадия Ахмеда Бурханеддина Сивасского (XIV в.) [Корш 1909: 14].

Чаще всего стихотворные диалоги героев городских повестей (а также и монологическая речь героя в поэтической форме) вводятся не только особым словом, но и при публикации в печати выделяются особым образом, если текст повести издан в виде литографии. Стихотворные фрагменты – бейты и тюркю – это, как правило, 7, 8, 9, 11-сложники. В одном тексте повести могут встречаться разные по количеству слогов бейты и тюркю.

Пример восьмисложника:

Melül melül bakan dilber	a	8
Narap etti aşkın beni	б	8
Leblerinden bir puse ver	a	8
Narap etti aşkın beni	б	8

О красавица, чей взгляд печален,
Твоя любовь разрушила/опустошила меня.
Дай же мне поцелуй от своих уст,
Твоя любовь разрушила меня.

[Şah İsmail 1960]

Подобные бейты сближаются с уже неоднократно упомянутым мани — жанром турецкого фольклора, распространенным по всей территории Турции (от Анатолии до Стамбула), а также на Балканах, в Румелии и Бессарабии, среди крымских татар и азербайджанцев. Мани имеет разные названия в различных районах Турции: *mâna* в Денизли, *me'âni* или *hoyrat* в Урфе, *karşı-beri* на восточном побережье Черного моря (Трабзон) и, наконец, *bayatı* в Азербайджане. Они могут быть различных видов: *niyet/fal manileri* – гадательные мани, *sevda manileri* – мани любовного содержания, *iş manileri* – мани, исполнявшиеся продавцами на улицах Стамбула, и т.д.; среди мани для нас особый интерес имеют так называемые *karşılıklı manileri*, то есть мани, представляющие собой «дуэт», диалог двух исполнителей, мужчины и женщины.

كوزلرم شیرین ایشم یاقدقجه شیرین ایشم بن اگا شیرین دیدم جاندن شیرین ایشم مکر	Gözlerim Şirin imiş Yaktı gece Şirin imiş Ben ona Şirin dedim Meğer candan Şirin imiş	Увидев Ширин, Я влюбился в Ширин, Назвал ее «Сладостной», От всего сердца эта сладость.
---	---	--

بیت شیرین بن بر یاره قول اولمشم یاثوب بولنده گل اولمشم فوش ديلك بيلمز ایکن شیمدی بلبل اولمشم	(beyt-i Şirin) Ben bir yâre kul olmuşum Yanup yulundu kül olmuşum Kuş dilini bilmez iken Şimdi bülbül olmuşum	Я стала работой любимого, Пылая, превратилась в пепел. Не зная языка птиц, Я стала соловьем.
--	---	--

[Hikaye-i Farhad ile Şirin, ок. 1900]

Надо отметить, что в новейших изданиях турецкой городской повести бейты, произносимые героями, зачастую именуются мани (см.: [Tahir ile Zuhre 1960]). С подобной формой данных народных четверостиший сближаются почти все стихотворные диалоги-бейты героев городских повестей:

Мани представляет собой поэтические куплеты в силлабическом размере хедже: как правило, это 7-сложник с рифмовкой типа *a a b a*, хотя 7-сложный размер не является обязательным условием; нередко встречаются и 8- и 11-сложники. Различаться может и рифма: *a b a b* в первых четверостишиях и *a a a b*.

Что касается влияния других жанров турецкой народной поэзии, которые явно прослеживаются в поэтических фрагментах турецкой городской повести, то среди них можно прежде всего назвать тюркю. Тюркю в турецком фольклоре представляет собой поэтическую форму, основанную на размере хедже, как правило это 7-, 8- или 11-сложники, в конце каждого куплета (*bent*) может следовать припев (*nakarât*). Тематика песен-тюркю разнообразна: любовные чувства, быт, героические подвиги. Часто к тюркю относят образцы древнейшей анатолийской тюркской поэзии [Vorataş 1973: 193]. В городской повести поэтические отрывки также нередко именуется тюркю; они по своей ритмической организации отличаются от бейтов (имеющих сходство с мани), сближаясь фактически с фольклорным жанром тюркю. Тюркю, как и бейты, часто вводится в текст предваряющими словами *şu türküyü söyledi* 'и пропел такое тюркю'; обращает на себя внимание тот факт, что в старых изданиях повестей таких вводных слов нет, а все стихотворные фрагменты именуются одинаково – «бейт».

Некоторые исследователи отмечают, что в поэтических вставках городских повестей (таких, скажем, как повесть о Тахире и Зухре, Асюмане и Зейджан и пр.), чей сюжет имеет исключительно фольклорные корни, преобладает силлабика [Короглы 1982: 17], тогда как, например, в повести о Лейле и Меджнуне, сюжет которой заимствован через персидскую литературу, используется не силлабическая, а квантитативная метрическая система стихосложения. Действительно, в повести о Лейле и Меджнуне (во всех вариантах, начиная от литографий и заканчивая изданиями середины XX в.), а также в повести о Фархаде и Ширин практически не используется форма стихотворного диалога героев, сближающаяся по форме с мани, о которой говорилось выше. В то же время многие поэтические фрагменты повести о Лейле и Меджнуне, несомненно, находятся под сильным влиянием аруза.

Влияние квантитативного метра прослеживается также и в другом виде поэтических фрагментов – самаи и фасил. Данные стихотворные вставки представляют собой вступление сказителя-меддаха непосредственно перед рассказыванием повести. Как правило, самаи и фасил сохраняются в городских повестях, записанных с устного исполнения, но не в печатных или литографированных изданиях, где они отсутствуют (см.: [Gül ile Mir Ali Şir hikâesi 1946; Köroğlu 1981]). По своей форме данные стихотворные фрагменты сближаются с некоторыми одноименными жанрами народной ашикской поэзии (семай), в основе которых лежит аруз; они скорее связаны с мусульманской (суфийской) традицией и поэзией *текке* (дервишеских обителей). Поэтому семай и фасил турецких городских повестей не являются органичной частью текста самой повести; данные поэтические вставки,

видимо, являются хронологически более поздними, чем бейты-мани и тюркю, произносимые героями городской повести.

Таким образом, даже если в поэтических фрагментах турецкой городской повести и прослеживается влияние аруза, то оно не идет непосредственно из литературных источников, а проявляется опосредованно через народную поэзию (но не диванную поэзию и литературную традицию). Источниками стихотворных фрагментов являются различные жанры турецкой народной поэзии (мани, тюркю, дестаны, кошма), имеющие силлабическую ритмическую основу, а также древнейшая тюркская поэтическая традиция.

Помимо упомянутой устойчивости поэтический текст городской повести характеризуется и значительной вариативностью. Зачастую в некоторых хикайатах, в основном в тех, где речь идет о жизни и любви ашика, поэтические фрагменты могут варьироваться по своему объему от издания к изданию: в текст стиха могут добавляться лишние строфы или строки. Так, литография повести о Кереме и Аслы (имеющая характерное заглавие — «Диван-и Керем», то есть «Диван [ашика] Керема») содержит множество бейтов и других поэтических фрагментов, приписываемых народному поэту-ашику Керему [Divan-i Kerem 1882]. Естественно, данные поэтические вставки присутствуют и в других изданиях повести о Кереме и Аслы, осуществленных уже в гораздо более позднее время типографским способом и массовым тиражом [Kerem ile Aslı 1949; Kerem ile Aslı 1956], однако почти каждый поэтический фрагмент, содержащийся в них, превосходит по своему объему изначальный, послуживший основой для дальнейших изданий и обработок текст литографии.

Такое же варьирование вставок наблюдается в различных по времени изданиях или записях повести о Фархаде и Ширин [Hikaye-i Farhad ile Şirin 1900; Ferhat ile Şirin 1959; Ferhat ile Şirin 1965]); подобные вариации связаны с добавлением или сменой строфы или слова в пределах одного или нескольких бейтов, и конечно, при этом структура рифмы и ритма бейта (например, диалог в форме *мани*) не нарушается и не меняется. В одном из самых ранних литографированных изданий повести о Кереме и Аслы есть ряд стихотворных фрагментов (обычно тюркю Керема, заимствованные из поэзии ашика Керема, судя по собранию его стихов), которые отсутствуют в позднейших публикациях [Kerem ile Aslı 1956]. Как отметил Боратав, данные тексты по своей тематике тесно связаны с суфийской народной поэзией [Boratav 1939]. И наоборот, в поздних изданиях могут присутствовать стихи, которых нет в литографии и которые, по всей видимости, являются вставкой редактора из какого-либо фольклорного источника. Можно сказать, что поэтические фрагменты турецкой городской повести (в особенности повестей о народных поэтах-ашиках, содержащих их стихи), будучи тесно связанными с различными жанрами народной поэзии, существуют отдельно от текста прозаического, как самостоятельные тексты, которые не зависят от изменений, происходящих на протяжении длительного времени с прозаической частью городской повести.

Таким образом, можно говорить об одном из главных свойств поэтических вставок в текст турецкой городской повести: будучи чрезвычайно устойчивыми, они в то же время обладают известной пластичностью, которая в свою очередь

обусловлена тесной связью данных фрагментов с турецкой фольклорной поэтической традицией.

Особый интерес среди турецких городских повестей вызывают те, чей сюжет повествует о жизни и любви какого-либо ашика. Сюда относятся, например, повести об Асюмане и Зейджан, о Сюммани и Гюльпери, об Эмрахе и Сельви, о Кереме и Аслы. В последней повести, по всей видимости, идет речь о народном поэте Ашике Кереме, или Керем-деде [Boratav 1939: 117]. Существуют также хикайаты о Ашике Курбаны, Караджа Оглане, Ашике Омере, Эмрахе из Эрчиша (Эмрах из Эрчиша – Erçişli Emrah — народный поэт XVII в.; имя Эмраха, судя по повести об Эмрахе и Сельви, где он выступает как главный герой, связывается не только с Эрчишем, но и с другими районами Турции [Sakaoğlu 1989: 143–145]).

Как правило, такой сюжет определяет и ряд мотивов, связанных собственно с поэтическим даром ашика: обретение им этого дара (часто — мистическим образом), наречение именем, отличным от того, которое он получил при рождении (своего рода поэтическим псевдонимом; аналогично архаическому обряду наречения именем в сказках и эпосе); одним из распространенных мотивов является также поэтическое состязание ашиков.

Данный тип повестей представляет для нас особый интерес, потому что он позволяет приблизительно определить временные рамки возникновения городской повести. Так, главный герой повести о Караджаоглане и Бенли-кыз [Karaca Oğlan ile Benli kız 1947], Караджаоглан (Karaca Oğlan, Караджа Оглан) обретает поэтический дар и затем, став ашиком, странствует в поисках своей возлюбленной. Часть стихов, которые слагает и поет герой повести в сопровождении саза, принадлежит известнейшему народному поэту Караджа Оглану, который жил в XVI (по другим данным — XVII) в. [Köprülü 1962; Sakaoğlu 1989: 123]. Приведенный ниже поэтический фрагмент хикайата о Караджаоглане и Бенли-кыз является одним из известнейших стихотворений, авторство которых приписывается Караджа Оглану [Sakaoğlu 1989: 123; История Османского государства 2006: 18].

İncecikten bir kar yağar	Снег сыплется мелкими хлопьями,
Tozar Elif Elif diye	Падает, говоря «Элиф, Элиф!».
Deli gönül aptal olmuş	Безумное сердце стало глупым —
Gezer Elif Elif diye	Стучит, говоря «Элиф, Элиф!»
Elifin uğru nakışlı	След Элиф узорен,
Yavru balaban bakışlı	Она похожа на птенца сокола,
Yayla çiçeği kokuşlu	На лугу аромат цветов
Kokar Elif Elif diye	Говорит «Элиф, Элиф».
Elif kaşlarını çatar	Брови Элиф нахмурены,
Gamzesi sineme batar	Ее взгляд погружается в мое сердце.
Ah elleri kalem tutar	Ах, перо в руке
Yazar Elif Elif diye...	Все пишет «Элиф, Элиф!».

[Karaca Oğlan ile Benli kız 1947: 53]

Помимо приведенного примера в тексте повести встречаются и другие стихотворения Караджа Оглана. Таким образом, возникновение данной повести как цельного текста, сочетающего элементы прозаические и поэтические (в частности, стихи Караджа Оглана) может быть отнесено не ранее, чем к XVII в.; то же самое следует сказать о повести об Эмрахе и Сельви, в которой идет речь об ашике Эмрахе из деревни Эрчиш, в какой-то степени – о повести о Кереме и Аслы. Собственно говоря, в некоторых повестях подобного типа прозаический текст и сюжет становятся лишь обрамлением к стихам известного ашика.

Весьма интересна фигура ашика Сюммани (1860–1915). Его настоящее имя — Хюсейн, он был сыном крестьянина Хасана, родился и умер в деревне Самикале иля Нариман (вилайет Эрзурум, Анатолия). Его учителем-уазом был ашик Эрбаби. Большая часть биографических сведений об ашике Сюммани перешла в повесть о Сюммани и Гюльпери. Согласно ее сюжету, Хюсейн, сын Хасана из деревни Самикале, обретает поэтический дар (во сне ему являются дервиши и дают испить вино любви), в качестве наставника он обретает ашика Эрбаби; в поисках своей возлюбленной Гюльпери он обходит множество стран, но умирает в разлуке с ней. Судя по русскому переводу, в тексте повести в качестве поэтических вставок содержатся стихи самого поэта-ашика Сюммани.

Как уже было отмечено, по данным одной из библиографий турецкого фольклора, повесть об ашике Сюммани и его возлюбленной Гюльпери под редакцией М. Ураза была издана в Стамбуле в 1937 г. (повторно — в 1969 г.). Таким образом, можно сделать вывод о том, что еще в первой половине XX в. турецкая городская повесть существовала не только как предмет исполнения или воспроизведения уже существующих сюжетов и их вариантов (выше говорилось, что традиция исполнения турецкой городской повести существовала вплоть до 70-х гг. XX в.), но это была еще и живая традиция, способная порождать новые сюжеты. Известно также, что сама традиция ашикской народной поэзии продолжала существовать в XX в. (и существует до сих пор), равно как и традиция исполнения городской повести: среди наиболее известных ее представителей прошлого века (таких, как Талиб Джошкун, Реджеб Хыфзы, Эфкяри, Ашик Вейсель) называют и ашика Мюдами из Посхофа, который был информантом И. Башгёза.

Итак, турецкая городская повесть неразрывно связана с традицией народной поэзии. Основными же источниками ее стихотворных вставок являются прежде всего фольклорная традиция и народная ашикская поэзия, а не литература. Именно поэтический элемент в неоднородном тексте турецкой городской повести является наиболее устойчивым и в то же время подверженным вариациям на всем протяжении ее существования. Если прозаический текст обращается к литературной традиции Ближнего Востока, то поэтический тесно связан с общетюркской фольклорной, еще доисламской, традицией. Поэтические фрагменты являются и наиболее древними в хронологическом отношении частями текста турецкой городской повести.

ЛИТЕРАТУРА

Аникеева Т.А. Устные элементы в турецкой народной повести (к вопросу об устной и книжной традиции) // *Altaica IX*. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 15–26.

История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Ихсаноглу. Т. 2. – М.: Вост. лит. РАН, 2006.

Короглы Х.Г. Турецкая народная повесть // Эмрах и Сельви. Необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. – М.: ГРВЛ, 1982. – С. 5–20.

Корш Ф.Е. Древнейший народный стих турецких племен // ЗВОРАО. 1909, т. XIX.

Маштакова Е.И. Средневековая турецкая литература // Изучение литератур Востока. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 61–83.

Bayaz H. Köroğlu. Antep rivayeti. – Б.м., Karacan yayınları, 1981.

Borataş P.N. Folklor, halk edebiyatı ve âşık edebiyatı // *Borataş P.N.* Folklor ve edebiyat. – İstanbul, 1939. – S. 117–128

Borataş P.N. ‘Kerem ile Aslı’ hikayesi ve Aşık Kerem // *Borataş P.N.* Folklor ve edebiyat. – İstanbul, 1939. – S. 3–16.

Borataş P.N. 100 soru’da türk folkloru. – İstanbul, 1973.

Dilçin C. Örneklerle türk şiir bilgisi. – Ankara: TDKY, 1983.

Divan-i Kerem (ديوان كرم). – İstanbul, 1882.

Gül ile Mir Ali Şir hikâesi // *Borataş P.N.* Halk hikayeleri ve halk hikayeciliği. – Ankara, 1946.

Ferhat ile Şirin. Halk hikayesi. – Sofya: Narodna Prosveta, 1959.

Ferhat ile Şirin. – Ankara: Ayıldız Matbaası, 1965.

Hikaye-i Farhad ile Şirin (حکایه فرهاد ایله شرین). – İstanbul, ок. 1900.

Karaca Oğlan ile Benli kız. – İstanbul, 1947.

Kaygılı Osman Cemal. İstanbulda semaî kahveleri ve meydan şairleri. – İstanbul, 1937.

Kerem ile Aslı (كرم ایله اصلی). – İstanbul, 1305 / 1888.

Kerem ile Aslı. – Sofya: Narodna Prosveta, 1956.

Köprülü M.F. Türk sazşairleri. C.1. – Ankara, 1962.

Sakaoglu S. Türk saz şiiri // Türk Dili. Ocak-Haziran 1989 (Türk Şiiri özel sayısı). – S. 105–250.

Şah İsmail. – İstanbul, 1960.

Tahir ile Zuhre. – İstanbul, 1960.

Summary

Turkish folk narrative form called *hikâye* is a special genre of Turkish folk literature. It is a prose text that includes folk songs and verses, that can be transmitted orally by story-tellers-*aşiks*. This genre is tightly connected with the Turkish folk poetry – *aşik* often becomes the main hero of the *hikâye*. Main sources of the *hikâye* are, first of all, Turkish folklore and folk poetry which is based on the syllabic metre. In its poetical pieces, *hikâye* keeps the definitive kinship with different forms of the folk poetry and just that poetical fragments are the most stable and at the same time flexible and liable to variations throughout the existence of those narratives as a genre.

Key words: folk narrative form, Turkish folk poetry, metrics, tradition, poetical fragment, *ashik*.

ОНОМАСТИКА

ДРЕВНЕИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОРОСИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ И ГИДРОНИМИИ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

Х.Ж. Жаббаров
(*Карши*)

РЕЗЮМЕ. В статье характеризуется древнеиранская лексика, связанная с ономастической оросительной лексикой и сохранившаяся в оронимической апеллятивной и гидронимической лексике Южного Узбекистана.

Ключевые слова: оросительная лексика, заимствование, гидроним, оним, индикатор, древнеиранский пласт.

Одной из важнейших отраслей хозяйства древних жителей Южного Узбекистана (ЮУ) было земледелие, неразрывно связанное с искусственным орошением земель. Поливное земледелие является здесь многовековым видом хозяйства и остается таковым до сих пор. Поэтому оросительная лексика в системе земледельческой лексики узбекского языка занимает особое место. Лексика, связанная со способами полива и видами ирригационных сооружений, является самой частотной и многообразной частью оросительной лексики. Особое место в ней занимают наименования искусственных и естественных путей проточной воды.

В статье рассматривается вклад древних иранских языков в формирование гидронимии и оросительной лексики Южного Узбекистана.

Среди заимствований в оросительной лексике узбекского языка преобладают слова иранского происхождения. Согдийские, хорезмийские и персидские слова проникли в лексику узбекского языка в основном не через письменный язык, а в результате живых контактов ирано- и тюркоязычных жителей региона, так как термины, относящиеся к народной агротехнике, орудиям производства, ирригации, легко переходили в узбекский язык в результате добрососедских трудовых отношений.

Древние гидронимы ценны как оригинальные источники по этнографии и культуре узбекского народа, об исторических связях тюркоязычных и ираноязычных народов в их далёком прошлом. Исторические факты говорят о том, что «этническую основу узбекской народности составляли древние жители среднеазиатского Междуречья, Ташкентского оазиса и Хорезма (саки, массагеты, согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и ферганцы), говорившие на восточноиранских языках» [Шаниязов 1984: 343]. Этнокультурные контакты тюркских и ираноязычных народов в вышеупомянутом регионе начались в конце первого тысячелетия до н. э. и в первые века н. э., что подтверждается гидронимией Узбекистана, особенно южного региона республики. Даже в тех гидронимах и

оросительных терминах, которые отмечены в памятниках IX–X вв. мы видим лексемы и аффиксоиды иранских языков; например: *арна*, *кориз*, *об*, *руд*, *жан*, *жон*, *дак*, *ком-кам*, *хон*, *даҳна*, *нова*, *пайкал*, *шох*, *жўй*, *чашма*, *чарх* и др. Ниже мы рассмотрим самые продуктивные из них.

1. *Арна//орна//анна//онна*. Лексема *арна* в узбекском литературном языке отсутствует, хотя активно участвует в гидронимо- и в топонимообразовании по всей территории узбекоязычного региона. Этот факт, видимо, говорит о том, что слово было заимствовано на уровне апеллятивной лексики. Позже его апеллятивно-терминологическое значение было утрачено, и слово приобрело значение и функцию имени собственного, чем обуславливается образование ряда гидронимов с его участием в препозиции.

Гидронимы, созданные с участием *арна*, имеют две грамматические структуры: а) слово выступает как индикатор в функции собственного имени: *Арна* (овраг в Чиракчинском р-не, село в Камашинском р-не), *Онна // Орна* (овраг в Дехканабадском р-не); б) в сложных гидронимах *арна* выступает и в препозиции (*Арнасой*, *Арнақапчигай*, *Арнабулоқ*, *Арнақул*), и в постпозиции (*Хўжаарна*, *Хўжаанна*, *Жумаанна*, *Қизиларна*, *Зовонна*, *Кўронна*, *Чуқуронна*, *Тошонна*). Простые и сложные гидронимы имеют открытую семантику, их можно интерпретировать на основе диалектных значений, которые характерны кипчакским наречиям узбекского языка в регионах ЮУ.

В разных районах и крупных населенных пунктах *арна//анна* имеет своеобразное значение: *анна//онна* ‘неглубокий овраг’ (Чиракчи), *арна//орна* ‘русло воды селевых потоков’, ‘углубленное место после весенних дождей’, ‘овраг’ (Дехканабад), ‘русло на дне долин, где текут родниковые или подземные воды’ (Байсун). Все разновидности значений объединяются общей семантикой – «овраг или неглубокое русло, где текут весенние подземные воды, место проточных вод». В низовье Амударьи *арна* – это большой канал. Ареал распространения этого гидронима очень обширен и охватывает Среднюю Азию, Казахстан, Кавказ. Многие считают, что *арна//орна* – реликт хорезмийского языка, оно зафиксировано в говорах хорезмского диалекта в форме *арна* со значением «канал», «арык». Слово *арна* имеет более древнее происхождение, оно имеет, вероятно, генетические связи санскритским *ar* ‘течение’, *arna* в древнеиранском и санскритском языках – «бурлящий, бушующий, колышающийся поток», в осетинском языке *ардон* – «бешенная река».

2. *Об* ‘вода’. Гидронимов с исходом *об* довольно много: *Шўроб* (правой приток Кашкадарьи и Шерабаддарьи) – *шўр+об* букв. ‘соленая вода’, хотя, возможно, происходит от ягноб. *шур//шура* ‘обрыв’, тадж. *шур* ‘обрыв, осыпь’, ср.: ягноб. *чор* ‘узкое ущелье’ [Хромов 1975: 15, 19], т. е. речка, текущая в ущелье); *Панжоб* (приток Шерабаддарьи) – толкование «пять рек» не соответствует действительности; по нашему мнению, гидроним обозначает «верхняя река», «река, текущая с возвышенности»; *Сиёб* (левый приток второго порядка Кашкадарьи, в памятнике XVI в. «Вакф-наме» *Сиёҳ об*, букв. ‘черная вода’, калька тюркского *қора сув* ‘река, питаемая подземными и родниковыми водами’); *Тезоб* (левый приток Кашкадарьи – *тез//диз* ‘крепость’ + *об* = ‘речка, текущая возле крепости’); *Дуоб* – (название ряда речек) – *ду* + *об* = ‘двуречь’); *Бароб* (село в Чаганиане) – *бар//нар* ‘верхний’ + *об* = ‘верхняя река’), а также гидронимы *Вандоб*, *Зарчоб*, *Ғуржоб*, *Чакоб*.

Ряд гидронимов образован на базе таджикского языка. Некоторые из них отражены в памятнике XVI в. «Вакф-наме» в виде конструкций персидского изафета: *Обикалон* (< *об+и+калон* ‘большая река’); *Обикундаланг* (< *об+и+кундаланг* ‘река, текущая поперек течения главной реки’), *Обисафед* (< *об+и+сафед* ‘белая река’, т. е. река, питаемая снежными и ледниковыми водами); *Обикаркарак* (< *об+и+Каркарак* ‘речка селения Каркарак’); *Обиях* (речка в Сариасийском р-не, < *об+и+ях* ‘речка, берущая начало из ледников’), *Обиравон* (речка в Камашинском р-не, < *об+и+равон* ‘проточная вода’, ‘бурная речка’), *Обизаранг* (река в Сариасийском р-не, < *об+и+заранг* ‘река с песочным руслом’, ср.: тадж. *зароганг* ‘песчаное место’ (ФЗТ: 1, 441); *Обишир* (река в Сариасийском р-не, < *об+и+шир* ‘горная река’); *Обигарм* (река в Дехканабадском р-не, < *об+и+гарм* ‘горячая вода’, хотя возможно иное толкование: *об+и+гарм* ‘горная река’ (*гарм* < *гарун*, ср.: согд. *гар* ‘гора’, *-ун* – аффикс обладания = *гарун* ‘горный’).

3. Лексема *рӯд* // *руд* ‘река’, ‘канал’ в составе гидронимов встречается в двух функциях.

а) В функции определяемого слова, которое указывает на вид объекта: *Кешируд*//*Кешкруд*, *Жажруд*, *Асруд*//*Суруд*, *Хушкруд*, *Хузарруд*, *Чаганруд*. Эти названия встречаются в памятниках IX–XIII вв. Многие из них были переименованы в последующих веках: *Кешируд*//*Кешкруд*//*Қашқадарё*, *Жажруд*//*Оқдарё* и *Оқсув*, *Асруд*//*Суруд*, *Танқас*//*Танхас*, *Хушкруд* // *Қизилдарё* и *Қизилсув*, *Хузарруд*//*Ғузордарё*, *Чаганруд*//*Сурхон* (< *Сурхоб*). Переименования происходили разными способами в разных лингвистических и экстралингвистических условиях: древнеиранские гидронимы были заменены тюркоиранскими гибридными именами (*Оқдарё*, *Қизилдарё*) или чисто тюркскими (*Оқсув*, *Қизилсув*), оттопонимические (*Кешируд*), этнонимические (*Чаганруд*) гидронимы – собственно гидронимами (*Қашқадарё*, *Сурхон*), книжные имена – народными названиями.

б) В функции гидрографического термина слово *руд* в гидронимии ЮУ встречается в трех морфологических и словообразовательных моделях – в функции онима, без словообразовательного аффикса: *Руд* – одна из 16 волостей Кешской области IX–X вв., название зафиксировано Ибн Хаукалем [Бартольд 1963: 1,189]; с аффиксом *-ак*: *Рӯдак* – левый приток Кашкадарьи, так и называлась современная Оқдарё в XVI в., зарегистрирован в «Вакф-наме» [Мукминова 1966: 79]; *Рӯдак* – арык в Яккабагском р-не; производное от него *Рӯдаксой* (озеро в Касанском р-не), образовано по модели сложных слов и гидронимов узбекского языка, где *рӯдак* определяет гидрообъект *сой*. По нашему мнению, *рӯд*//*руд* у современного населения ЮУ приобрело новое значение «канал в оросительной системе», «арык», и в составе такого сложного онима, как *Рӯдаксой*, *рӯдак* означает именно «канал» или «арык».

4. Со словом *хас*//*кас*//*қас* всего зарегистрировано два гидронима: *Танхас*//*Танқас*//*Танқас* – левый приток Кашкадарьи и *Танқас*//*Танқас* – горная речка в Дехканабадском р-не. По определению А.Л. Хромова, гидронимы такого типа были в употреблении по всему Мавераннахру [Хромов 1975: 14]. В междуречье Амударьи и Сырдарьи этот индикатор употребляется в двух фонетических вариантах – *хаиш* и *хас*, что означало «источник», «канал», «водоем» [Там же]. В современной гидрографической лексике указанный вариант не сохранился, но в гидронимии встречается в форме *хас*//*ка*//*қас* с затемненной се-

мантикой, видимо, в данном регионе со значением «река», «речка». Вышеупомянутые гидронимы, образованные с помощью этого же слова, употреблялись в древности согдийцами или даже досогдийским населением, а их препозитивный компонент *танг//тан* в названии указывал на ширину русла реки, что подтверждается его значением «узкий».

5. Согд. *жан//жон* ‘канал’, ‘источник’, ‘родник’ [Хромов 1975: 14]. Гидронимы, созданные с индикатором *жан//жон*, охватывают более обширный ареал, чем с *хас//кас//қас*. Эти гидронимы и отгидронимические имена встречаются в Средней Азии, Афганистане, Иране и на других ираноязычных территориях. Структура таких гидронимов показывает, что в ЮУ они возникли на базе согдийского языка. Это подтверждается тем, что и синхронные и диахронные названия не имеют объяснений на основе современных языков данного региона. Нами были зарегистрированы следующие гидронимы: *Шержон* (село и речка в Шерабадском р-не, – в памирских языках *žer//žir* ‘камень’, видимо, здесь – ‘гора’, а в составе гидронима – ‘горный’ = ‘горная речка’); *Навжон* (село и речка в Шерабадском р-не, – согд. *нав* ‘новый’ = ‘новый канал, новый арык’); *Хонжон* (село и ручей в Шерабадском р-не, < авест., ср.-пер. *xān, xānik*, парф. *ха,п, ха,пуг*, перс.-тадж. *хан//хон* ‘источник’, ‘водоем», ягноб. *хан* ‘орошительная канава’, ‘арык’, ‘ручей’, *хони* ‘источник, ключ’, *катта хан* ‘большой арык’ [Хромов 1974: 14]); *Хонжон* ‘ручей, берущий начало из источника’, *Хонжонкўл* (озеро в Яккабагском р-не; *Хонжон* – отгидронимическое и отойконимическое образование на базе иранских языков, а *Хонжонкўл* < *Хонжон* + *кўл* < *Хонжон(нинг) кўли* = ‘озеро возле селения Хонжон’); *Кўлдижон* (холм, ручей в Дехканабадском р-не); *Маважон* (ущелье, ручей в Дехканабадском р-не); *Мандажан* (область в Чаганиане [Андреев, Пещерева 1957: 1,122], *Варгажан* ~ *Варагажан* (село в Насафе [Бартольд 1963:1,193], *Санжан* (село в Насафе [Там же 1,195]; *Бузмажан* (волость в Кеше и в Самаркандской области [Там же 1,144,189]).

Гидронимы такого типа в исторической гидронимии Средней Азии и Ирана, особенно в Мавараннахре, как имена каналов, протоков, ручьев, так и населенных пунктов встречаются довольно часто: *Буржан*, *Мажан*, *Сангжан*, *Руйжан*, *Санбукжан* (протоки в Панжикенте [Бартольд 1963:1, 224]); *Ларжан* (крепость в Иране [Там же, 497]); *Жан* (озеро в Бургаре [Там же, 224]); *Рабинжан/Арбинжан* (город в Самаркандской области [Там же, 447]); *Самжан*, др. названия – *Руди жарг*, *Харамком* (арык и озеро в Бухаре [Там же, 150]); *Самижан* (село в окрестности Самарканда [Там же, 182]); *Шаглыжан* – поселение в Отраре [Там же, 235]). Список можно было бы продолжить, но он явно показывает, что слово *жан//жон* было в этом регионе активными гидронимобразующим компонентом.

Следует также отметить, что древнеиранское *жан* в современной гидронимии имеет два фонетических варианта: *жон* в постпозиции как индикатор, *жом* в препозиции как дифференцирующий компонент в гидрообразовании (*Жомбулоқ, Жомбўз, Жомбўзсой, Жомбўзкуччи, Жомбулоқ*) и в ойконимообразовании. Имеются гибридные названия, в которых повторяются два слова, имеющие одинаковое значение, но функционально и генетически отличающиеся друг от друга (*жан+булоқ* «родник+родник», «многоводный родник»). Варианты *жом//жан* заимствованы на уровне апеллятивной лексики. В древности

в речи местных жителей ЮУ они употреблялись как самостоятельные лексемы, означающие вид гидрообъекта (родник, канал). Однако после того, как древнеиранское *жан* утратило свое значение и вышло из употребления в живой речи, их стали замещать тюркскими лексемами *булоқ*, *бўз* (в функции и значении «арык»), а *жан/жом* как дифференцирующие слова. Например: *Жомбўзсой* – *Жомбўз+сой* ‘долина (сай) села Жамбуз’; *Жомбўзқуччи* – *Жомбўз+қуччи* ‘село Жамбуз, где живут куччинцы’ (*қуччи* – название тюркского племени); в свою очередь, *Жомбуз* – сочетание лексем *жом* и *бўз* ‘целина’ = ‘арык, который течет по целинной земле’, (*бўз ариқ*). Вероятно, следует предположить, что в прошлом канал, который был проведен по правобережью Кашкадарьи, имел два названия: иранское *жан*, давшее узбекское *жом*, и узбекское *бўзариқ*. Получалось, что один и тот же объект назывался двояко, в дальнейшем после упрощения образовался оним *Жомбўз* < *Жом+Бўзариқ*.

По нашему мнению, имена различных объектов с компонентами *-ион* (река Зарафшон, Бадахшон – село в Камашинском р-не, гора в Таджикистане и Афганистане, Обахшон – село в Дехканабадском р-не, Ардахшон – ущелье в Джизакской области), и *-жон* (город Андижон) следует относить к этому типу онимов.

6. *Дак*. Образования с *дак* малопродуктивны. Не зафиксировано, где бы это структура выступала в форме имени собственного. Наблюдаются формы с *дак* в постпозиции: *Сангардак* (река, левый приток Сурхандарьи), *Ховдак* (озеро в Сурхандарьинской обл.), *Ховдаккўл* (озеро в Шахрисябзском р-не), *Чодак* (село в Наманганской обл.). В народном эпосе «Алпамыш» упоминается большое озеро под названием *Ховдаккўл*, где водятся многочисленные птицы, на которых охотятся герои эпоса. Р.Х. Додыхудоевым определено, что в восточноиранских языках глагольная основа *так* означает «течь», «поток» [Додыхудоев 1975: 77]. Имеет семантическое и генетическое соответствие с осетинским *тæх* ‘речная стремнина, быстрое течение; быстрый, стремительный, бурный (о реке)’ и согдийским *tryh* ‘река’ [Орел 1986:108]. Переход *tak*, *tæx*, *tryh* в *дак*, чередование *m~d* в анлауте собственно узбекских и заимствованных слов, безусловно, закономерно. Первые компоненты *сангар*, *хов* означают геоморфологические и другие естественно-природные особенности объекта, а именно в иранских языках *сангар//сангир* ‘горный’, *хов* < *об* ‘вода’, ‘река’. Следовательно, *Сангардак* < *сангар+дак* ‘горная река’, *Ховдак* ‘многоводная река’, позднее ‘озеро, питающееся горной рекой’.

7. *Кам* ~ *ком* в исторической и современной гидронимии ЮУ синонимичен араб. *анҳор*, тюрк. *арық*, в разных районах часто встречается как ороним или микротопоним от гидронимического происхождения. Например, *Дарвозакам* – адаптированная форма персидского изафета *дарвоза-йи + ком* ‘ворота арыков’, т. е. запруда, где вода разделяется на несколько арыков. Лексема *ком~кам* восточноиранского происхождения, впоследствии вытеснена из апеллятивной и ономастической лексики населения ЮУ персидско-таджикским *жўй* ‘арык’. Как реликт она сохранилась в составе такого гидронима древнего Южного Согда, как *Каманди* (селение в Каршинском и Касанском р-не), где морфемная и словообразовательная структура такова: *ком+он~ин~ун* + *диз* (*-он~-ин~-ун* – аффиксы обладания, *диз* ‘крепость’) = ‘крепость, расположенная на побережье арыка’.

8. *Хон*. В иранских языках семантика и структурные варианты таковы: авест. *хан* 'источник', парф. *х'н*, *х'нуг* 'ручей', ср-перс. *хан*, *хānik* 'источник', ягнобск. *хан* 'оросительная канава, арык, ручей', тадж. *хон* 'небольшой водоем', *хони* уст. 'источник, ключ', перс. *хани* уст. 'небольшой водоем, бассейн'; 'источник, родник' (*хānik*, *х'нуг*, *хани* – производные от *хан* с суффиксами *-ik*, *-ug*) [Хромов 1974:15; ФТЗ 1, 493; ПРС 1,536]. В.Э. Орел приводит ещё значение иран. *хан* 'колодец' [Орел 1986: 109]. С участием *хан*//*хон* созданы гидронимы: *Бандихон*, *Хонариқ*, *Хомариқ*, *Хонжон*, *Хонтена*, *Хонобод*, восходящие к различным типам образования; например, Иранское *хон* по своей форме отождествляется с тюркским *хон* 'хан', 'правитель' поэтому существует народная этимология для *Бандихон* на основе персидского изафета (*банд+и+хон* букв. 'запруда хана, построен ханом'). Это понятно, если принять, что запруда – место, где вода разделяется на несколько арыков.

Гидроним *Хонжон*, образованный в древнейшее время на базе согдийского языка, был наименованием канала и его следует объяснить как «арык (канал), берущий начало из водоема». Так же гидронимы *Хонариқ*, *Хомариқ*, ороним *Хонтена*, ойконим *Хонобод*, образованные по модели словообразования сложных слов узбекского языка, интерпретируются на основе значений древнеиранского *хан*.

Отсюда следует, что в каждом отдельном случае необходимо считаться с особенностями отражения окружающей действительности в языке, зависящими от всей суммы внутренних и внешних факторов, включая этническую психологию.

9. Лексема *кариз*//*кориз* в значении «подземный оросительный канал» имеется в узбекском литературном языке, однако в живом народном языке отсутствует. Но гидронимы и ойконимы, образованные с её участием, сохранены в предгорных районах: *Кариз*, *Каризат* (*кориз+от* с аффиксом множественности), *Каттакариз* (< *катта* *кориз* 'большой подземный арык'), *Чигатойкариз* (< *чигатой* – тюркское племя + *кариз* 'подземный канал чагатайцев'), *Чорвоқкариз* (< *чорвоқ* < *чаҳор* + *боғ* + *кариз* 'подземный канал для загородной усадьбы с садом'), *Зиндонкариз* (< *зиндон* 'темница' + *кариз* 'подземный канал с большим колодцем'), *Каризбулоқ* (< *кариз* + *булоқ* 'родник, берущий начало из подземного арыка'), *Каризариқ* (< *кариз* + *ариқ* 'арык, который берет воду из подземного канала'), *Каризқовчин* (< *кариз* + *қовчин* 'подземный канал каучинцев'). Древнеиранская форма *коҳриз* подверглась фонетическому изменению в таджикском и узбекском языках: *o > a*, в узбекском языке гласный [и] краткий, [х] выпал – *коҳриз > кариз*. Все приведенные гидронимы созданы по модели гидронимообразования узбекского языка, кроме *Каризат* < *Коризот*.

Как видно, гидронимы, созданные с участием слов иранского происхождения по способу гидронимообразования, делятся на следующие типы.

а) Апеллятив в функции онима: *Кариз*, *Даҳна*, *Арна*, *Руд*. Слово, которое для ираноязычного поселения было как термин-апеллятив, соседними тюркоязычными поселенцами воспринималось как оним. Известно, что, если иноязычные слова не поддаются объяснению на базе родного языка, то такие слова воспринимаются как собственные имена геообъектов.

б) Заимствованные из иранских языков гидронимы: *Сангардак*; *Хушкруд*, *Ниҳамруд*, *Бадахшон*, *Сурхоб*; *Шержон*; *Капаржўй*.

в) Гидронимы, созданные на базе узбекского языка с участием узбекских (тюркских), таджикских, древнеиранских слов: *Арнақўл*, *Арнали*, *Зовонна*, *Хонариқ*, *Ўрадарё*, *Ховдақўл*, *Тошкариз*. Основная масса гидронимов представляет собой гибридные названия, что объясняется древнейшей связью тюркского и иранского языков в регионе ЮУ.

Возникновение и формирование гидронимов ЮУ показывает, что они имеют долгую историю. Причем значительное количество зарегистрированных названий водных объектов в памятниках IX–XV вв. является исконно иранского происхождения. Многие из них менялись, переименовались на тюркской основе: *Жажруд* – *Рўдак* – *Оқсув* или *Оқдарё*, *Хушкруд* – *Қизилсув* или *Қизилдарё* (верхнее течение Оқсув, Қизилсув, нижнее течение Оқдарё, Қизилдарё). Как было уже отмечено, в гидронимии Узбекистана иранские заимствования выступают как в постпозиции, так и в препозиции в сложных образованиях. Причем названия, где они находятся в препозиции, образованы по моделям узбекского языка, исключая имена по типу персидского изафета.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев М. С., Пещерева Е. М.* Ягнобские тексты. – М.; Л., 1957. – 355 с.
Бартольд В. В. Сочинения, т. 1. – М: Восточ. лит-ра, 1963. – 759 с.
Додыхудоев Р. Х. Памирская микротопонимия. – Душанбе, 1975. – 77 с.
Кармешова Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976. – 323 с.
Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.: По материалам «Вақфнаме». – Ташкент, 1966. – 289 с.
Орел В.Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра, Южного Буга // Вопросы языкознания, 1986. № 5. – С. 107-113.
 ПРС – Персидско–русский словарь / Под ред. Ю.А.Рубинчика. Т. 1. – М., 1970. – 680 с.
 ФЗТ – Фарҳанги забони тоҷики. Т. 1–2. – М., 1969; т.1. – 952 с.; т.2. – 949 с.
Хромов А. Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Вып. I. – Душанбе, 1975. – 86 с.
Хромов А. Л. О структурных особенностях иранской топонимии Мавераннахра в период IX–XIII вв. // Восточная филология. Вып. III. – Душанбе, 1974. – С. 3–25.
Шаниязов К. Ш. О формировании тюркоязычного народа Средней Азии // Фольклор, литература и история Востока. – Ташкент: Фан, 1984. – С. 343–346.

Summary. The article characterizes Old Iranian loan words with the oronymic semantics in Uzbek. These words have been preserved as oronymic appellatives and hydronyms in South Uzbekistan.

Key words: oronymic vocabulary, loan words, hydronym, onomastics, Old Iranian.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

**О ТУВИНСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ:
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ**

С.М. Орус-оол
(*Кызыл*)

Резюме: В статье предложена периодизация истории изучения тувинского фольклора и характеристика каждого из периодов; описаны основные проблемы и тенденции развития современной тувинской фольклористики.

Ключевые слова: история фольклористики, экспедиции, тувинская устная поэзия, фонозаписи, систематизация фольклорного материала

Историю изучения тувинского фольклора, на наш взгляд, следует условно разделить на четыре периода с точки зрения временной последовательности и результатов изучения: I. Дореволюционный (конец XIX – начало XX вв.); II. Досоветский (30-е гг. XX в.); III. Советский (40–80 гг. XX в.); IV. Современный (с 90-х гг. XX в. по настоящее время).

Дореволюционный период. Основы сибирской, в том числе и тувинской фольклористики, заложили В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Н.Ф. Катанов, Ф.Я. Кон и другие российские ученые-востоковеды.

Первая фундаментальная публикация на языке оригинала фольклорных произведений тувинцев – так же, как алтайцев, хакасов, шорцев и других народов – была осуществлена В.В. Радловым (1837–1918) в его десяти томном труде «Образцы народной литературы тюркских племен». Во время длительных экспедиций в Горный Алтай, Хакасию, Урянхайский край (так именовалась Тува до 1921 г.; в частности, в течение 4 дней он был в с. Кара-Холь в Бай-Тайгинском р-не) ученый записал со слов исполнителей 4 куплета песни, несколько пословиц и поговорок и две сказки: «О богатые Кюжютен-Модуне» и «Пагай-Чуру», часть тувинской версии «Гэсэра» [Радлов 1866: 399–409]. Следует отметить, что дореволюционные ученые не проводили жанровых разграничений между сказками и героическими сказаниями, поэтому в их трудах эпос назывался сказкой.

В 1879 г. Г.Н. Потанин (1836–1920) во время трехмесячного путешествия по Овьору, Кара-Холю и Тере-Холю (Урянхайский край) зафиксировал сюжеты нескольких героических сказаний, до сих пор бытующих в Туве. В их числе: «Кангывай-Мерген», «Тун-Караты-Хан», «Эргине-Мерген», «Алдын-Чаагай», «Танаа-Херел», «Хемре-Мерген», «Бай-Боралдай» [Потанин 1883: 167–648], а также около 30 сказок и легенд.

Первый ученый-хакас Н.Ф. Катанов (1862–1922) в 1889 г. предпринял научную экспедицию в центральные районы Урянхайского края и Хакасии, где собрал богатейшую коллекцию устного народного творчества, которая была издана в девятом томе радловской серии под названием «Наречия урянхайцев (сойотов) (устаревшее название тувинцев. – *О.М.*), абаканских татар и карагасов» [Катанов 1903: 979–1022; Образцы 1907: 1–181]. В издание вошло 1410 разножанровых текстов тувинского фольклора: героические сказания, мифы, легенды, предания, песни, загадки. Этот труд отличается полной паспортизацией, указанием дат и места записей, фамилий исполнителей, их возраста и занятий; все жанры тувинского фольклора представлены на языке оригинала с точным отражением фонетических и морфологических особенностей живого языка.

В 1902–1903 гг. в Туве работала экспедиция Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, которую возглавил ссыльный революционер Ф.Я. Кон. Среди множества собранных этнографических материалов имеются и записи фольклорных текстов: 14 куплетов песен, 5 мифов, 4 сказки, 2 легенды, 2 героические сказания («Сказка о молодце Хайты-Кара» и «Сказка про царя Черни») [Кон 1934: 174–209].

Изыскания известных представителей российской науки свидетельствуют о большом интересе общественности России к культуре, устному народному творчеству народов Сибири. Несмотря на конспективность фиксаций и неполноту паспортизации (тексты кратко документированы только В.В. Радловым и Н.Ф. Катановым) и на то, что тувинский фольклор привлекал внимание ученых в основном как этнографический и лингвистический материал, указанные труды и ныне представляют большую научную ценность для тувинской филологии. Из собранных фольклорных материалов мы узнаем, какие жанры тувинского фольклора и какие памятники, сюжеты, версии сказок и эпоса бытовали в прошлом и какие из них в течение многих веков бережно передавались от поколения к поколению. К сожалению, многие из них в настоящее время не сохранились в памяти современных сказителей и певцов.

Досоветский период (30-е годы XX в.). Возникновение собственно-тувинской фольклористики относится к началу 30-х гг. прошлого века, когда после создания национальной письменности (1930 г.) на страницах газет «Шын» («Правда»), «Аравэ шыны» («Правда ревсомола»), «Хостуг арат» («Свободный арат») были проведены конкурсы на лучшую запись и публикацию фольклорных произведений. В этих республиканских газетах и журнале «Заря революции» («Революстун херели») стали печататься разные жанры тувинского фольклора.

При отсутствии сложившейся письменной литературы фольклорные тексты явились наряду с переводами с русского языка ценнейшим материалом для художественного чтения [Калзан 1971: 187].

Тогда же впервые были опубликованы в обработке писателей О. Сагаан-оола и С. Пюрбю героические сказания «Танаа-Херел с конем Даш-Хуреном» и «Благородный Кара-Когел» в двух сборниках – «Чыынды чогаалдар» («Избранные произведения») и «Тоолдар» («Сказки»). Фольклорные произведения вошли также в первые национальные учебники – «Бичии тургузук-

чулар» («Юные строители»), «Бистиң ажыл» («Наша работа»), «Өөренили» («Будем учиться»). Конечно, публикации первых лет становления тувинской фольклористики не соответствуют современным текстологическим требованиям, поскольку тогда не соблюдались эдиционные принципы: собиратели передавали лишь краткое содержание рассказанного, не владея техникой фиксации. Однако несмотря на случайность и отсутствие планомерности в изучении, плохое знание методики записи фольклорных произведений, отсутствие определенной программы сбора, эти публикации вызвали у тувинцев острый интерес к родной поэзии. Важно, что, например, в документах Третьего пленума ЦК ТНРП (1935 г.) и в отдельных литературно-критических статьях подчеркивалось огромное значение народной поэзии для воспитания трудящихся в духе высоких нравственных принципов и для развития национальной литературы [Калзан 1971: 188].

Советский период (40–80 гг. XX в.). После вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР (1944 г.), прежде всего с созданием Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ, 1945 г.) на планомерной основе стал осуществляется сбор и фиксация произведений фольклора; организуется собирательская деятельность с участием энтузиастов (писателей, учителей, артистов); проводятся индивидуальные командировки научных сотрудников и ежегодные фольклорные экспедиции; слеты народных сказителей и певцов (всего за 65 лет существования института проведено 9 слетов). В результате всех мероприятий был освоена методика записи фольклорных произведений одновременно от многих исполнителей; практикуется переписка с активистами-собирающими из числа сельской интеллигенции, с самими исполнителями, что позволило выявить и зафиксировать значительный пласт фольклорных произведений и их вариантов. Появляются специалисты, получившие высшее образование в вузах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Абакана. Шло становление начальных основ текстологии, формируются ее принципы. Сотрудниками сектора литературы и фольклора ТНИИЯЛИ А. Калзаном, Д. Кууларом, М. Хадаханэ, О. Дарымой, Ч. Кууларом были впервые зафиксированы на профессиональной основе произведения устного народного творчества.

В эти годы создается фольклорный фонд ТНИИЯЛИ (ТИГИ), который состоит из рукописных и магнитофонных записей всех жанров тувинского фольклора; материалы по устному народному творчеству оформлены в соответствии с архивными требованиями.

В настоящее время в фольклорном фонде Тувинского института гуманитарных исследований при правительстве Республики Тыва насчитывается 2223 дел (в каждом по несколько произведений разного жанра тувинского фольклора), сведенных в 312 томов рукописных материалов.

Важнейшее место в фольклорном фонде института принадлежит фонотеке («Фонограммархиву»). К сожалению, из-за необеспеченности института магнитофонами до второй половины 50-х гг. не было возможности вести фонозаписи устного и музыкального творчества тувинцев. Первые магнитофонные фиксации фольклора были сделаны лишь в 1959 г.

Всего в фонотеке на сегодняшний день насчитывается 898 магнитофонных лент с записями всех жанров тувинского фольклора, в том числе около 120 фиксаций героических сказаний, записанных от 65 исполнителей, более 200 единиц горлового пения с различными стилями (*хөөмей, сыгыт, каргыраа, борбацнадыр, эзенгилээр*) и наигрышей на национальных инструментах. Подавляющее большинство записей имеет множество вариантов, широко известных в республике и собранных почти во всех кожуунах Тувы. Среди них имеются повторные записи, сделанные разными собирателями в разные годы от одного и того же сказителя и певца, и редкие материалы, записанные от сказителей-учителей и сказителей-учеников, а также образцы записей фольклора тувинцев МНР и Китая.

Из материалов хранилища по своему качеству и научному уровню особо выделяются записи музыкального фольклора советско-американскими экспедициями 1987 г., собранные музыковедами Т. Левиным, К. Шерлок (США), Э. Алексеевым, З. Кыргыз. Им удалось записать образцы тувинского музыкального фольклора почти во всех населенных пунктах республики (объем магнитных лент более 270 тыс. м).

Магнитофонные записи позволили зафиксировать художественные особенности творчества и мастерства известных в Туве сказителей: О. Чанчы-Хоо, М. Агылдыра, С. Шокшуй (записан его полный вариант «Гэсэра») и др.

Фольклорно-этнографические ансамбли «Тыва», «Саяны», «Эртинелиг Тыва» и Международный научный центр «Хөөмей» широко используют фольклорные фонды института, в том числе записанные мелодии и тексты. Хоомеисты и певцы Тувы побывали во многих странах Европы, Азии и Америки, демонстрируя народное творчество тувинцев.

Наряду с собирательской работой, ТНИИЯЛИ осуществляет публикацию лучших образцов народного творчества. С 1947 г. выходят в свет фольклорные памятники тувинцев в сборниках «Тыва тоолдар» («Тувинские сказки»). Институтом выпущено 16 сборников героических сказаний и сказок на тувинском и 6 на русском языках, 7 сборников песен и кожамыктар, 5 – пословиц и поговорок, 3 – загадок, 2 – мифов и легенд, по одному сборнику благопожеланий (*алгыш-йорээлдер*), детского фольклора и скороговорок.

Осуществленные публикации материалов тувинского фольклора, хотя и составляют уже солидную базу для его всестороннего изучения, неравноценны с точки зрения их научной подготовки к печати. Так, публикации 1940–80 гг. в ряде случаев осуществлялись без специального текстологического изучения и подготовки; некоторые произведения героических сказаний и сказок издавались в литературной обработке; допускалось сведение разных вариантов, записанных со слов разных сказителей, в один текст; из идеологических соображений тексты подвергались вынужденной обработке, в частности, из них изымались эпизоды с шаманскими и ламаистскими атрибутами. Значительная часть материалов не снабжалась удовлетворительной паспортизацией, вступительной статьей, комментариями и примечаниями; не было продуманной системы отбора текстов для публикации, что, естественно, значительно снижает их научную ценность для изучения языка и поэтики фольклорных произведений. Иногда издания осуществлялись любителями-собирающими, а не специалистами-фольклористами. В результате публикации устных памят-

ников Тувы в научном отношении оказались далеко не равноценными. Приходится учитывать тот факт, что эти издания были рассчитаны в основном на массового читателя, поэтому документальная точность передачи текста не входила в задачу составителей. Основная их цель заключалась в том, чтобы как можно шире представить читателю репертуар разных жанров национального фольклора.

По сравнению с произведениями фольклора других народов Сибири, к тому времени уже известных в научных публикациях, в 1940–1980 гг. устное народное творчество тувинцев только начинало вводиться в научный оборот. Русский читатель, например, познакомился в переводе только с шестью произведениями тувинского героического эпоса. Существующая практика перевода, допускающая как смысловой буквализм, так и ничем не обоснованный вольный перевод, далека от фольклористического перевода, призванного передать особенности устно-поэтической традиции тувинского народа.

Все это говорит о необходимости перевода на русский язык всего репертуара текстов героического эпоса и сказок. Проблема научно-адекватной передачи тувинских текстов на русском языке остается в тувинской фольклористике актуальной задачей и поныне.

В указанный период была проделана определенная работа по изучению тувинского устного народного творчества. Написан ряд статей – в основном научно-популярного характера – о сказках [Сарыг-оол 1947: 3–13; Вчерашняя 1953: 136–148], легендах [Куулар 1959: 134–142], песнях [Кюнзегеш 1965: 3–24], о загадках [Тогуй-оол: 20] и др. Этапы собирания и публикации тувинского фольклора освещались в работах А.К. Калзана («О тувинской фольклористике»), Ч.Ч. Куулара («Собирание и публикация тувинского фольклора»), в кандидатских диссертациях З.К. Кыргыз, В.Ю. Сузукей, С.М. Орус-оол и др.

Первую научную монографию «Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа)» опубликовал Л.В. Гребнев [Гребнев 1960: 146]. В этой работе была представлена историко-этнографическая характеристика тувинского эпоса. Он предложил классификацию тувинских героических сказаний, раскрыл некоторые их художественные особенности, отметил общность ряда сюжетов в эпосе саяно-алтайских народов; попытался определить время сложения тувинского эпоса; проанализировал данные о культуре и быте тувинского народа на разных этапах исторического развития. Заслуга Л.В. Гребнева в том, что при рассмотрении произведений эпоса он стремился сочетать подход историка, этнографа и филолога.

Значительным достижением тувинской фольклористики является коллективный труд «Тыва улустун аас чогаалы» («Фольклор тувинского народа»), изданный под редакцией А.К. Калзана [Тыва улустун аас чогаалы 1976: 184]. В первый выпуск вошли написанные сотрудниками ТНИИЯЛИ и по этому Сергею Пюрбю статьи, посвященные идейным и художественным особенностям всех жанров тувинского фольклора.

В предисловии А.К. Калзан уделит большое внимание историографии тувинской фольклористики, как самостоятельного научного направления тувиноведения; здесь показано эстетическое воззрение народных сказителей; дана объективная оценка деятельности дореволюционных ученых и путеше-

ственников; выделены разные этапы развития тувинской фольклористики и поставлены новые задачи изучения тувинского фольклора.

Эта книга тиражом 3000 экземпляров, изданная 34 года назад, сейчас стала библиографической редкостью, но осталась настольной книгой для специалистов, преподавателей, студентов, школьников.

Современный период (с 80-х гг. по настоящее время) знаменуется накоплением и изданием фольклорных материалов, дальнейшим их изучением.

В 80-е гг. тувинские фольклористы приступили к подготовке четырех томов для двуязычной 63-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск). В настоящее время из запланированных томов вышли в свет два тома этой серии: «Тувинские народные сказки» (1994 г., составитель З.Б. Самдан) и «Тувинские героические сказания» (1997 г., составитель С.М. Орус-оол), в печати находится том «Мифы и легенды тувинцев» (составители Н.А. Алексеев, Д.С. Куулар, З.Б. Самдан, Ж.М. Юша). При публикации этих томов составителями были полностью соблюдены все основные принципы серии. Подготовленные к изданию тексты снабжены филологическими и музыковедческими статьями, комментариями, примечаниями, где представлена разнообразная научная информация, объяснены неизвестные историко-культурные реалии, с привлечением богатой источниковедческой базы, а также имеются словари, указатели, нотные приложения.

Фонограмма сказаний и сказок в виде прилагающейся к тому пластинки демонстрирует традиционную манеру мелодической речитации тувинского эпоса и сказки. Все образцы фольклорных произведений, записанные на пластинке, представляют разные сказительские школы Республики Тыва.

Тувинским фольклористам еще предстоит подготовить к изданию следующие тома: «Песни и обрядовая поэзия тувинцев», «Фольклор тувинцев-тоджинцев» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

С 1990 г. сектором фольклора ТИГИ осуществляется издание серии «Памятники тувинского фольклора» на тувинском языке в местном книжном издательстве. В серии опубликованы разножанровые сборники: 5 томов героических сказаний: «Тувинский героический эпос» (1990), «Алдай-Буучу» (1993), «Далай-Байбын-Хаан» (1994), «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» (1995), «Ары-Хаан» (1996); «Тыва улустуң алгыш-йорээлдери» («Обрядовая поэзия тувинцев», 1990), «Матпаадыр» (детский фольклор, 1991), «Аксагалдай ашак» («Старик Аксагалдай», волшебные сказки», 1992), «Дурген чугаалар» («Скороговорки», 1994), «Тыва улустуң мифтери болгаш тоолчургу чугаалары» («Тувинские мифы и легенды», 1995), «Чылбыга айны канчап сырыпканыл?» («Как ведьма проглотила луну?», Тувинские мифы, 2004). В настоящее время подготовлены к печати сборники тувинских загадок (А.Т. Дугаржап) и сказок об Оскус-оолах (Ч.С. Чондан).

Особенность фольклорных текстов, включенных в данную серию, состоит, прежде всего, в их документальной точности, отсутствии литературной обработки, а главное в сохранении и объяснении характерных признаков тувинского языка, его диалектизмов, архаизмов и т.д. Все тексты сверены с оригиналами, изданы с соблюдением научных принципов текстологической работы: печатаются в полном виде, с необходимой вступительной статьей, ком-

ментариями, примечаниями. Основным критерием при этом являлся принцип достоверной передачи устного текста.

Планомерное собирание, изучение произведений тувинского эпоса, издание эпических сборников для массового читателя создали необходимые предпосылки для подготовки академической публикации героических сказаний. Так, в секторе фольклора совместно с Отделом фольклора Института мировой литературы им. А. Горького РАН ведется подготовка публикации тома «Тувинский героический эпос «Тон-Аралчын хан» (3 разновременные версии)» (С.М. Орус-оол) для академического издания в серии «Эпос народов Европы и Азии».

В ТИГИ подготовлены дипломированные научные кадры по специальности фольклористика: докторские диссертации защитили Д.С. Куулар («Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций») и С.М. Орус-оол («Тувинские героические сказания: Текстология, поэтика, стиль»); кандидатские диссертации – А.С. Донгак («Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции»); Ж.М. Юша («Традиционная народная обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика»), Л.К. Хертек («Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы)»); З.Б. Самдан в настоящее время готовит докторскую диссертацию на тему «Миф в фольклорной традиции тувинцев: семантика, поэтика, типология».

Написан ряд монографий по теории музыкального и песенного творчества тувинцев: доктором искусствоведения З.К. Кыргыз «Песенная культура тувинского народа», «Тувинское горловое пение» и др.; доктором культурологии В.Ю. Сузукей «Проблема лада», «Музыкальная культура Тувы в XX столетии», «Конфигурация развития музыкальной культуры Тувы: динамика аксиологического аспекта» и др.; издан сборник работ З.Б. Самдан «Лики тувинской словесности» («За фольклорным жемчугом»), куда вошли статьи и доклады автора по проблемам тувинской фольклористики, а также вышел коллективный сборник «Сказитель Монгуш Хургул-оол» (на тувинском языке), посвященный 100-летию со дня его рождения. Опубликованы разные научные статьи фольклористов в различных сборниках и Ученых записках ТИГИ.

Устное народное творчество тувинцев привлекает внимание и зарубежных специалистов. Так, немецкий фольклорист Эрика Таубе издала на немецком языке в Лейпциге сборник «Тувинские песни. Народная поэзия Западной Монголии» (1980), на русском языке сборник «Сказок и преданий алтайских тувинцев» (1994) и др. На турецком языке вышел сборник тувинского героического эпоса под названием «Tuva Destanları» («Тувинские дастаны», Анкара, 2007). Перевод с тувинского на турецкий язык осуществили Экрем Арыкоглу и Буян Борбаанай.

В ближайшие годы в области собирания, издания и изучения тувинского фольклора, на наш взгляд, должны быть решены следующие проблемы.

Принципиально важное значение имеет собирательская деятельность устной народной поэзии, которая является предпосылкой качественных изданий. Поскольку наш материал в основном архаичный, уходящий, существует настоятельная необходимость в организации комплексных экспедиций и стационарных обследований по сбору фольклора, при этом следует обратить внимание на планомерность и системность записей фольклора по кожуунам

республики. Также необходимо собрать и записать различные варианты сказок и эпических произведений, малые жанры, детский фольклор, анекдоты, устные рассказы, обрядовый фольклор (проклятия, заклинания, восхваления), современный фольклор и т.д. Вместе с тем необходима организация повторных экспедиций в районы, сохранившие фольклорные традиции. Такая организация работы в настоящее время является экспериментальным направлением в фольклористической науке, которое способствует выяснению характера конкретного бытования и изменения фольклора, выявлению устойчивых и изменчивых моментов в тексте, стиля и поэтики фольклорных произведений, состояния их в эпоху научно-технического прогресса и др.

Одной из важнейших задач современной фольклористики является расширение исследований, обобщающих опыт собирательской деятельности фольклористов и разрабатывающих проблемы собирания, методики записи и архивного хранения фольклорных материалов (подготовить и издать вопросники, учебно-методологические пособия, рекомендации, инструкции и др.).

Представляется целесообразным продолжить начинания А.К. Калзана по публикации отчетов о полевых исследованиях в УЗ ТИГИ (открыть постоянную рубрику «Результаты экспедиций года»). Важно привлечь внимание общественности через СМИ к собирательской деятельности фольклористов, пропаганде устного народного творчества как одного из ценных элементов эстетического, нравственного и патриотического воспитания.

Собираемые фольклорные материалы должны, в конечном счете, обеспечивать качественное издание всех жанров тувинской устной поэзии.

Как известно, ценность собранных материалов для науки определяется их четкой научной систематизацией, которая является одной из практических отраслей фольклористической науки и недооценивать ее никак нельзя. Она требует глубоких изысканий как в теоретическом, так и в практическом аспектах. По качеству систематизации можно судить об уровне развития науки о фольклоре того или иного народа. В настоящее время фольклор многих народов мира систематизирован по принципу финской школы, в частности, Арне-Томпсона. Только в том случае, если появятся новые указатели, которые к тому же переведены на электронные носители, мы сможем установить количество текстов и их вариантов, международных и чисто тувинских сюжетов тех или иных жанров.

К сожалению, в ТИГИ начиная с 50-х гг. и по сегодняшний день принцип систематизации не базируется ни какой-либо научной методике. Как результат этого – невозможность получить по инвентарным книгам полные достоверные сведения об имеющихся в фольклорном фонде материалах.

В целом, рукописный фонд и фонотека ТИГИ вполне обеспечивают материалами научные публикации и служит базой для исследовательских работ. Однако, несмотря на то, что в нем хранится большое количество записей тувинского фольклора, значительная часть их еще никому не известна, практически не изучена, но самое главное – образцы музыкального фольклора практически не нотированы. Перед фольклористами стоит задача обработать и ввести в научный оборот хранящиеся пласты древнейших текстов, их вариантов, записанных от талантливых исполнителей – сказителей, певцов, *хөөмейжи* и рассказчиков, большинство которых уже ушли из жизни.

Качество этих записей весьма различно. В техническом плане они лучше сохранилась на кассетах, магнитофонные пленки при длительном хранении на бобинах становятся непрочными, рвущимися, размагничиваются, а записи фольклорных материалов много лет лежат мертвым грузом. Как известно, сохранение фонозаписей фольклора требует особого режима. Собранные подвижническим трудом собирателей бесценные фольклорно-этнографические материалы находятся под угрозой исчезновения, теряют качество в результате длительного хранения. Если не принять экстренные меры, уникальные записи будут утрачены уже в ближайшей перспективе, и мы лишимся того, что имеем. Поэтому необходимо перейти на принципиально новые способы хранения материалов на основе информационных технологий, создать компьютерную информационную базу данных на основе фонозаписей и качественных копий из аудиофонда для пользования. Для этого необходимо создать лабораторию компьютерных исследований текстовых материалов, фоно- и видеозаписей при фольклорном фонде ТИГИ.

Пришло время также обобщить и скоординировать информацию о разбросанных по различным фондам и ведомствам фольклорных материалах: в республиканском госархиве (материалы первых трех слетов сказителей хранятся только там), ТГУ, национальном музее, Доме народного творчества, Международном научном центре Хоомея и в личных архивах отдельных исследователей.

Одной из актуальных проблем современной фольклористики является вовлечение в научный оборот неизвестных и малодоступных архивных фольклорных текстов. Систематизация фольклорных материалов непосредственно связана с текстологической наукой, ибо подготовка и издание текстов так или иначе опирается на ее результаты. Например, проведение текстологической экспертизы требуется для всесторонней проверки фольклорной подлинности, для соблюдения основного принципа практической текстологии – аутентичности текста. Важность такого подхода подчеркнул В.М. Гацак, отметивший, что «... с течением времени число людей, которые понимают сегодня многие тексты, будет не увеличиваться, а уменьшаться, и мы ... как бы отправляем в будущее единственно возможную “посылку”, характеризующую и раскрывающую и творчество, и язык ряда народов... Как велика встающая в связи с этим ответственность: ведь всякая фальшь, отсебятина, вольность, которая будет допущена нами сейчас, уже остается неустранимой в историческом времени» [Гацак 2002: 319].

Совершенно очевидно, что без основательного текстологического изучения того или иного фольклорного памятника тувинская фольклористика также не может продвигаться вперед. В свою очередь, тувинская фольклористика испытывает острый дефицит специалистов-текстологов, которые бы осуществляли работу с памятниками устного народного творчества на серьезной научной основе, на традициях, заложенных в фундаментальных трудах русских ученых.

ЛИТЕРАТУРА

Вчерашняя И.А. Тувинские народные сказки // УЗ ТНИИЯЛИ, вып.3. – Кызыл, 1953. – С. 136–148.

Вчерашняя И.А. Тувинские народные сказки / Рукопись дисс. ... канд. филол. наук. – Рукописный фонд ТНИИЯЛИ, ед. хр. 78.

Гацак В.М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изогlossen, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале) // XIII Международный съезд славистов. Литература, культура и фольклор славянских народов. – М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). – М., 1960. – 146 с.

Калзан А.К. О тувинской фольклористике // УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 15. – Кызыл, 1971.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка. – Казань, 1903. Ч. 2. Образцы народной словесности. – С. 979–1022;

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию. – М., 1934. – Т. 3. – С. 174–209.

Куулар Д.С. О тувинских легендах и преданиях // УЗ ТНИИЯЛИ, вып.7. – Кызыл, 1959. – С. 134–142.

Кюнзегеш Ю.Ш. Тыва кожамыктар (Тувинские частушки). – Кызыл, 1965. – С. 3–24.

Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. – СПб, 1907. Ч.9. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов / Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. – С. 1–181.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб, 1883. Вып. 4. – С. 167–648.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – СПб, 1866. – Ч. 1. Поднаречия Алтая. – С. 399–409.

Сарыг-оол С.А. Тыва тоолдар (Тувинские сказки). – Кызыл, 1947. – С. 3–13.

Тогуй-оол А.С. О загадках тувинцев / Рукописный фонд ТИГИ, ед. хр. № 395. – 20 с.

Тыва улустуң аас чогаалы. – Кызыл, 1976. – 184 с.

Summary. The subject of the article is the periodization of the history of Tuva folklore and description of the each stage, main problems and trends of the development of the modern Tuvian folkloristic.

Key words: history of the folklore studies, expedition, Tuvian oral poetry, records, systematization of folk texts.

НОВОЕ В ВЕНГЕРСКОМ ЧУВАШЕВЕДЕНИИ

Юдит Дмитриева
(Ханты-Мансийск)

Резюме. В статье кратко характеризуются главные направления современных венгерских исследований в области чувашского языкознания. В частности, рассматриваются публикации последних лет видных венгерских тюркологов А. Рона-Таша, К. Адягаши, Л. Викара А. Береца в области исторических контактов венгерского и чувашских языков, народной музыки в Волго-Уральском регионе, фольклора этого региона. Отмечаются и публикации архивных материалов А. Альквиста.

Ключевые слова: чувашский язык и культура, музыковедение, фольклор, исторические контакты венгерского и чувашских языков

В истории венгерской науки тюркология, в частности чувашеведение, занимает особое место. Занятия венгерских ученых проблемами чувашской филологии начались в середине XIX в. в связи с изучением древнечувашских заимствований в венгерском языке и продолжают до наших дней.

За более чем полтора века истории исследований появилось на свет множество работ. Их большая часть (343 единицы) аннотирована на русском языке в вышедшем в 2001 г. в Чебоксарах библиографическом указателе [Дмитриева, Адягаши 2001].

Ниже кратко характеризуются главные направления современных венгерских исследований в данной области.

В упомянутом выше библиографическом указателе приведены 74 работы видного венгерского востоковеда и тюрколога современности доктора филологических наук, профессора, академика ВАН А. Рона-Таша.

После выхода в свет в 90-е годы XX в. двух монографий на венгерском и английском языках, посвященных истории венгров в период обретения ими родины, в 2007 г. появилась его «Краткая история венгров» на венгерском языке [Róna-Tas 2007]. В ней автор уточняется место и время заимствования древнечувашского пласта венгерской лексики, рассматривается связь венгров с сабирами, болгаро-тюрьками, хазарами. Автор монографии параллельно с изложением передвижений предков венгров описывает и раннюю историю всей евразийской степи. Работа в целом лаконично и ясно дает читателю важнейшие сведения и последние разработки по данной теме. В ней затрагиваются как вопросы терминологии, так и вопросы методологии подобных исследований [подробнее см.: Дмитриева 2007/2008].

Последние несколько лет А.Рона-Таш занимается пересмотром этимологий венгерских слов, ранее считавшихся словами неизвестного происхож-

дения. В этом отношении значительны его публикации, посвященные 9 названиям деревьев в венгерском [Róna-Tas:2004a; 2004b]. По словам автора, в венгерском словарном составе примерно 40 фитонимов имеют тюркское происхождение. Большинство из них содержит так называемый «чувашский маркер». Шесть венгерских названий деревьев (dió, gyertyán, gyümölcsény, guúrúfa, kóris, som) являются заимствованиями чувашского типа. 7-е название (bükk) имеет тюркское происхождение, но не содержит чувашского маркера, однако не доказано и обратное. 8-е (moguyó) может быть и чувашским заимствованием. Слово tölgy – аланского происхождения, а éger – неизвестного. В заключении автор подчеркивает, что для заимствования целой системы названий деревьев необходимо было время нескольких поколений. В случае если данные фитонимы были заимствованы в окрестностях Кубани, и, таким образом, свидетельствуют о тюрко-аланско-венгерском соседстве, то венгры там должны были находиться более длительное время. А перекочевать оттуда в Этелкёз они должны были довольно быстро, иначе за время более длительного пребывания между этими двумя точками данные названия могли бы исчезнуть из словарного состава венгерского языка.

В другой статье А. Рона-Таш как раз через анализ вышеупомянутых названий деревьев излагает суть древних тюрко-аланско-венгерских языковых контактов [Róna-Tas 2005].

Эти и ряд других статей автора, опубликованных после 2000 г., предваряют большую двухтомную монографию, подготовленную им в течение последнего десятилетия и издающуюся сейчас. Монография под названием «West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian» находится в производстве в одном из издательств Германии.

Талантливая ученица профессора А. Рона-Таша Клара Адягаши продолжает лучшие традиции венгерского чувашеведения. Ее научная деятельность многогранна. Она занимается изданием первоисточников по чувашскому языку, ареальной лингвистикой в рамках Волго-Камского языкового союза, историей ранних марийско-чувашских языковых контактов.

В 2002 г. К. Адягаши защитила академическую докторскую диссертацию на тему «Роль черемисского фактора в историческом изменении фонетической системы чувашского языка». Данный труд в виде монографии на английском языке увидит свет в 2011 г. В работе дана реконструкция почти 500 собственночувашских слов. Судя по тезисам, автор дает определение позднего древнечувашского диалекта, отделяя его от остальных волжско-булгарских диалектов, а также выявляет заимствования внутри них. К. Адягаши определено также время появления редуцированных гласных в чувашском языке и начало черемисско-чувашских языковых контактов. Ей удалось выделить элементы неизвестного языкового субстрата, участвовавшие в сложении как марийского, так и чувашского словарного состава [Agyagási 2002].

Самые значительные работы по чувашеведению благодаря организаторским способностям К. Адягаши публикуются в основанной ею серии книг «Studies in Linguistics of the Volga-Region» (Debrecen), издаваемой при финансовой поддержке венгерского фонда ОТКА. За рассматриваемый нами период (со времен выхода в свет книги Hungaro-Tschuwaschica – 2001 г.) в данной серии вышла первая часть ее собственной двухтомной монографии «Ранние

русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала» (2005), а также «Чувашское наследие А. Альквиста» (2008) (на немецком языке).

В центре исследования в монографии «Ранние русские заимствования», как это определяет сам автор, стоит реконструкция исторической фонетики тюркских языков Поволжья на основании последовательности изменений определенных русских диалектных форм в процессе их заимствования. Заслуга автора состоит в том, что было доказано, что ко времени монголо-татарского нашествия волжско-булгарский язык существовал в виде трех диалектов. Диалекты отличались друг от друга по количественным признакам в системе гласных фонем. В монографии описывается тогдашнее месторасположение носителей всех трех диалектов, характеризуются сами диалекты до и после монголо-татарского нашествия. В практической части монографии этимологизируется 206 лексических единиц, распространенных в разных диалектах поволжско-тюркских языков до середины XVII в., из которых примерно 80 слов было заимствовано и чувашским языком [подробнее см.: Дмитриева 2007].

В одной из статей, предваряющих указанную монографию, К. Адягаши рассматривает финно-угорские и тюркские языки Волго-Камского ареала в качестве источников русской исторической диалектологии [Адягаши 2008а].

В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого века К. Адягаши, будучи еще студенткой, в двух своих работах отметила необходимость критического издания дояковлевских письменных памятников чувашского языка [Agyagási 1978; 1982]. Она на конкретных примерах показала, что «именно данные письменных источников XVIII–XIX вв. освещают некоторые фонетические или хронологические особенности булгаро-тюркской исторической фонетики». Именно эти работы автора послужили толчком к изданию в 2008 г. упомянутого первого тома «Чувашского наследия А. Альквиста».

«Чувашское наследие А. Альквиста» – это критическое факсимильное издание 232 рукописных фолиантов А. Альквиста под названием «Чувашика». В первом томе после совместно написанного Предисловия составителей (К. Адягаши, Э. Винклер) помещены их статьи: соответственно «Место А. Альквиста в истории изучения чувашского языка», и «А. Альквист как исследователь чувашского языка». Сами материалы Альквиста представляют собой русско-чувашский и чувашско-шведский словарь (С. 2–116) и грамматику чувашского языка на шведском языке (С. 117–178). По мнению К. Адягаши, «бесспорная ценность словников Альквиста состоит в том, что ...[он] последовательно отмечает характерные для верхового диалекта лабиальные редуцированные звуки по всему своему многочисленному лексическому материалу» [Адягаши 2008б: 94]. Дело в том, что, как отмечает автор-составитель, после Второй мировой войны вследствие появления радиопередач на литературном чувашском языке, т.е. на низовом диалекте, в верховом диалекте употребление лабиальных редуцированных очень быстро было вытеснено. Из-за этого словарь Альквиста становится незаменимым при исследованиях по историческому словообразованию. «Отмеченные [Альквистом] и в аффиксах лабиальные редуцированные звуки помогают в этимологической дифференциации их многочисленных омонимичных морфем». По мнению издателя, «... дополнительные записи Альквиста отображают ареальные осо-

бенности лексики верхового диалекта». Многие фрагменты лексики, исчезнувших с тех пор из волжско-булгарских диалектов «всплывают в собранном Альквистом чувашском материале» [Адагаши, 2008б: 98].

Второй том наследия Альквиста должен был выйти в конце 2010 г. в той же серии книг. В нем будет опубликована чувашская грамматика Альквиста в переводе со шведского на немецкий язык в сопровождении критических комментариев К. Адагаши.

Перу К. Адагаши принадлежат и статьи по случаю юбилеев видных чувашских языковедов [Agyagási, Róna-Tas:2005; Agyagási:2009].

Культурологическое значение имеют три работы, изданные в Венгрии за последнее десятилетие.

Первой из них являются дневниковые записи видного венгерского музыковеда Л. Викара, сделанные им во время экспедиций по сбору народной музыки в Волго-Уральском регионе в 1958–2000 гг. [Vikár 2002]. Дневник под названием «На этом и на том берегу Волги», по характеристике Г.А. Николаева, – это «... отражение в зеркале западной цивилизации советской и российской действительности» [Николаев 2008: 144]. Извлечения из записей, рассказывающие о пребывании Л. Викара и Г. Берецки в Чувашской Республике в разные годы, опубликованы в переводе на русский язык Ю. Дмитриевой [Дмитриева 2008].

Следующие две работы одного автора-составителя, Андраша Береца, дополняют друг друга. Это – венгерские издания «Rokonok söre. Csúvas népköltészet» («Пиво родни. Чувашская народная поэзия») и небольшая книга с двумя приложениями MP3 дисков под названием «Sördal. Csúvas népdalok magyarul» («Сăра юрри. Чăваш халăх юррисем венгрла») [Berecz 2001; 2009]. Оба они являются результатом пребывания автора в фольклорной экспедиции в Чувашии.

Основную часть антологии «Пиво родни» составляют чувашские сказки, песни, молитвы, поговорки, так или иначе связанные с пивом или с пивной атрибутикой. Тексты публикуются в художественном переводе автора на венгерский язык. Для венгерских читателей определенный интерес представляют Предисловие и Введение, содержащие новые сведения о чувашской культуре. Здесь упоминаются чувашское пиво, песни о пиве, чувашская родня венгров, чувашская народная поэзия, чувашские мелодии и т.п. Венгерский читатель получает большое удовольствие от необычных ассоциаций автора, от его нестандартного, истинно народного языка.

Звуковым продолжением данной антологии можно назвать второе издание А. Береца под названием «Sör dal» («Сăра юрри»). Красочная книжка с двумя приложенными MP3 дисками содержит вводные сведения о чувашах, о рождении данного издания и поэтический перевод чувашских песен на венгерский язык, выполненный А. Берецом. На первом диске на венгерском языке звучат 23 песни, на втором – 21 песня. Большинство песен имеет инструментальное сопровождение, характерные чувашские музыкальные инструменты заменены аналогичными венгерскими. Кроме основных песен о пиве и песен т.н. «девичьего пива» исполняются хороводные, рекрутские, свадебные песни, песни посиделок и даже песни-плачи.

ЛИТЕРАТУРА

- Agyagási Klára.* A csuvas nyelvemlékek kiadásának néhány módszertani kérdése // *Acta Iuvenum, Sectio Linguistica*, T. II. Szeged, 1978. – P. 9–27.
- Agyagási Klára.* On the Edition of Chuvash Literary Sources // *Chuvash Studies* / Ed. by A. Róna-Tas. – Budapest, 1989. – P. 27–17.
- Agyagási Klára.* A cseremisiz tényező szerepe a csuvas hangrendszer történeti változásában / *Doktori értekezés tézisei.* – Debrecen, 2002. – 25 p.
- Agyagási Klára, Róna-Tas András.* Michail Romanovič Fedotov (1919–2003) // *Acta Orientalia Scientiarum Hung.* Vol. 58 (4), 2005. – P. 445–447.
- Адягаши Клара.* Языки Волго-Камского ареала как источник русской исторической диалектологии // *Studia Slavica Hung.* 53/2, 2008a. – P. 267–274.
- Адягаши К.* Место А. Альквиста в истории изучения чувашского языка // *Чувашский гуманитарный вестник*, № 3, 2008б. – P. 90–100.
- Agyagási Klára.* The ostogenarian L.P. Sergeev // *Acta Orientalia Scientiarum Hung.* Vol. 62 (4), 2009. – P. 461–463.
- Berecz András.* Rokonok sőre. Csuvas népköltészet. – Budapest, 2001. – 191 p.
- Berecz András.* Sőrdal. Csuvas népdalok magyarul. + 2CD + Mp3. – Budapest, 2009. – 44 p.
- Róna-Tas András.* Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) // *Magyar Nyelv*, C. évfolyam, № 3, Budapest, 2004a. – P. 260–273.
- Róna-Tas András.* Néhány megjegyzés faneveinkről (Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) // *Magyar Nyelv*, C. évfolyam, № 4, Budapest, 2004б. – P. 419–438.
- Róna-Tas András.* Turkic-Alanian-Hungarian contacts // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Vol. 58 (2). – Szeged-Budapest, 2005. – P. 205–213.
- Róna-Tas András.* Kis magyar őstörténet. A magyarok korai története az államalapításig. – Budapest, 2007. – 205 p.
- Vikár László.* Volgán innen, Volgán túl. Naplójegyzetek a magyar őshaza vidékéről. – Budapest, 2002. – 404 p.
- Дмитриева Ю., Адягаши К.* Hungaro-Tschuwaschica. Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары, 2001. – 239 с.
- Дмитриева Ю.* Рец. на кн.: *Róna-Tas András.* Kis magyar őstörténet // *Чувашский гуманитарный вестник*, № 1, 2007. – С. 194–197.
- Дмитриева Ю.* Рец. на кн.: *Адягаши Клара.* Языки Волго-Камского ареала как источник ... // *Чувашский гуманитарный вестник*, № 3, 2007/2008. – С. 199–200.
- Дмитриева Ю.* [Извлечения из дневниковых записей о пребывании Л. Викара и Г. Берецки в Чувашии ... (из: [Vikár 2002])] // *Чувашский гуманитарный вестник*, № 3, 2008. – С. 142–187.
- Николаев Г.А.* Подготовка к публикации, Предисловие, Комментарии и Примечания к переводу с венгерского Дневниковых записок с краев венгер-

ской прародины Ласло Викара // Чувашский гуманитарный вестник, №3, 2008. – С. 142–187.

Summary. The article briefly characterizes the most prominent directions of contemporary Chuvash research in Hungary. In particular, the author refers to recent publications of prominent Hungarian researchers András Róna-Tas, Klára Ag-yagási, András Berecz, László Vikár on the historical contacts of the Hungarian and Chuvash peoples, on folk music and folklore of the Volga-Ural region. A special attention is paid to the publications of Chuvash archive materials.

Key words: Chuvash language and culture, music studies, folklore, historic Chuvash-Hungarian contacts.

**ВЕРБАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ТЕКСТЕ**

М. Саидханов
(Андижан)

Резюме. В статье рассматривается роль невербальных средств в построении художественного текста. Невербальные средства, жесты, движения и пр. Они не только способствуют успешности коммуникативного акта, дополняют речь, но могут и заменить речевую реализацию. Конкретные примеры приводятся из романа классика узбекской литературы А. Кадыри.

Ключевые слова: художественный текст, коммуникативный акт, речь героя произведения, невербальные средства.

Художественное творчество является одним из способов интерпретации существующей информации, полученной в результате осмысления человеком бытия. Человек, воспринимая любую информацию, формирует своё отношения к ней, в итоге этого возникает видение мира индивидуальным взглядом творца. Каждый писатель, хочет он того или нет, в своих произведениях отображает себя (И.-В.Гёте).

Художественное творчество – это образ, полученный через призму размышлений автора над определенной темой об объективной действительности.

Единица художественной речи считается законченной информацией и приравнивается к тексту. Текст является составной частью коммуникативного акта, возникающего в результате контакта: Автор (адресант) – Текст – Читатель (адресат).

Возникновение текста и его осмысление зависят от адресанта и адресата. В последнее время в результате функционально-прагматического подхода к языку усилилось внимание к проблеме личности. Ибо язык есть некая форма жизни человека, род его деятельности, вербальное выражение образа его жизни и опыта, средство, формирующее взаимосвязь между людьми [Сусов 1990].

Художественный текст, отображая объективную действительность, является речью, построенной на индивидуальных представлениях автора.

О плакучей иве сложено много стихотворений, однако в каждом из них это дерево осмысливается по-разному. Она – верная подруга (земля тянется к ней), неверная возлюбленная (по отношению к небу), виновная (с приклоненной головой), красавица (словно девушка причёсывает длинную косу), наблюдатель (следит за сидящими под своей тенью) и. т. д. Из этого следует, что писатель, обращая внимание на какой-либо объект, делает себе определенные выводы и предлагает читателю соответствующие заключения.

Н.Д. Арутюнова считает, что любой художественный текст исходит из собственного «Я» творческого работника. «Свобода» в создании художественного текста приводит к многообразию в его осмыслении и понимании читателем [Арутюнова 1981: 357].

Текст является средством передачи определенной информации адресанта адресату, поэтому требуется наличие межличностных отношений для установления акта общения для каждого из коммуникантов [Сафаров 2008: 61].

Если люди не знают единого языка общения или при коммуникативном акте не осведомлены в точной семантике слов, то в этих случаях коммуникация не устанавливается. Или же представим себе ситуацию, когда для создания национального колорита вводятся национальные реалии, не понятные для представителей других национальностей. Так, некоторые коммуниканты не могут понять национального жеста узбеков «обе сложенные руки направлены в сторону лица» (омовение) в значении «нет».

Известно, что общение происходит не только словесно, но понимание достигается также средствами паралингвистики. Проблемы коммуникации и её осмысления коммуникантами положили начало развитию прагматического направления в языкознании. Прагмалингвистика, являясь направлением в исследовании коммуникативных речевых отношений между людьми, выдвигает тезис о необходимости изучения языка в связи с человеком.

Художественный текст создаётся писателем на основе осмысления им объективной действительности, а со стороны читателя он выступает воспроизведенным «продуктом». В этом смысле важна значимость адресата как потребителя как в процессе создания текста, так и в коммуникативном акте поскольку адресант (автор) создает художественный текст для адресата (читателя). Это говорит о «жизненности» текста только в его связи с читателем-интерпретатором. Однако знания читателя о жизни связаны с его мировоззрением, уровнем образованности, возрастом, социальным положением, средой обитания и пр., а это значит, что художественный текст может по-разному интерпретироваться людьми [Голод, Шахнарович 1982].

В романе классика узбекской литературы Абдуллы Кадыри «Минувшие дни» один из главных героев, Атабек, предстает перед читателем как человек мыслящий, учтивый, верный возлюбленный, уважающий и почитающий старших, правдоискатель. Однако о нем в то же время можно сказать, что он многоженец, убийца, разрушитель жизни второй жены Зайнаб и т.д. Все это дает возможность вынести как положительную, так и отрицательную оценку в отношении данного героя.

Если в поэтической форме художественного текста ведущей считается монологическая речь, в драматической форме – диалогическая, то для прозаической формы характерной является как монологическая, так и диалогическая речь. Текст прозаического произведения включает в себя авторскую речь и речь персонажей. В прозаическом тексте в авторской речи даются сведения о месте, времени события, условиях жизни, характерных чертах персонажей, их межличностных отношениях. Авторская речь подается в форме повествования и ремарок. В диалогической речи ремарки поясняют персональную речь, обеспечивают совершенство коммуникативного акта. В

прозаическом тексте речь героев передается обычно в форме диалога, а авторская речь предстает тогда в виде ремарок.

Наблюдая за художественным прозаическим текстом (в данном случае мы взяли роман А. Кадыри «Мехробдан чаён» – «Скорпион из алтаря», из которого ниже приведены примеры), мы видим мастерство автора в передаче эффективности жестов, мимики, различных движений героев, их манеры разговора, которые сопровождают персональную речь конкретного героя. Такого рода «рече-жестовое», то есть невербальное общение в прозаическом тексте осуществляется за счет ремарок [Рахимов 2004: 24]. Обратимся к примерам.

Иш билан машгул Анвар қозғоздан бошини кўтариб, эшикдаги Султонали мирзога қаради:

- Нима гап?

- *Ҳеч гап, – деб қўлди Султонали, аммо кўзида ғазаб ўти ёнар эди. – Мен бояғи қозғозга кирган эдим*

‘Занятый делом Анвар, поднял голову над бумагами, посмотрел в сторону Султонали мирзо, стоявшего в дверях.

- В чем дело?

- Ничего, – улыбнулся Султонали, однако в его глазах пылал огонь гнева. — Я зашел за той бумагой’.

Комментируя диалог в тексте с точки зрения только его содержания, мы становимся свидетелем того, что на вопрос адресанта «В чем дело?» адресат ответил «Ничего. Я зашел за той бумагой». На простой вопрос говорящего слушатель ответил общё, но после дал пояснение. Анализируя текст с позиции коммуникативного акта, можно видеть, что при чрезвычайной занятости Анвара делом, поднятие головы и его взгляд в сторону собеседника как бы уже компенсируют речевой вопрос. Ответ Султонали показывает реализацию обычного общения. Однако авторская ремарка говорит об обратном: акт общения является не простым, а содержательно сложным: Султонали находится в ярости, ложность улыбки покрывает на самом деле пылающий в глазах огонь гнева.

В художественном прозаическом тексте речь героя (в вербальной и невербальной форме) тесно связана с чувствами героев, определенным состоянием и условиями, речевой ситуацией. В тексте она толкуется как рече-жестовое общение и предстает как объект изображения. Своеобразные черты жестовых движений в системе прозаического текста с композиционной точки зрения приобретают особую значимость. Жесты, являясь видами движением, в тексте передаются посредством глаголов. От писателя требуется большое умение труд, чтобы описать невербальное поведение героя, показать его содержательную сторону через языковые знаки, единицы узбекского языка, употребить их в своем значении и стилистически верно их использовать.

Рассмотрим ещё один пример из романа А. Кадыри «Скорпион из алтаря», в котором благодаря авторским ремаркам создается яркий колорит живой, притягательной и эффектной беседы.

- *Тилак ва ташвиқотларингиз холисона бўлгани учун ташаккур айтаман, – деди Анвар, – яна шу ҳолда мени маъзур кўрасиз.*

Махдум яна қизишиди, ўнг кўзини қисиб, бир ёқлама Анварга қаради. Чунки у жуда аччиги чиққан кезларда кишига шу ҳолда қарар эди.

- Мен ким, Анвар?!
 - Сиз... Сиз устозим.
 - Бас, устозингнинг, – деди Махдум, – шу кунгача қайси таълимидан зарар ва қайси кенгашидан зоелик тортинг?

- Нафдан бошқа ҳеч. Лекин ўз умримда бир густоҳлик қилмоқчиман. Махдум яна аччиқланиб, бир-икки тамшанди

- ‘Благодарю за пожелания и объективность Вашей агитации, – сказал Анвар, – и в этой связи извините меня.

Махдум снова оживился, прищурил правый глаз, косо посмотрел на Анвара. Потому что в порыве гнева он всегда так смотрел на людей.

- Кто я, Анвар?

- Вы... Вы мой учитель.

- Довольно уж, – сказал Махдум, – до сих пор от какого наставления и от какого совета ты понес ущерб?

- Кроме пользы, ничего. Однако в своей жизни хочу единственный раз проявить бестактность.

Махдум снова рассердился, раз-другой причмокнул губами.

Мы не только читаем про беседу героев, но и видим её: прищуривание правого глаза, косой взгляд, свирепость, причмокивание, которые, с одной стороны, передают чувства героя, с другой, указывают на индивидуальные черты его характера. В приведенном коммуникативном акте большая роль принадлежит экстралингвистическим средствам, дающим необходимую информацию для читателя.

Уларнинг шу яқинда турган душманга сездирмасликка тиришгандек ёки уйқуда ётган мудҳиш йиртқични уйғотиб юборишдан қўрққандек, оёқларини ерга секин босиб, авайлаб қўзғатишлари ва бир-бирлари билан имлашиб, ночор келганда ярим товушини чиқариб муомала қилишлари бу ҳовлида нимадир бир фавқулодда аҳвол борлигини сездирар эди. Гулшан бу аҳволга тушунгандек, улар билан оҳиста сўрашиди...

‘Их неслышная поступь ног, осторожное передвижение и общение друг с другом знаками, обращение в полголоса, когда приходили бедняки, как будто бы это было стремлением на обнаружить себя перед вблизи стоящим врагом или как бы боязнь разбудить спящего ужасного хищника, свидетельствовали о существовании какого-то чрезвычайного положения в этом дворе. Гулшан, как бы понимая это положение, тихо с ними здоровалась’.

В этом тексте каждое движение, каждый жест подаются в качестве необходимой информации для читателя, тем самым полно раскрывается ситуация в доме жестокого хана (как мерзость и скрытость): *неслышная поступь ног (оёқларининг ерга секин босиши), осторожное передвижение (авайлаб қўзғатишлари), подзывание жестами (имлашиши), речь вполголоса (ярим товуш чиқариб гапириши), тихо здороваться (оҳиста сўрашиши)*.

В диалогической речи каждый из коммуникантов или оба могут через жесты и мимику выразить необходимую информацию. В этом случае жестовые и мимические средства компенсируют речевое состояние, и каждый из жестов или движений соответственно получают свое выражение в тексте определенными глаголами.

Использование неязыковых средств в процессе общения является не недостатком коммуникантов, а наоборот, считается составной частью коммуникативного акта и оценивается как важный атрибут коммуникативного акта.

- Махдум... ҳовли саҳнида чақилоқ кутариб турган Раъно ёнидан айвонга ўтди. Махдумнинг орқасидан кирган Анвар Раънонинг олдида тўхтаб, ундан чақалоқни олди. Отасининг юзида аччиқланиш сезган Раъно Анварга “нима гап” деган каби им қилган эди, Анвар қўз қисиб, арзимаганлик ишорасини берди – ‘Махдум ... прошел на айван мимо стоящей посреди двора с ребенком на руках Рано. Вошедший за Махдумом Анвар остановился перед Рано и взял у нее ребенка. Рано, почувствовавшая раздраженность на лице отца, сделала Анвару знак, как бы говоря, в чем дело. Анвар подмигнул и подал знак, что ничего особенного’.

В этом тексте коммуниканты обменялись информацией, хотя не произнесли ни одного слова. Так на основе неречевых средств осуществилась диалогическая речь.

При лингво-коммуникативном анализе художественного прозаического текста подача выраженных средствами языка движений имеет большую значимость в раскрытии художественного замысла, характеров персонажей, полном осмыслении процесса коммуникации. Ибо, выражаясь словами Э. Бенвениста, можно сказать, что через жесты «мы входим в другой мир, ... в мир общения».

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. языка и лит.-ры. 1981. Т. V. № 4. – С. 356–367.

Голод В. И., Шахнарович А. М. Коммуникативно-когнитивные аспекты текста как единицы речевой деятельности // Сб. научн. трудов МГПИИЯ. 1985, вып. 252.

Рахимов С. и др. Отличие факторы прагматической лингвистики от семантики // Хорижий филология. 2004. № 1.

Сафаров Ш. Прагмалингвистика // Узбекская национальная энциклопедия. – Ташкент, 2008. – С. 61.

Сусов И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, дискурс и личность. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1990. – С. 125–133.

Summary. The article deals with the role of non-verbal means of communication in a literary text. Complementing the oral speech, gestures, movements, etc., help to achieve the purpose of communication; in certain situations, they can even replace the oral speech. Examples taken from a novel of Kadyri, a classic of the Uzbek literature, illustrate this.

Key words: literary text, communicative act, speech of a literary text character, non-verbal means.

**К ЭТИМОЛОГИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБРЯДОВОЙ
ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Ф.Ф. Гаффарова
(Казань)

Резюме: Поволжье и Прикамье выступают самостоятельной зоной формирования тюркской земледельческой лексики. Среди обрядов, культов, верований, сохранившихся в культуре татарского народа и восходящих к доисламскому времени, наблюдаются в достаточном количестве и такие, что относятся к земледелию. Объектом анализа в данной статье является слово *чук / чек / чук*, встречающееся в следующих после жатвы или сева ритуалах задабривания, благодарения, принесения жертвы земле. Также рассматривается лексика, отражающая обряд вызывания дождя (топонимы и пр.).

Ключевые слова: обряд, лексика, этимология, Поволжье, ритуал задабривания, вызывание дождя.

Традиционные обряды – в широком смысле наиболее устойчивая часть народной культуры – являются своеобразными хранителями этнической истории народа и поэтому помогают лучше понять процессы интеграции, адаптации и взаимовлияния, происходившие между разными народами и этническими группами. Обряд, являясь выражением наивной веры человека в силу магии, существовал на протяжении веков в форме строго определенных коллективных ритуальных действий, генезис которых относится к эпохе глубокой языческой древности. Древние предки татарского народа, населявшие Поволжье и Прикамье, формировались как земледельческие народы. По характеру распространения проанализированных названий именно Поволжье и Прикамье выступают самостоятельной зоной формирования тюркской земледельческой лексики. Поэтому в древних языческих обычаях, обрядах, культах, верованиях, сохранившихся в культуре татарского народа, наблюдаются в достаточном количестве и такие, которые относятся и к земледелию.

Каждая ступень развития оставляла свой след в лексике данной отрасли. В отдельных названиях аграрных обрядов сохранилась память о явлениях духовной культуры наших предков. Хотя у татар ислам развит достаточно сильно, он не смог до конца искоренить определенных коллективных ритуальных действий, особенно относящихся к аграрной обрядности. Языковые факты можно эффективно использовать для реконструкции первоначального смысла обрядов, т.к. анализ терминологии обрядов позволяет выявить основные мотивы и глубинный смысл самих обрядов, их самобытность. Через эти названия передается отношение человека к объекту, его знакомство с содержанием предмета и речевые ассоциации.

Объектом анализа в данной статье является слово *чук / чок / чук*, встречающееся в следующих после жатвы или сева ритуалах задабривания, благодарения, принесения жертву земле. В диалектах татарского языка *чук* соответствует слову *жыен* «название праздника, празднуемого в определенное время в определенной деревне» [ТТДС 1993: 369]. В современном татарском языке эти слова в значении, имеющем отношение к аграрным обрядам, как самостоятельные единицы языка не употребляются. Они сохранились лишь в диалектах – в ритуальных названиях, онимах, фразеологизмах.

Р.Г. Ахметьянов указывает, что слово *чок (очек)* является общетюркским. В алтайском и киргизском языках оно означает духа огня. У татар имеется поверье, что нельзя плевать в огонь. Если такое случится, то на губах появятся болячки. Чтобы они исчезли, нужно будет упрашивать духа огня специальной прибауткой *очык такмазасы* [Ахметьянов 2003]. В данном случае следует отметить, что в астраханском говоре имеется обряд – встречать невесту головешкой, через которую она должна перешагнуть (*киленне ут белән ырымлап керту*), чтобы обеспечить ее безопасную жизнь в новом доме. Этот обряд также называется *очыклау / ошыклау / ышыклау*. В указанном говоре слово *очык* означает ‘заговор, заклинание, снадобье’ [Баязитова 2002: 50]. Лексические параллели к данному слову зафиксированы В.В.Радловым: тел., алт. *чок* 1) ‘восклицание во время жертвенного кропления идола’; 2) ‘кропление, возлияние’; 3) ‘угощение духов первыми тремя ложками’ [Радлов 1905 III: 2004], шор., саг. *чогын(v)* ‘молиться’, леб. *чогыр(v)* ‘передать жертву божеству’ (через шамана), *чогырт(v)* ‘велит передать жертву божеству’ [Там же: 2014–2015], *чүк* в кр.-тат. ‘народный праздник в день заговенья на троице’ [Там же: 2190].

В современных словарных источниках лексических единиц и словосочетаний, являющихся названиями обрядов в полном смысле слова, сравнительно мало. В киргизско-русском словаре даются следующие переводы указанных единиц: *чок* ‘горящие угли’ [КРС: 864]; *чөк* ‘небольшая связка травяного топлива’ или ‘небольшая куча соломы’; *чөк ойно* ‘игра в чөк’ (на кон дети ставили связки топлива и бросали в них серпами) [КРС: 870].

В однотомном толковом словаре татарского языка слову *чөк* дается объяснение: ‘1) жертвоприношение у язычников духу огня’; 2) ‘восклицание во время жертвоприношения’ [ТТАС 2005: 671].

В словаре марийского языка приводятся следующие данные: *цөк* ‘жертвоприношение’; ‘обряд принесения жертвы божеству’, *чоклаш / цөкләш* ‘молиться, помолиться, обращаться с мольбой, просьбой к богу, святым’, *чоклымо / цөклымы* ‘молитва, моление’, *чоклышы / цөклышы* ‘молельщик, жрец’ [СМЯ VIII: 278, 378].

Н.И.Ашмарин успел зафиксировать многие ныне забытые обрядовые чувашские слова, в том числе названия обрядов и их содержание. В его словаре толкование значений слова *чөк / чүк* ‘обряд’ представлено системно: *чөк / чүк* ‘жертва, жертвоприношение у язычников чуваш’, *така чүккё* ‘моление, когда в жертву приносился баран’, *тәхәр йал чүккё* ‘жертвоприношение, на которое сходилось 9 селений’, *чүк уйәхё* ‘месяц чүк – одиннадцатый месяц (ноябрь)’, *чүк-кёлё* ‘моление (название духа)’, *чүкле* ‘совершать чүк, принести в жертву’, *чүклеме* ‘название обряда’, *чүклеме кёлли* ‘молитва, которая читалась при совершении чүклеме’, *чүклеме пәтти* ‘название кушанья, кото-

рое готовили к обряду *чүклемә*, *чүклемә сәри* ‘название обряда’, *чүкләх* ‘необходимые для чүк’, *чүк вырәннә* ‘мольбище’, *чөкленнә сәрем* ‘место жертвы’, *чүк сырми* ‘название оврага, где совершали жертвоприношение’ [Ашмарин 1929 XV: 261–266; см. также: Егоров 1964: 328; Федотов 1996, 2: 426–427].

В татарском языке среди собранных Ф.Г. Гариповой гидронимов есть слова, в составе которых имеется лексема *чүк*. Известно, что на современном этапе развития языка не все компоненты топонима в лексическом отношении являются семантически прозрачными. Тем не менее практически не бывает и бессмысленных названий: *Чүк башы елгасы*, *Чүк елгасы*, *Чүлмәнчек чиишмәсе*, *Чүк каен күле*, *Чүп елгасы*, *Чүп чиишмәсе*, *Чүк күле*, *Чүп күле* и т.д. [Гарипова 1984: 136, 181, 207; 1990: 83, 124, 158]. Эти названия, несомненно, обозначают те места, где совершались обряды *чүк* / *чүк* / *чөк*. Кроме того, многочисленные фонетические варианты названия обряда моления дождя, встречающиеся в татарских говорах, возможно, сводятся к тому же корню: *чүк иту*, *чүп боткасы*, *чүп иту*, *чүпкә кыю*, *чүлмәтеки*, *чүлмәнчек*, *чүлмәчлеки*, *чүрмәнчек*, *чүмәлчек*, *чүрмәнчек*, *чөмәлчек*, *чәүмәлчек*, *чирмәнчек* [ДС 1948: 224; ТТДС 1969: 93, 252, 507; ТТДС 1993: 369–370], *чүлмәчик* (چولماچيك) ‘взаимное купание в воде во время зноя’ [Будагов 1869 I: 499].

Кроме приведенных названий этого обряда моления дождя имеются и более поздние, собственно татарские, обозначения; например: *теләу* / *келәу* ‘досл. моления, мольба’ [Әхмәтъянов 2001: 100]. Они также встречаются в географических названиях: *Теләу куагы* / *Келәу куагы*, *Келәу йылгасы*, *Келәу кизләве*, *Келәу күле* и т.д. [Баязитова 1993: 72, 105, 142]. К более поздним, собственно татарским названиям относятся *йангыр боткасы* ‘досл. каша дождя’, *сабан боткасы* ‘досл. каша плуга’, *кыр корбаны* ‘досл. полевое жертвоприношение’ и т.д. [ТТДС 1969, 93, 252, 507]. Они в топонимических названиях уже не отражены.

Отголоски древних воззрений татар на мир и окружающую природу хорошо сохранились именно в топонимии. В этих топонимах отразился существовавший в прошлом у татар обряд поклонения и прошения. В таких местах совершались связанные с земледелием обряды поклонения и прошения, в данном случае, дождя в засушливые годы. Когда возникал страх перед возможной гибелью урожая в результате засушливого года, люди начинали вызывать дождь, в связи с чем ими проводились различные ритуалы, совершались разнообразные обряды, реликты и признаки которых сохранились вплоть до сегодняшнего времени. В обрядовых песнях, непосредственно связанных с вызыванием дождя, наблюдается представление о дожде как о каком-то живом существе. Дождю обещают *майлы ботка* ‘досл. жирную кашу’, *тәти кашык* ‘досл. красивую ложку’.

Согласно исследованиям Ф.С. Баязитовой, лексика, отражающая обряд вызывания дождя представлена в татарском языке довольно широко и разнообразно: *ашлык келәве* ‘досл. моление зерна’, *ил келәве* ‘досл. моление миром’, *кыр келәве* ‘досл. полевое моление’, *тавык келәве* ‘досл. моление курицей’, *жангыр келәу* ‘досл. моление дождя’, *күк келәу* ‘досл. моление небо’.

Местом проведения этих обрядов выбиралось кладбище – место предков, или места около могил святых. Магическим в этих обрядах выступало число 40 (*кырык*). Обязательным ритуалом обряда было обливание водой могилы в количестве сорока емкостей – *кырык чиләк* ‘сорок ведер’, *кырык ста-*

кан ‘сорок стаканов’, *кырык уймак* ‘сорок наперстков’. Или же во время продолжительного зноя в воду клали сорок камней – *кырык таш*, а в продолжительную дождливую погоду, наоборот, их вынимали [Баязитова 2002].

Накопленный нами обширный и разнообразный языковой материал по аграрным верованиям и обрядности фиксирует их бытование и по сей день. Обряд утратил свою основную, первичную функцию – функцию воздействия на силы природы или на сверхъестественные силы с целью вызвать желаемые для человека результаты. Утрата обрядом своего магического характера привела к тому, что он стал пустым, сохраняющимся лишь в силу традиции обычаем, а затем – развлекательным зрелищем. Поэтому в сегодняшнем состоянии эти обряды в основном имеют зрелищный, игровой характер.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. III. – Чебоксары, 1929.
- Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең кыскача этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 270 б.;
- Әхмәтъянов Р.Г.* Татар терминологиясенен тарихи чыганаclarы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 74 б.
- Баязитова Ф.С.* Астерхан татарлары теле. – Казан: Фикер, 2002. – 300 б.
- Будагов Л.З.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I. – СПб.: Тип. имп. АН, 1869. – 810 с.
- Гарипова Ф.Г.* Татарстан гидронимнары сүзлеге – Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. – 224 б.
- Гарипова Ф.Г.* Татарстан гидронимнары сүзлеге – Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. – 338 б.
- Баязитова Ф.С.* Жирле сөйләшләрдә келәү/теләү сүзләре белән белдерелә торган йолалар // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. – Казань, 1993. – С. 50–56.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. – Т. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 509 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. – СПб.: Тип. имп. АН, 1905. – 2204 с.

Summary. The Volga-Kama region is the autonomous area of forming of the Turkic agricultural vocabulary. There are rituals connected with the agriculture among rituals, cults and beliefs in the Tatar culture that are traced back to the Pre-Islamic time. The subject of the article is the etymology of the word *чүк / чөк / чук* in rituals of benediction and making a sacrifice to the earth; also ather subject is the vocabulary connected with the ceremony of praying for rain at the Turks of the Volga-Kama region.

Key words: ritual, vocabulary, etymology, The Volga-Kama region, praying for rain.

**ТРАДИЦИОННАЯ КОСМОЛОГИЯ
В ТУВИНСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ**

*Э.Б. Мижит
(Кызыл)*

Резюме: в статье интерпретируются героические сказания тувинцев как проявления тувинской традиционной космогонии и космологии. Тувинский героический эпос насквозь пронизан космогоническими и космологическими мифологемами, в нем также явно присутствует числовая символика, имеющая тот же космологический характер.

Ключевые слова: космология, эпос, миф, тувинский фольклор, числовая символика.

Традиционные космологические воззрения как основополагающий фактор культуры, могущий быть внутренним смысловым ядром всех её проявлений, вплоть до бытовых [Жуковская 1968: 4], исследователями истории, культуры и этнографии тувинцев ещё не рассматривались. Данная статья является первой попыткой интерпретации скрытого содержания героических сказаний тувинцев как проявления тувинской традиционной космогонии и космологии.

Разными исследовательскими школами выдвинут ряд теорий о происхождении героического эпоса, и всё же в настоящее время стала общепринятой точка зрения, согласно которой героический эпос берет своё начало в мифологии и основывается на ней. Эпический мир, по существу, не поддается реально-исторической идентификации и, как считает Б.Н.Путилов, «... пафосом героического эпоса является не воспроизведение (пусть в фантастических и условных формах) какой-либо исторически и социально конкретной сферы народной жизни определенной эпохи (или ряда эпох), но создание “своего” мира, “своей” исторической, социальной, бытовой модели, конструкции, обращенной в прошлое и получившей своеобразную историческую окраску» [Путилов 1988: 8]. Наиболее ранний тип эпоса представлен мифологическими сказаниями о первопредках. «От архаических мифов о первопредках – культурных героях – идет путь к сказке и к религиозным мифам – легендам о божественных героях» – считает Е.М.Мелетинский [Мелетинский 1997: 23].

Поскольку мифологическое мироощущение характеризуется всепроникающей космологичностью, то любой элемент мифа соотнесен с космосом и может быть выведен из него. «Миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ: и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои» [Лосев 1991: 73]. Именно этот тезис о символической природе мифа, основной и для самого А.Ф.Лосева, является наиболее важным отправным пунктом для нашего исследования. Мы полагаем, что именно благодаря своей символической природе основные ми-

фологемы архаичных космогонических мифов, стали важными смысло- и сюжетообразующими элементами произведений устного народного творчества, в частности героического эпоса. Символ в силу своей многослойности и многозначности и есть то, что требует расшифровки. В данном случае речь идет о расшифровке некоторых узловых моментов тувинских героических сказаний.

В первую очередь обращает на себя внимание традиционный зачин почти всех сказаний, который гласит, что описываемые события происходили «В то время, когда гора Сумбер-Уула была кочкой (или пригорком), а озеро Сут-Холь (Молочное озеро) было лужей» [Тув. героич. эпос 1990, 1: 142]. Ясно, что говорится о мифическом времени, времени первотворения. Это время, когда мировая гора Сумеру (тув. *Сумбер-Уула*), возникшая первой в процессе космогенеза из первозданного мирового океана, была еще маленьким пригорком; то же относится и к озеру Сут-Холь. По нашему мнению, никого не должен вводить в заблуждение факт наличия в Западной Туве реального озера с таким же названием. В сказаниях говорится скорее всего о первичном мировом океане. Примечательно, что в зачине некоторых сказаний упоминается не Сут-Холь, а именно бурное море-океан: «Когда Белая Сумбер-Уула была островерхим пригорком, когда бурное море лежало черной лужей» [Там же: 13]. В индийской мифологии боги и асуры, используя гору Мандару как мутовку, путем пахтанья много лет сбивали океан. Сначала воды океана превратились в молоко (не отсюда ли и Молочное озеро? – Э.М.) затем – в масло и т.д. Таким путем была сотворена земля.

Миф о пахтанье океана (как пахтают молоко. – Э.М.) принадлежит к космогоническим мифам, в которых акт творения совершается посредством разделения первичных вод. Не оставляют сомнения, что речь идет о мифическом времени, и дальнейшие трафаретные формулировки зачина типа: «В то время когда все плоское носилось по ветру, а все круглое катилось» и т.д. Как видим, налицо картины еще не полностью упорядоченного состояния вселенной или, по крайней мере, сферы обитания людей – Чамбы-Дип (санскр. Джамбудвипа). В архаических мифах это эпоха хаоса, подлежащая упорядочению силами космоса. В классических формах эпоса мифическое время также представляется как начальное – как время действия предков, предопределивших последующий порядок.

В образах эпических богатырей тувинского эпоса прослеживаются генетические связи с культурными героями, первопредками: самый тип богатыря-героя, наделенного сверхчеловеческими, фантастическими, шаманскими качествами, имеет мифологические корни. Деяния эпических богатырей практически сводятся к одному – борьбе с чудовищами и враждебным племенем-государством [Мелетинский 1977: 35–36]. Битвы, конфликты, войны носят чаще всего ритуальный характер. Это противостояние двух частей клана или борьба между представителями божественных сил, но оно всегда знаменует собой некий эпизод из космической или сакральной драмы [Элиаде 1987: 69].

Почти в каждом тувинском героическом сказании присутствует эпизод убийства героем какого-либо чудовища. Например в сказании «Моге Шагаан-Тоолай» («Богатырь Шагаан-Тоолай») герой Кара-Когел убивает

огромное животное величиной с таежный хребет, из внутренности которого выходят люди разных племен. В некоторых случаях, например в сказании «Баян-Тоолай», герой убивает чудовище Амырга Кара-Моос и разрывает его тело на части. Также поступают некоторые эпические герои и по отношению к людям, своим противникам. По всей видимости, причина столь жестокого поведения героя кроется не в какой-то особой свирепости его нрава, а в том, что во всех его действиях наличествует мифологическая подоплека: «...тут самое центральное действие – расчленение животного: внутренности разъятого на части зверя соответствуют растерзанным космосам», – пишет О.М. Фрейденберг [Фрейденберг 1978: 103]. В связи с этим необходимо, по нашему мнению, вспомнить общеизвестные мифы о Тиамат, Паньгу, Пуруше и т.д.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что данные эпизоды генетически связаны с определенным рода мифами. Так, герои тувинских сказаний расчленяют и разбрасывают тела своих противников не по какой-то своей особой прихоти (и не по прихоти фантазии сказителя), а потому что так предписывает им поступать логика космогонического мифа, и действия эти являются символическим воспроизведением определенного космогонического акта. Точно так же не случайно из внутренностей убитого чудовища на свет выходят люди. Части тела убитого животного или человека разбрасываются в силу того, что это действие повторяет сакральное жертвоприношение, и, как всякое жертвоприношение, повторяет время первотворения, поддерживает магическим образом порядок во вселенной, а также актуализирует время совершения ритуала.

Подобно тому, как тувинский героический эпос насквозь пронизан мифологемами космогонических и космологических мифов, в нем также явно присутствует числовая символика, имеющая тот же космологический характер. Скажем, все действия героя повторяются трижды. Исходя из того, что Вселенная, по представлениям тюркских народов, делится на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю, можно предположить, что все действия героя, согласно мифологическому сознанию, магическим образом воздействует на эти три космические области. Также в пользу этого довода, по нашему мнению, говорит и то обстоятельство, что противниками героя в богатырских поединках чаще всего выступают персонифицированные стихийные силы или хтонические существа.

Для того, чтобы достичь цели своего путешествия, герой, как правило, преодолевает семь горных хребтов и семь рек. Из буддийской мифологии мы знаем, что космическая гора Сумеру окружена семью горными хребтами, отдаленными друг от друга семью кольцевидными озерами. Значит, мы можем предположить, что герой в конце своего путешествия из человеческой, профанной попадает в область сакральную.

В тувинских героических сказаниях очень часто фигурирует девяти-слойный стеклянный дворец. Чаще всего это дворец Курбусту-Хана, верховного божества, создателя Вселенной. Согласно тувинской мифологии, небо имеет девять слоев (иногда 99), на которых обитают божества (тув. *Денгерлер*) рангом поменьше. Видимо, эти девять небесных слоев в символическом виде присутствуют в архитектуре дворца верховного бога. Также говорится, что этот дворец не могут объехать девять коней. Мы можем

предположить, что речь идет (естественно, языком символов) о тех же девяти небесах, вернее, их персонификации.

Вся образная и числовая символика требует пристального и глубокого изучения, в результате которого, возможно, откроются наиболее древние пласты знаний и культуры далеких предков тувинцев и тюркоязычных народов в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М., 1968.

Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л., 1988.

Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора. //Фольклор. Поэтическая система. – М., 1977.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978.

Народные знания. Фольклор. Народное искусство. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. – М., 1991.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.

Тувинский героический эпос. Т. .1. – Кызыл, 1990.

Элиаде Мирча. Космос и история. – М, 1987, с. 51.

Summary. The article deals with the interpretation of the Tuvinian heroic epic stories as manifestations of the traditional Tuvinian cosmogony and cosmology. Mythologems connected with the cosmogony and cosmology and also a number symbolism run through the Tuvinian epos.

Key words: cosmology, epos, myth, the Tuvinian folklore, number symbolism.

ХРОНИКА**53 СЕССИЯ ПОСТОЯННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
АЛТАИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

25–30 июля 2010 г. в Петербурге, в Институте восточных рукописей РАН, прошла 53 сессия Постоянной Международной Алтаистической конференции (PIAC). Эта международная научная организация была создана на XXIV Международном Конгрессе востоковедов в Германии, и за это время приобрела статус одного из старейших и авторитетнейших научных объединений в мире.

Очередная 53 сессия ПИАК, проходившая под девизом «Тайны алтайского мира в книжных коллекциях, музеях и архивах», была посвящена исследованиям в области различных аспектов как собственно общей алтаистики, так и её отраслей – тюркологии, монголоведения, тунгусо-маньчжуроведения, японистики, корееведения, изучающих гуманитарные проблемы народов Евразии.

Петербургская сессия стала в истории ПИАК третьей, проведенной в России в последние годы (Москва – 2005 г. и Казань – 2007 г.).

Выбор Института восточных рукописей РАН в Петербурге в качестве места проведения конференции закономерен: в его архивах и рукописных фондах хранятся бесценные материалы по истории и культуре на-

родов алтайского мира. Среди них имеются неопубликованные источники, имеющие важное значение для исследования культуры и языка народов, проживающих на громадных территориях начиная от Японии, Кореи, Монголии и до Турции.

Кроме того, решение провести очередную сессию в российском городе на Неве свидетельствует о признании больших заслуг и авторитета российских, и в частности, петербургских востоковедов. За выдающиеся достижения в области алтаистических исследований целому ряду петербургских ученых: В.И. Цинциус, А.Н. Кононову, А.М. Щербаку, Л.П. Потапову, С.Г. Кляшторному – были вручены Золотые медали ПИАКа, учрежденные в 1962 г. Университетом Индиана в США.

В работе 53 сессии приняли участие ученые из Америки, Англии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, России (Владивосток, Кызыл, Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ), Румынии, Тайваня, Турции, Франции, Японии. Среди ее участников были, как постоянные члены ПИАКа (В.М. Алпатов, С.Г. Кляшторный, Т.А. Пан, Б. Дугаров, Е.В. Бойкова, И.В. Кормушин – из России; А. Шаркёзи, М. Добрович – из

Венгрии; Д.Стари – из Италии; Е.Таубе, П.Циме, Х.Валрайвенс, К.Сагастер, С.Рашман – из Германии; Ж.Легран – из Франции; Е. Трыарский – из Польши, М. Татар – из Норвегии), так и востоковеды, для которых эта конференция стала первой (Д.А.Носов, Н.С.Яхонтова, Н.Г.Пчелин – из России; Сеченчогт, Ву Инче, Чан Дичин – из Китая, А. Карлссон – из Швеции).

Пленарное заседание, проходившее в зале театра Государственного Эрмитажа, открыли генеральный секретарь ПИАКа, профессор Свободного университета (Freie Universität – Берлин) Барбара Кельнер-Хайнкеле и президент 53 сессии ПИАКа, зав. Отделом Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН Т.А.Пан. С приветственным словом в адрес конференции выступили директор Государственного Эрмитажа Б.М.Пиотровский, генеральный консул Республики Турция в Санкт-Петербурге Намет Чинар, директор Фонда Восточных культур В.Н.Блондин.

С докладом об истории создания Азиатского Музея/Института вос-

точных рукописей РАН, о современном состоянии его рукописных фондов, архивов и работе научного коллектива выступила директор Института восточных рукописей РАН И.Ф.Попова.

Работа сессии проходила в заседаниях по секциям «Религия и верования», «Уйгуроведение, руника», «Монголоведение», «Историография», «Лингвистика», «Коллекции, архивы, археология», где было представлено 69 докладов. Почти каждый из них вызвал оживлённый обмен мнениями.

Прошедшая 53 сессия Постоянной Международной Алтаистической конференции дала возможность познакомиться с результатами исследований российских и зарубежных востоковедов достаточно широкой международной аудитории. Научный диалог специалистов свидетельствует о высоком уровне современных разработок востоковедов, работающих в разных гуманитарных областях по изучению Центральной, Восточной, Южной, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока.

И.В. Кульганек (С.-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ»

20–21 сентября 2010 г. в г. Казани состоялась Международная научная конференция «Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы». Конференция была посвящена 80-летию доктора филологических наук, члена-корреспондента АН РТ, профессора Фугата Ашрафовича Ганиева.

Организаторами научного мероприятия выступили: Академия наук республики Татарстан, Российская академия гуманитарных наук, Российский комитет тюркологов РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. В ней приняли участие видные ученые из Москвы, Уфы и из других регионов,

активно выступили научные сотрудники и аспиранты Института языка, литературы и искусства АН РТ, преподаватели различных вузов Татарстана.

Конференцию вступительным словом открыл директор Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ, член-корреспондент АН РТ, профессор К.М.Миннуллин. С приветственным словом от имени Академии Наук Республики Татарстан выступил академик АН РТ Д.Ш.Сулейманов.

Обсуждение актуальных вопросов словообразования оказалось возможным благодаря формату конференции, которая работала в форме пленарных заседаний. Эта процедура не только сэкономила время, но и держала всех участников в курсе обсуждаемых тем. Вторая, очень важная грань состоявшейся конференции – высокое качество прозвучавших докладов. Участники затронули крайне важные теоретические вопросы тюркского словообразования.

В начале первого заседания свой доклад представил юбиляр, главный научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, профессор Фуат Ашрафович Ганиев. Затронув вопрос об аналитизме в тюркских языках и его отражении в разделах грамматик о словообразовании и в лексикографии, он обратил внимание на то, что среди тюркских существительных, прилагательных и глаголов имеется значительный пласт сложных (аналитических) слов. По мнению автора, в любом тюркском языке имеется более 15 тысяч корневых и суффиксальных глаголов (т.е. простых глаголов), от некоторых из них можно

образовать составные глаголы. По мнению видного лексикографа и ученого, учитывая аналитизм тюркских языков и выводы из этих исследований, следует составить словарь с включением нескольких тысяч существующих в тюркских языках составных слов.

И.В.Кормушин (Москва) выступил с докладом «Об историческом положении конверсии в тюркских языках», в котором подчеркнул, что «конверсия, долго не признаваемая в тюркологии за самостоятельный способ словообразования, теперь, благодаря усилиям целой плеяды выдающихся грамматистов, среди которых весом и приоритетен вклад Ф.А.Ганиева, получает самостоятельный статус». Рассуждая об историческом положении конверсии, докладчик конкретно остановился на истории функциональных форм глагола. По мнению ученого, если все показатели глагольного формообразования в более древнее время были полифункциональны, то это значит, что сама основа была полифункциональна.

С докладом «Классификация тюркских языков и диалектов» выступил О.А. Мудрак (Москва). Основываясь на объективных данных морфологии и исторической фонетики, он продемонстрировал совершенно новую и оригинальную классификацию тюркских языков и диалектов.

Рассуждая «О двойственной природе акциональных конструкций», Д.М.Насилов (Москва) поделился своими выводами. По его мнению, «в плане исторической грамматики задача состоит в том, чтобы понять и объяснить, почему аффиксальная система оказалась менее удобным средством выражения способов действия в тюркских языках и не получила соответствующего общетюркского

развития, а аналитические формы как более удобные получили широкое распространение, оттеснив синтетические».

По мнению Д.М.Насилова, диссертация Ф.А.Ганиева «Видовая характеристика глаголов татарского языка: Проблема глагольного вида в татарском языке», а затем и вышедшая из печати в 1963 г. монография явились поворотным пунктом в изучении сложновербальных конструкций в отечественной тюркологии.

Ученый очень высоко оценивает и составленный Ф.А.Ганиевым «Толковый словарь составных глаголов татарского языка», где впервые в тюркологии представлена выборка регулярных типизированных аналитических словоформ, зафиксированных в современном татарском литературном языке. Он подчеркивает, что создание такого словаря – большой научный вклад автора в развитие татарской, а также и тюркской аспектологии в целом.

Ф.Ю.Юсупов (Казань) предложил доклад «Фонетические варианты словообразовательных суффиксов в говорах татарского языка» и подробно остановился на особенностях образования диалектных слов нескольких локальных групп Уральской зоны. В докладе он обратил внимание на некоторые методы исследования диалектов и отметил, что изучение диалектов татарского языка нуждается в современных научных методах.

В докладе Д.Б.Рамазановой (Казань) основное внимание было уделено морфологическому способу словообразования в татарской системе терминов родства, приведены древние формы и предложена их этимология.

А.А.Тимерханов (Казань) в своем докладе «Некоторые тенденции развития современной национальной лексикографии» рассказал о развитии современной национальной лексикографии и подробно затронул проблему составления татарско-иностранных словарей.

К.Г.Ишбаев (Стерлитамак) остановился на особенностях аффиксального словообразования в башкирском языке и конкретно рассмотрел его разновидности: аффиксацию, префиксацию и т.д.

М.Г.Усманова (Уфа) представила доклад «Отражение понятия действие в башкирском языке», в котором, опираясь на классификацию Ф.А.Ганиева, подробно остановилась на категории способов действия в башкирском языке и выделила среди них самые продуктивные.

С докладом «Языковая репрезентация эмоциональной концептосферы на материале башкирского языка» выступил Ф.Б.Санъяров (Уфа), в котором пришел к выводу, что для носителя этнокультурных традиций дополнительная информация, т.е. эмоциональная функция языка, являющаяся результатом чувственного познания мира, не менее важна по сравнению с логическими категориями концептуализации действительности.

В докладе «Компьютерные технологии в исследовании проблем татарского языка» Д.Ш.Сулейманов (Казань) обратил внимание участников заседания на основные результаты в области создания компьютерных технологий для осуществления исследований в татарском языке. Опираясь на основные результаты исследований, он подчеркнул, что татарский язык, как агглютинативный язык, обладающий регулярной морфологией и вместе с тем естественной сложностью,

разрешаемой по контексту, является эффективным инструментом для создания интеллектуальных систем обработки информации.

Ссылаясь на исторические материалы, мнения ученых и на факт, что «основателями индийских цивилизаций являются выходцы из Сибири и прилегающих регионов», С.Ф.Гари-фуллин (Казань) представил доклад «Производные тюркизмы в америнде в лингвоархеологическом аспекте», где отметил: хотя в формировании америнда пратюрксий язык сыграл значительную роль, но среди американских америндологов нет тюркологов», поэтому в планы наших аспирантов можно включить изучение америнда, обмениваться студентами и т.д.

Р.А.Шакирзянов (Казань) предложил доклад «Новые тенденции в словообразовании, реализуемые в журнале “Фэн һәм тел (Наука и язык)”». По мнению докладчика, который полностью солидарен с научно обоснованным мнением Ф.А.Ганиева о том, что татарский язык надо развивать на его базе, многие термины татарского языка, используемые активно, образованы неправильно. Он предлагает использовать богатую глагольную базу языка, а не калькировать напрямую русские термины. Докладчик, считающий главным богатством словарного запаса татарского языка глаголы, предлагает пересмотреть некоторые существующие термины, ставит под сомнение некоторые калькированные и образованные на базе татарского языке научные термины, предлагая вместо них свои варианты.

В своем докладе «Новые аббревиатуры в татарском и русском языках» Р.А.Закиров (Набережные

Челны) обратил внимание на множественные примеры из периодической печати и выделил среди них не совсем корректные калькированные новообразования.

Р.С. Абдуллина (Набережные Челны) в своем докладе «Словообразование и проблемы культуры речи» обратила внимание на часто встречаемые ошибки словообразования, в частности, не совсем удачное использование некоторых словообразовательных и формообразующих аффиксов в повседневной речи.

Следующему способу словообразования – конверсии посвятили свои доклады Р.З.Заббарова («Особенности конверсии в татарском и английском языках»), А.Ф.Гайнутдинова («Конверсионные образования существительных в татарском языке»), Г.У.Алеева («Образование общественно-политической лексики лексикограмматическим способом»).

В рамках конференции образованию терминов различных тематических пластов уделялось особое внимание. Так, Э.И.Сафина (Казань) представила доклад «Некоторые вопросы образования орнитонимов в тюркских языках». Особенности образования названий растений рассматривала Т.Х.Хайрутдинова (Казань), о словообразовательных особенностях (суффиксальные, синтаксические способы) лексики традиционной культуры рассказала Ф.С.Баязитова (Казань), вопросы словообразования в тюркской пчеловодческой лексике рассматривала Г.Д.Фархетдинова (Казань), к особенностям использования словесных выражений при угощении гостей обратилась Г.М.Шайхиева (Казань). И.И.Сабитова (Казань) построила свое выступление на анализе соматической терминологии, на характеристике фи-

тонимов в татарском языке остановилась Г.Г.Саберова (Казань), к основным способам словообразования в области зоологической терминологии татарского языка обратилась О.Н.Бяतिकова (Казань) и т.д.

Отдельным проблемам словообразования были посвящены доклады «Омонимичность между словами и словообразовательными суффиксами в татарском языке» Р.Р.Салаховой (Казань), «Интерфиксы как средство связи словообразующих суффиксов в татарском языке» Ю.Ф.Бургановой (Казань) и др.

Таким образом, конференция в честь 80-летия Фуата Ашрафовича Ганиева, ставшая крупным международным научным мероприятием, оказалась очень результативной.

При обсуждении докладов выступили И.В.Кормушин, К.Г.Ишбаев, Н.Ш.Хисамов, Ф.А.Ганиев, М.Г.Усманова, Д.М.Насилов и др.

Основным результатом этого мероприятия стали конкретные предложения ученых, на основе которых по итогам заседаний участники форума приняли следующие рекомендации:

1. Проводить интенсивные исследования по словообразованию, связав их с вопросами развития тюркских языков в новых общественных условиях, с вопросами преподавания дериватологии в школах и вузах.

2. Обратиться к изучению понятия интерфикса применительно к грамматике тюркских языков, что позволит провести более полную и объективную систематизацию суффиксов тюркских языков.

3. Обратит особое внимание на способы образования сложных слов, ибо в тюркских грамматиках часто три несопоставимых способа образования сложных слов рассматривается как один, что искажает картину словообразования в тюркских языках.

4. Исследовать словообразование в тюркских языках с точки зрения лексикографирования производных слов, особенно в плане включения в тюркские словари в качестве лексических единиц аналитических слов, например, составных глаголов.

5. Продолжить изучение теоретической проблемы о статусе конверсии в тюркских языках, ибо данный вопрос представляет значительный научный интерес для типологии языков, их сопоставления.

6. Усилить исследования словообразования в тюркских языках в историческом аспекте, что весьма важно для установления особенностей взаимосвязи как в рамках самих тюркских языков, так и других неродственных языков.

7. Считать необходимым организацию регулярных конференций как по общим, так и частным проблемам тюркского словообразования.

Э.И. Сафина (Казань)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК И ЭТНОС В ИСТОРИИ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

15–18 сентября 2010 г. в г. Чебоксары состоялась очередная, уже восьмая по счету, Международная тюркологическая конференция на тему «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации».

Традиция проведения всесоюзных, а позже – всероссийских тюркологических конференций такого масштаба и статуса восходит к далекому 1926 г., когда в Баку состоялся Первый Всесоюзный тюркологический съезд, который работал с 26 февраля по 5 марта, т.е. ровно неделю. В работе съезда принял участие 131 делегат, среди них были Н.И. Ашмарин – член оргкомиссии, М.П. Петров (Тинехпи), командированный Чувашским ЦИКом, а также такие выдающиеся тюркологи с мировыми именами, как В.В. Бартольд, Г.Г. Ибрагимов, Махмед-Фауд Кёпрюлю-Заде, Н.Г. Каштанов, А.Е. Крымский, С.Е. Малов, Ю. Месараш, С.Ф. Ольденбург, С.И. Руденко, А.Н. Самойлович, Н.Н. Поппе, Л.В. Щерба, К.К. Юдахин и др.

Затем, через 50 лет, 1976 г., в Алма-Ате состоялась Вторая всесоюзная тюркологическая конференция, и по возрожденной традиции одобренные конференции стали проводиться через 4 года в столицах тогда ещё союзных республик: в Ташкенте (1980), Ашхабаде (1985), Бишкеке (1988), Казани (1992) и Уфе (1998). Начиная с состоявшейся в 1992 г. в

Казани VII конференции она приняла статус международной. Но, к большому сожалению, в связи с политическим, а затем и финансовым кризисом регулярное проведение международных тюркологических конференций прервалось.

Долг проведения очередной, восьмой по счету, тюркологической конференции без малого лет 15 висел над Чувашской Республикой. Наконец, в отделе языкознания ЧГИГИ был поднят вопрос об организации научного форума.

Организаторами тюркологической конференции выступили Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, Чувашский государственный институт гуманитарных исследований, Институт языкознания РАН, Российский комитет тюркологов и Всемирная ассамблея тюркских народов. Финансовую поддержку в виде гранта оказал РГНФ. Из всех этих авторитетных государственных, научных и общественных организаций основную нагрузку по организации и проведению конференции высокого международного уровня взял на себя ЧГИГИ.

Одновременно было принято решение совместить два мероприятия – Международную тюркологическую конференцию и 80-тилетний юбилей института. Это помогло интегрировать силы всех его отделов, четко организовать работу всего коллектива и успешно провести эти два больших мероприятия. В обеспечении взаимодействия всех под-

разделений коллектива и оргкомитета конференции, а также успеха всех мероприятий в ходе конференции большая заслуга принадлежит руководству Института, в первую очередь – его директору Ю.Н. Исаеву.

На участие в работе конференции поступили заявки из 12 стран мира: Азербайджана, Венгрии, Ирана, Испании, Казахстана, Киргизии, Китая, Монголии, Польши, США, Турции, Узбекистана, Японии, а также из 22 регионов Российской Федерации. К сожалению, по разным причинам многие из пожелавших принять участие в работе конференции коллег не смогли приехать в Чебоксары. Не были представлены многие региональные тюркологические центры нашей страны, не говоря уже о других странах.

На Международной тюркологической конференции в 13 рабочих секциях традиционно заслушивались доклады по трем основным направлениям социально-гуманитарных дисциплин: языкознанию; духовной культуре (преимущественно по литературоведению и фольклористике); историческим дисциплинам (преимущественно по медиевистике, этнологии, археологии и физической антропологии). В программе этой конференции наиболее широко были представлены доклады лингвистического направления.

Духовная культура и историография были представлены весьма слабо.

Проблема места и роли булгаро-чувашского этноса в истории евразийской цивилизации даже и не затрагивались. Несмотря на все

недостатки и упущения, я полагаю, что наша конференция раскрыла, прежде всего, нам самим наши потенциальные возможности. Спасибо всем сотрудникам института за посильный, а некоторым – и за непосильный труд, вложенный в организацию и проведение тюркологической конференции. Для отдела языкознания и для меня лично конференция ещё не завершилась. Она будет продолжаться вплоть до опубликования её материалов.

Участники конференции посетили Музей космонавтики, музей Н.Я. Бичурина, а также выставки в Национальном музее ЧР.

В последний день работы конференции, 18 сентября 2010 г., в Чувашском государственном академическом драматическом театре им. К.В. Иванова прошло торжественное праздничное мероприятие, посвященное 80-летию со дня образования Чувашского государственного института гуманитарных исследований.

Н.И. Егоров

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

SAMI ŞEMSEDDİN. KAMUS-I TÜRKİ / HAZIRLAYAN PAŞA YAVUZARSLAN. – ANKARA, 2010. – 1370 S. – TÜRK DİL KURUMU YAYINLARI, 1001

Изданный в 1899–1900 гг. словарь «Камус-и Турки» турецкого языковеда Шамседина Сами является одним из столпов тюркской лексикографии. Долгое время «Камус-и Турки» считался в Османской империи, затем и в Турецкой Республике основным толковым словарем турецкого языка. Следует заметить, что подготовленный и регулярно переиздаваемый Турецким лингвистическим обществом «Турецкий словарь» («Türkçe sözlük») также опирался на материалы словаря Ш.Сами. Поэтому его «Камус-и Турки» остается важным трудом в турецкой лексикографии и тюркологии. Всегда ощущалась его необходимость, однако чтение арабской графики, применяемой в Османской империи, вызывало определенные трудности. И вот словарь Ш.Сами издан на латинице, при том исполнитель данной работы доцент Анкарского университета, доктор филологии Паша Йавузарслан старался как можно точнее передать особенности написания слов в оригинале. Таким образом, сейчас словарем могут пользоваться и те

читатели, которые не владеют арабской графикой.

Ш.Сами-бей впервые в лексикографической науке стал известен как составитель француско-турецкого словаря «Камус-и Франсеви» (1299/1882). За 18 лет этот словарь переиздавался трижды. Вслед за этим словарем в 1883–1885 гг. был подготовлен и 1208-страничный Dictionnaire Turc-Français.

Ш.Сами испытал свои способности и в арабской лексикографии, однако его «Камус-и Араби» остался незавершенным. Все же самым ценным и признанным является его «Камус-и Турки», в котором отдельно приведены и сведения о корне слова. Если этимологии тюркских слов с научной точки зрения вызывают определенные вопросы, то заимствованные слова определены автором относительно точно. Поэтому данный труд Ш.Сами послужил своеобразным путеводителем для дальнейших лексикографических работ.

Следует также указать и на то, что – вслед за западными словарями – в «Камус-и Турки» рядом с заглавными словами даны граммати-

ческие пометы и каждая словарная статья имеет иллюстративную часть, хотя почти все примеры придуманы самим автором. Игнорирование литературных текстов в словарных иллюстрациях еще на долгие годы стало традицией в турецкой лексикографии и даже заметно в сегодняшние дни. Если посмотреть на современный турецкий словарь Турецкого лингвистического общества «Türkçe sözlük», то можно видеть, что в его основе лежит «Камус-и Турки» Ш.Сами.

Естественно, создатель латинизированной версии словаря «Камус-и Турки» П.Йавузарслан, выполнявший работу по плану Турецкого лингвистического общества, испытывал определенные трудности и графического и транскрипционного порядка. Поэтому он выбрал путь

наиболее близкого соответствия с написанием слов в «Türkçe sözlük» Турецкого лингвистического общества. Автор не стал применять транскрипционные знаки (тут могли возникнуть трудности и технологического плана), лишь в арабско-персидских словах он использует специфические знаки для айна и хамзы, да при необходимости отдельно указывает долготу гласных, что отсутствует в «Türkçe sözlük». Существующая компьютерная технология, видимо, не дала возможности отразить диакритику Ш.Сами, разработанную им для передачи турецких [o], [ö], [u], [ü], поэтому П.Йавузарслан для отражения фонетических особенностей решил в скобках приводить и дублетные варианты, например: tögrü (türpü).

Ф.С. Хакимзянов

МЕЛИКЛИ Т.Д. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ТУРЦИИ. – М.: ИПК МГЛУ «РЕМА», 2010. – 265 С.

Издательство Московского государственного лингвистического университета выпустило новую монографию Т.Д. Меликли «История литературы Турции». Этот труд – первая в современном российском востоковедении монография, посвященная истории одной из наиболее развитых и интересных литератур нашего времени.

Проблемы становления и развития турецкой литературы на протяжении более чем тысячелетней ее истории имеют не только общее культурологическое, но и вполне актуальное значение в Рос-

сии XXI в. Опираясь на проверенные временем традиции отечественного востоковедения, автор книги делит культурную традицию турок на три периода: древнетюркский, раннеклассический (или мусульманский) и национальный (или классический), показывая тем самым преемственность литературных процессов начиная с VI в. до наших дней.

С точки зрения эволюции художественных форм и стилей особый интерес для читателя представляет глава, посвященная первым тюркским руническим надписям, дошедшим до нас от времен Тюркского каганата и датиро-

ванном VIII в. Здесь автор не только исследует памятники древней словесности и типологически сопоставляет их с произведениями последующих периодов, но делает глубокие историко-литературные обобщения. Он приходит к выводу, что на всем протяжении культурного и литературного процессов наблюдается эволюция, преемственность литературных форм и стилей.

Эта же тенденция отчетливо прослеживается в главе «Эпос Книга Деде Коркута, написанная на языке огузов». Здесь речь идет и об истории изучения этого памятника письменности, и о его значении в развитии культуры огузских тюрок. Актуальным как для востоковедов, в том числе и арабистов, так и для широкого круга читателей, представляется исследуемое автором сильное влияние исламской культуры на формирование и развитие общетюркской литературы раннеклассического периода.

По справедливому замечанию Т.Д.Меликли, связанный с исламом культурный период отмечен становлением общетюркской литературы единого типа, которая достигла весьма высокого художественного уровня. Этому во многом способствовал и тот факт, что тюрки приняли и арабскую графику, ставшую единой для тюрок Центральной Азии, Поволжья, Кавказа и Малой Азии. Именно в это время были созданы такие уникальные памятники, как «Кудатгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагуни (XI в.) – первое крупное поэтическое произведение на тюркском языке, «Диван-у лугат ит-турк» («Свод

тюркских слов») Махмуда Кашгари (XI в.) и др. Таким образом, эта работа автора привлечет внимание самого широкого круга читателей.

Глава, посвященная жизни и творчеству великого турецкого поэта-суфия Дж. Руми, напротив, представляет особый интерес для специалистов-востоковедов. Как известно, Руми, будучи великим мистиком, занимает особое место в истории всей арабомусульманской словесности. Однако именно этот поэт оказался у истоков зарождающейся национальной литературы турок. Его богатое литературное и философское наследие оказало и по сей день оказывает влияние на всю художественную культуру Турции.

Многие годы своей научной деятельности Т.Д. Меликли посвятил изучению современных процессов в литературе Турции. Поэтому неудивительно, что столь большое место в его книге отведено её современной литературе. Действительно, самобытная современная турецкая литература представляет собой одно из интереснейших явлений общемирового культурного процесса. Давно известно за пределами Турции творчество таких выдающихся мастеров, как Назым Хикмет, Фазыл Хюсюн Дагларджы, Азиз Несин, Яшар Кемаль, Орхан Памук и многих других, получивших престижные международные литературные премии.

Отдельную главу Т. Меликли посвящает признанному классику не только турецкой, но и мировой литературы Назыму Хикмету. Автор справедливо отмечает, что эта незаурядная творческая личность наряду с Нерудой, Арагоном, Элюаром, Лоркой, Маяковским, Пастернаком определяет лицо мировой поэзии XX в. И нельзя не согласиться с его размышлениями о том, что «чем больший отрезок времени отделяет нас от самого поэта, чем больше

мы проникаем в суть его лирики, тем рельефней открываются перед нами неожиданные глубины бездонного колодца его неисчерпаемой поэзии». Мы верим, что и последующие поколения откроют для себя новые и созвучные им грани в наследии великого турецкого поэта.

С большим интересом читаются и разделы о великом турецком сатирическом писателе Азизе Несине, которого современники называли «Ходжой Насреддином нашего времени». Известно, что сам писатель считал подобное прозвище самой высокой оценкой своего творчества и гордился им. Разделы о замечательных турецких прозаиках – Яшаре Кемале, Факире Байкурте, Орхане Памуке, поэтах – Орхане Вели, Дагларджи, Мелихе Джевдете Ан-

дая, Октае Рифате – содержат множество новых фактов и интересных сведений об их жизни и творческом наследии.

Широта научного охвата материала, знание первоисточников и глубина литературоведческого анализа обуславливают значение этой работы. Книга «История литературы Турции» является плодом многолетнего труда. Написанная живым языком, она не только заполнит пробел в отечественной тюркологической науке, но и, несомненно, станет ценным пособием для студентов, аспирантов, специалистов-тюркологов, филологов, а также для всех тех, кого интересует история литературы Турции.

М.В.Николаева
(Москва)

PERSONALIA

ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА МАЙНОГАСHEВА
(к 80-летию со дня рождения)

Кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику сектора фольклора РГНИУ «ХакНИИЯЛИ», академику Международной тюркской академии, заслуженному деятелю науки Республики Хакасия Валентине Евгеньевне Майногашевой 15 сентября 2010 года исполнилось 80 лет со дня рождения, из которых 43 года отдано труду в нашем институте.

Жизненный и трудовой путь Валентины Евгеньевны был тяжелым и сложным в связи с репрессиями (раскулачивание, высылка из Хакасии, расстрел отца, дальнейшие преследования), которые прекратились только с реабилитацией отца в 1957 г. и особенно в связи новой его реабилитацией и всей его семьи в 1995 г..

Любознательность, проявлявшаяся с детства, неумная тяга к знаниям привели ее в 1950 г., несмотря на все препятствия, в среду студентов восточного отделения (кафедра тюркологии) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. По возможности она старалась посещать не только профильные для студента-восточника лекции профессоров университета, но и других преподавателей. Любимыми были лекции име-

нитого тюрколога чл.-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева и доцента М.И. Богдановой, известного фольклориста, она бегала и на лекции знаменитого С.И. Радцига по древнегреческой литературе, влекли ее лекции А. Бокщанина по римской истории.

Именно тогда Валентина Евгеньевна подружилась с будущим известным тюркологом Л.С. Левитской, с которой училась в одной группе, и многое почерпнула для себя из общения с ней и ее семьей.

После окончания МГУ в 1955 г. она была рекомендована в аспирантуру при кафедре литератур народов СССР восточного отделения филфака МГУ, где ей предстояло заниматься под руководством М.И. Богдановой. Однако Валентина Евгеньевна, отложив поступление в аспирантуру, вернулась работать в Хакасию, где была принята в ХакНИИЯЛИ на должность младшего научного сотрудника в секторе литературы и фольклора. Но уже через месяц по устному указанию из Хакасского обкома КПСС ее уволили с работы и отправили учительствовать на север Хакасии, в далекую сельскую школу Ширинского района. Официальное объяснение этого: в

школе нет учителя-словесника, а скрытой причиной был чей-то донос на «дочь репрессированного». Два года она преподавала русский язык и литературу в 5–7 классах Спиринской семилетней школы, а затем по семейным обстоятельствам вернулась в г. Абакан. Ее устремленность к науке поддерживалась семьей и известным тюркологом, д. филол. наук М.И. Боргояковым. Но и тогда работать по специальности ей не пришлось, и она трудилась переводчиком материалов ТАСС в областной газете «Хызыл аал».

Наконец, в 1963 г. Валентина Евгеньевна поступает в аспирантуру отдела гуманитарных исследований (ОГИ) при Институте экономики и организации промышленного производства, который позднее стал Институтом истории, филологии и философии СО РАН. В 1967 г. ею защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук по теме «Хакасский героический эпос “Алтын Арыҕ”», которую написала под научным руководством д.филол.наук, профессора Е.И. Убрятовой и консультанта доц. НГУ к. филол. наук Е.П. Лебедевой. Сибирская научная школа сыграла решающую роль в научной жизни Валентины Евгеньевны. Осуществилась мечта молодого ученого.

При поддержке чл.-корр. АН СССР В.А.Аврорина и А.П. Окладникова талантливого молодого ученого принимают снова в ХакНИИЯЛИ. В институте тогда не было самостоятельного сектора фольклора, а был совмещенный сектор литературы и фольклора, состоявший всего из 3-х единиц. Понимая нехватку научных сил, для собирательской работы сотрудники привлекали сказителей и других носителей фольклора, благо-

На плечи Валентины Евгеньевны легла нелегкая задача организации хакасской фольклористики. Прежде всего она предложила обратиться к изучению подстрочных переводов образцов фольклора, которые хранились в рукописном фонде, созданном в свое время Н.Г. Доможаковым. Важной задачей стало воспитание квалифицированных кадров фольклористов.

Первая и пока единственная докторская диссертация по теме «Хакасское народное поэтическое творчество» разрабатывалась М.А. Унгвицкой. Позднее эта диссертация была издана как монография с добавлениями глав, написанных В.Е. Майногашевой. Этот их совместный труд до сих пор является одним из основных учебных пособий по фольклору для студентов-словесников и преподавателей.

В мае 1994 г. впервые был открыт сектор фольклора, который возглавила Валентина Евгеньевна и руководила им более 10 лет, до конца 2004 г. К сожалению, сектор открыли с большим опозданием, когда к тому времени практически не осталось в живых народных сказителей, почему хакасская фольклористика, да и вся сибирская гуманитарная наука лишились богатейших фольклорных источников.

Валентине Евгеньевне пришлось прежде всего организовывать и проводить научные комплексные экспедиции по собиранию фольклора; за эти годы было проведено 6 таких выездов с привлечением лингвистов, этнографов и писателей, а также студентов хакасского отделения АГПИ (ныне ХГУ им. Н.Ф. Катанова). Она

сама совершала многочисленные одиночные выезды для собирания фольклора и лично записала 31 алыпных ныхмах среднего и большого объема, полсотни преданий, легенд и исторических преданий (кип-чоох, сотни песен и тахпахов). Валентина Евгеньевна занималась исследованием богатого героического эпоса, его тематического, сюжетного и идейно-образного содержания, а также научно-художественным переводом алыпных ныхмахов на русский язык. Много сил потрачено на пропаганду фольклора в СМИ, поддержку его носителей, чтобы обратить внимание, особенно деятелей искусства, культуры и власти, на богатейшие кладовые народной культуры. Усилиями ученого более рельефно выделились и такие менее известные крупные сказители, как М.К. Добров, П.В. Тоданов, К.А. Бастаев, П.В. Курбижеков и Е.Н. Кулагашева.

Валентина Евгеньевна крупнейший эпосовед в Хакасии, первый научный переводчик-текстолог, чей опыт служит всем молодым ее коллегам. Ею написано около 190 научных, научно-популярных и научно-методических работ; среди них критические статьи о творчестве хакасских поэтов М.Е. Кильчичакова, Г.Ф. Сысолятина; упомянутая монография в соавторстве с М.А. Унгвицкой «Хакасское народное поэтическое творчество» (Абакан, 1972), сборник научно-популярных статей о мастерах фольклорного творчества «Хакасские сказители и певцы» на двух языках – хакасском и русском (Абакан, 2000), научно-эдиционный труд «Хакасская народная детская поэзия» (Абакан, 2009), сборник песен о зверях и птицах, пресмыкающихся на хакасском языке с переводом на русский язык с

В настоящее время завершается текстологическая работа на томе «Хакасская песенная и обрядовая поэзия» для публикации в сибирской академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Эту работу Валентина Евгеньевна совмещает с созданием монографии по хакасскому героическому эпосу, которая должна, по ее замыслу, состоять из двух книг, посвященных проблеме исторических основ алыпных ныхмахов и проблеме методологии расшифровки их «национального кода». В этой своей работе она опирается на методологию выдающихся евразийцев-востоковедов, прежде всего Ю.Н. Рериха и Л.Н. Гумилева, на труды историков археологов С.В. Киселева, Л. Р. Кызласова и др.

В работе «Древнейшие алыпных ныхмахи и герои» Валентина Евгеньевна приблизилась к решению важных проблем фольклористики, в частности, к выяснению исторических корней и реалий алыпных ныхмахов. Так, она предполагает, что в эпизодах о древних эпических врагах в качестве таковых выступают древние скифо-иранцы (алпыных ныхмах «Алтын Чага» и «Хара Хусхун»). Она в этом вопросе исходит из параллелей с эпосом потомков древних скифо-иранцев и хакасов, у которых совпадения имеют место вплоть до термина, обозначаемого эпос: нарты у алан (осетин) и нартпах (хвала воину) у части хакасов. Среди других эпических врагов она видит китайцев, страна которых в древности определялась, согласно работам Л.Н. Гумилева, как «низина земли» (*чир чабызы чир*), что нередко встречается в алыпных ныхмахах.

Требуется особо остановиться на эдиционной работе Валентины Евгеньевны.

В.Е. Майногашевой были впервые на академическом уровне подготовлены к изданию выдающиеся в художественном отношении два эпических памятника – «Алтын Арыҕ» и «Ай Хуучин», записанные ею от известного хакасского сказителя П.В. Курбижекова. Героическое сказание «Алтын Арыҕ» издано в 1988 г. в Москве в серии «Эпос народов СССР» (ИМЛИ им. М. Горького, 49 а.л.), а в 1997 г. в Новосибирске в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». опубликовано героическое сказание «Ай Хуучин» (объемом 37,5 а.л.). Её переводы сказаний к тому же отмечены подлинно хакасским звучанием, где явно ощущается эпическое дыхание предков хакасов. За труд «Алтын Арыҕ» Валентина Евгеньевна удостоилась принятия в члены Союза писателей РФ и ей было присуждено звание Лауреата государственной премии им. Н.Ф. Катанова Республики Хакасия (1994 г.). Высокой оценки ее труды получили в рецензиях Л.Р. Кызласова (Сов. этнография, №2, 1990), Ю. Тамбовцева (Eurasian Studias Yearbook, 73, 2001).

Научную деятельность Валентины Евгеньевны невозможно отделить от практики развития культуры в Республике Хакасия. Ее труды оказывали влияние, например, на создание, на-

ционального танцевального ансамбля при республиканской филармонии. Проведение областных и республиканских состязаний народных сказителей, певцов-тахпахчи, чатханистов многие годы не обходится без ее консультаций и непосредственного руководства в качестве председателя жюри. По инициативе ученого было увековечено имя великого народного сказителя Петра Васильевича Курбижекова (14. XI. 1910–10.IX.1966) на государственном уровне. 22–24 сентября 2010 г. министерство культуры и министерство образования и науки РХ совместно с ХакНИИЯЛИ, с Советом по фольклору РАН и Институтом филологии СО РАН провели научную конференцию, посвященную 100-летию со дня его рождения, на тему «Личность сказителя в истории культуры народа». Сказителю будет поставлен памятник на его могиле.

80-летие Валентины Евгеньевны торжественно отметили в РГНИУ «ХакНИИЯЛИ» 23 сентября 2010 г. на расширенном научном заседании ученого совета, в котором участвовали также деятели культуры и искусства Хакасии, говорившие о вкладе ученого в развитие науки и пожелавшие Валентине Евгеньевне долгих лет жизни и плодотворного творчества на благо республики и российской тюркологии.

Н.С. Чистобаева (Абакан)

НЕКРОЛОГ

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ
(1938–2010)

Российская тюркологическая наука понесла тяжелую утрату. 2 ноября 2010 г. на 73 году жизни скончался видный ученый-этнограф, фольклорист, организатор науки в Сибири, доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, член Российского комитета тюркологов при ИФО РАН, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Николай Алексеевич Алексеев.

Н.А.Алексеев родился 29 января 1938 г. в Ш Бордонском наследе Ленинского р-на Якутской АССР. Классическое историческое образование получил в Ленинградском государственном университете им. А.А.Жданова, который окончил в 1959 г. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв.», а в 1986 г. – докторскую диссертацию

«Ранние формы религии и шаманизма тюркоязычных народов Сибири».

Н.А.Алексеев имел большой опыт научной и научно-организационной работы: он работал старшим инспектором Совета по делам религий при Совете Министров СССР, старшим научным сотрудником сектора истории досоветского периода ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, ведущим научным сотрудником сектора фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии СО РАН СССР,

заведующим отделом филологии, затем исполняющим обязанности заместителя директора, главным научным сотрудником ИИФФ СО РАН и Института археологии и этнографии СО РАН. В ноябре 2007 г. он был назначен директором-организатором вновь создаваемого Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск). А в апреле 2009 г. был избран общим собранием СО

РАН директором ИГИиПМНС СО РАН.

Николай Алексеевич Алексеев известен как автор более 100 научных работ, в том числе 9 монографий. Только за последние пять лет он опубликовал 15 научных работ, в том числе 1 монографию.

Основными направлениями научных изысканий Алексеева Н.А. являлись историко-этнографические исследования традиционной духовной и материальной культуры автохтонных народов Сибири. Н.А. Алексеев внес значительный вклад в мировое эпосоведение, установив генетическую связь традиционных верований сибирских тюрков с древнейшими пластами религиозно-мифологических воззрений народов Центральной и Юго-Восточной Азии.

Последние пять лет деятельность Алексеева Н.А была тесно связана с реализацией академического научно-издательского проекта «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». При его непосредственном участии осуществлялась публикация 6-томного якутского корпуса данной серии, издан том «Фольклор долган», подготовлены к печати тома «Мифы, легенды, предания алтайцев», «Мифы, легенды, предания тувинцев».

Он являлся научным координатором и руководителем программ фундаментальных исследований в рамках приоритетных направлений СО РАН, фундаментальных программ Президиума РАН, ряда инициативных проектов РФФИ и РГНФ.

Н.А. Алексеев принимал активное участие в подготовке высококвалифицированных кадров для Республики Саха (Якутия), Тувы, Бурятии, Сибири, Ханты-Мансийского АО и др. Среди его учеников 6 кандидатов, 3 доктора

В течение ряда лет Н.А.Алексеев являлся председателем ГАК Якутского государственного университета им. М. К. Аммосова, членом диссертационных советов при Институте филологии СО РАН и Институте археологии и этнографии СО РАН.

Многолетний плодотворный труд Н.А. Алексеева отмечен почетными званиями и правительственными наградами. Алексеев Н.А. – лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники (2002), он награжден медалью «Академия наук Республики Саха (Якутия)» (2003), знаком отличия в честь «370-летия вхождения Якутии в состав России» (2002). Ему присвоено почетное звание «Заслуженный ветеран СО РАН» (14. 04. 1990), «Заслуженный деятель науки РФ» (1997).

Светлая память о Николае Алексеевиче Алексееве, ученом, талантливом руководителе, наставнике, коллеге и друге, сохранится навсегда.

*И.о.директора ИГИиПМНС
СО РАН, к.ф.н.Н.И.Попова, г.н.с.
ИГИиПМНС СО РАН, д.ф.н.
П.А.Слепцов и коллектив
Института*

НАШИ АВТОРЫ

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр. Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail.: nevskaya@em.uni-frankfurt.de

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., вед. научн. сотр., Институт языкознания РАН (г. Москва), председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН РАН.

E-mail.: igorkormushin@yandex.ru

Селютина Ираида Яковлевна, докт. филол. наук, проф., зав. лаб., Институт филологии СО РАН (г. Новосибирск). E-mail.: siya_irina@mail.ru

Донгак Уран Алдын-ооловна, канд. филол. наук, зав. сектором, Тувинский Институт гуманитарных исследований (г.Кызыл).

E-mail.: uranda@rambler.ru

Самдан Зоя Байыровна, канд. филол. наук., вед. научн. сотр., Тувинский Институт гуманитарных исследований (г. Кызыл).

E-mail.: igi@tuva.ru

Аникеева Татьяна Александровна, канд. филол. наук, ст. научн. сотр., Институт востоковедения РАН (г. Москва).

E-mail.: tatiana.anikeeva@gmail.com

Кульганек Ирина Владимировна, докт. филол. наук, гл. научн. сотр., Институт восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург).

E-mail.: kulgan@inbox.ru

Тыбыкова Лариса Николаевна, канд. филол. наук, доцент, Горно-Алтайский гос. университет (г.Горно-Алтайск).

E-mail.: tayban@mail.gornu.ru

Жаббаров Хаджимурад Жаббарович, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой, Каршинский гос. университет (г.Карши).

E-mail.: kardu@mail.ru

Орус-оол Светлана Монгушевна, докт. филол. наук, гл. научн. сотр., Тувинский Институт гуманитарных исследований (г.Кызыл).

E-mail.: igi@tuva.ru

Дмитриева Юдит, канд. филол. наук, доцент, Югорский гос. университет (г. Ханты-Мансийск). E-mail.: ugrasu@ugrasu.ru

Саидханов Мамуржон Мухамедович, доцент, Андижанский гос. университет (г. Андижан). Тел : 8(374)2223191

Гаффарова Фирая Фаязовна, канд. филол. наук, вед. научн. сотр., Институт языка, литературы и искусств АН РТ (г.Казань).

E-mail.: iyali.anrt@mail.ru

Мижит Эдуард Баирович, канд. филол. наук, ст. научн. сотр., Тувинский Институт гуманитарных исследований (г. Кызыл).
E-mail.: igi@tuva.ru

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань). E-mail: kha-kim@list.ru

Сафина Эльвира Ирфатовна, канд. филол. наук, научн. сотр., Институт языка, литературы и искусств АН РТ (г. Казань).

Егоров Николай Иванович, докт. филол. наук, проф., зав. отд., Чувашский гос. институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

E-mail.: human2000@yandex.ru

Erdal Marsel, проф., Анкара (Турция). E-mail.: merdal4@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться следующими правилами оформления статей. Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям.

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему на русском и английском языках и ключевые слова на двух языках (не более 8) – представляются в 2-х экземплярах в распечатанном виде, подписанных автором (или авторами), а также в электронном варианте. Если статья отправлена по Интернету, вариант на электронном носителе не обязателен.

Нумерация страниц сквозная.

ТЕКСТ ДОЛЖЕН ОТВЕЧАТЬ СЛЕДУЮЩИМ ТРЕБОВАНИЯМ

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – Times New Roman (14 пт), межстрочный интервал – одинарный, абзацный отступ – 0,75 см. Редактор – Word 97–2003. Текстовые файлы, созданные в другом редакторе (Word 2007–2008 и др.), должны быть сохранены в формате Word 97–2003 или RTF.

Примеры на национальных языках необходимо давать курсивом. При применении для подачи примеров другого оригинального шрифта этот шрифт должен быть прислан по Интернету.

Все примеры на национальных языках должны сопровождаться переводом на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках ('...').

Специальные символы набираются шрифтом Symbol. При введении сложных или авторских символов текст статьи необходимо прислать дополнительно в формате PDF.

Ссылка приводится внутри текста в квадратных скобках (напр., [Малов 1951: 430]); в случае необходимости постраничные *сноски* должны вводиться верхним индексом и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по ГОСТу.

Ориентировочный объем статей – 10–12 стр.,

В конце статьи приводятся сведения об авторе (авторах).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунки в компьютерном исполнении должны быть внедрены в текст в режиме Вставка – Объект – Рисунок. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом Times New Roman (разм. 9 пт.) и вставляются в режиме Вставка.

Рисунки, выполненные на бумаге, должны иметь подрисуночные подписи.

ТАБЛИЦЫ

Выполняются в режиме Таблица редактора WinWord с заголовками или без них шрифтом 10 пт.

Таблицы должны быть обязательно упомянуты в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через тире курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные; все набирается шрифтом Times New Roman размером 14 пт.

- Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск, точка, тире, общее количество страниц.

- Для отдельных статей в периодических изданиях или сборниках – фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, через две косые линии // название журнала (или сборника), место издания, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Примеры оформления.

Абдуллаев 1967 – *Абдуллаев Ф.А.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Зуев 2001 – *Зуев Ю.А.* Кыпчакский Урбе-хан в эпосе и истории // Древнетюркская цивилизация: Памятники письменности. – Алматы, 2001.

Бирюкович 1975 – *Бирюкович Р.М.* О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология, 1975, № 6. – С. 55–67. ЭСТЯ 1974 – *Севертян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М., 1974.

СИТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, их ученые степени и звания, должность с указанием места работы, электронный адрес или телефон.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала «Российская тюркология»/ «Russian Turcology» по СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 500 руб;

не в странах СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 50 €.

Оплатить журнал «Российская тюркология» можно в:

— ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА

— ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.

2. Информацию об оплате, почтовый адрес, по которому следует высылать журнал (для электронной версии – электронный адрес), отправьте по электронному адресу: jurnalrosturkologiya@mail.ru.

3. Номера 2010 г. будут высланы одновременно, в сентябре–октябре 2010 г., в дальнейшем, в 2011 г. и далее, номера два раза в год будут высылаться на указанный адрес заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.

2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnalrosturkologiya@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnalrosturkologiya@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Price of the Journal «Russian Turcology»:
for CIS countries:**

— price for a couple printed issue is 500 RUB.;

outside CIS countries:

— price for a couple printed issue is 50 €.

You can purchase RUSSIAN TURCOLOGY:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer:**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can copy here below or cut out from the last pages of the journal.

2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnalrostiturkologiya@mail.ru.

3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.

2. Send us, please, an e-mail to jurnalrostiturkologiya@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnalrostiturkologiya@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,
 Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма : _____ р _____ к

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Квитанция

ИП Кормушин И.В.,
 Москов. фил. ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКВ «ТАТФОНDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Российская тюркология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма _____ р _____ к

Плательщик (подпись) _____

Кассир

Извещение об оплате подписки

Информация о плательщике:

 (Ф.И.О., адрес плательщика)

 (ИНН налогоплательщика)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Российская тюркология»		
го	1	2
2010/11		

СОДЕРЖАНИЕ

Структура и история языка

- И.А. Невская* (Новокузнецк), *Л. Н. Тыбыкова* (Горно-Алтайск),
М. Эрдал (Франкфурт). Новая надпись около
села3
- И.В. Кормушин* (Москва). Об историческом положении конверсии
в тюркских языках7
- И.Я. Селютин* (Новосибирск) Процесс «перелома» гласных в языке
кумандинцев12

Литературоведение и фольклористика

- У.А.-О. Донгак* (Кызыл) Начальное проявление категорий «автор»,
«жанр», «стиль» в архаической поэтике 19
- З.Б. Самдан* (Кызыл) Специфика тувинского мифа и проблемы его
терминологического определения29
- Т.А. Аникеева* (Москва). Поэтическая составляющая текста
турецкой городской повести 36

Ономастика

- Х.Ж. Жаббаров* (Карши). Древнеиранские заимствования в ороси-
тельной лексике и гидронимии Южного Узбекистана46

Сообщения и обзоры

- С.М. Орус-оол* (Кызыл). О тувинской фольклористике: основные
направления развития53
- Юдит Дмитриева* (Ханты-Мансийск). Новое в венгерском
чувашеведении63
- Саидханов* (Андижан). Вербальная интерпретация невербальных
средств в тексте69
- Ф.Ф. Гаффарова* (Казань). Этимологии земледельческой обрядовой
лексики в татарском языке74
- Э.Б. Мижит* (Кызыл). Традиционная космология в тувинском
героическом эпосе78

Хроника

- И.В. Кульганек* (С.-Петербург). 53 сессия постоянной международной
алтаистической конференции82

<i>Э.И. Сафина</i> (Казань). Международная научная конференция «Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы»	83
<i>Н.И. Егоров</i> (Чебоксары). Международная тюркологическая конференция «Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации»...	89

Рецензии и аннотации

<i>Хакимзянов Ф.С.</i> Sami Şemseddin. Kamus-i Türki / Hazırlayan Paşa Yavuzarslan. – Ankara: TDKY 1001, 2010. – 1370 s.	90
<i>М.В. Николаева</i> (Москва). Т. Меликли . История литературы Турции. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – 265 с.	91

Персоналии

Валентина Евгеньевна Майногашева	94
--	----

Некролог

Н.А. Алексеев (1938–2010)	98
---------------------------------	----

Наши авторы

Правила для авторов	102
Как оформить подписку на журнал	103

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Nevskaya I. A.</i> (Novosibirsk), <i>Tybykova L. N.</i> (Gorno-Altajsk), <i>Erdal M.</i> (Frankfurt). A new Old Turkic inscription in the vicinity of the village Tuekta	3
<i>Kormushin I.V.</i> (Moscow). The place of conversion in the history of Turkic	7
<i>Seljutina I. Ya.</i> (Novosibirsk). A Vowel shift in the Kumandy language ...	12

Literary critics and folklore studies

<i>Dongak, U. A.-o.</i> (Kyzyl). The rise of the categories «author», «genre», «style» in the archaic poetics	19
<i>Samdan Z. B.</i> (Kyzyl). The Tuvan myth and problems of its definition	29
<i>T.A. Anikeeva</i> (Moscow). The poetic component of the Turkish urban novel	36

Onomastics

- Zhabbarov Kh. Zh.* (Qarshy). Old Iranian loan words in the oronymic vocabulary and hydronyms of South Uzbekistan46

Reports, surveys

- Orus-ool S.M.* (Kyzyl). The main directions of the development of Tuvan folklore studies53
Dmitrieva Yu. (Xanty-Mansiysk). Recent Chuvash studies in Hungary63
Saidxanov M. (Andizhan). Verbal interpretation of non-verbal means in the literary text69
Gaffarova F.F. (Kazan). Etymology of Tatar agricultural ritual vocabulary ...74
Mizhit E.B. (Kyzyl). Traditional cosmology of Tuvan heroic epics78

Chronicle

- I.V. Kulganek* (St. Petersburg). The 53th meeting of the Permanent International Altaistic Conference82
E.I. Safina (Kazan). The international scientific conference «Derivation in Turkic languages: research and problems»83
N.I. Egorov (Cheboksary). The international scientific Turcological conference «The Chuvash people and their language in the history of the Eurasian civilization»89

Reviews and Annotations

- F.S. Khakimzyanov* (Kazan). Sami Şemseddin. Kamus-i Türki / Hazırlayan Paşa Yavuzarslan. – Ankara: TDKY 1001, 2010. – 1370 s.90
M.V. Nikolaeva (Moscow). T. Melikli. The history of Turkish literature. Moscow: IPK MGLU «Rema», 2010. – 265 p.91

Personalia

- Valentina Evgen'evna Maynogasheva94

Obituary

- N.A. Alexeev (1938–2010)98

- Our author 100

Editorial information

- Author guidelines 102
 How to subscribe to the journal103

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор *Ф.С.Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф.Хакимзянова*
Технический редактор *А.М.Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф.Свиридова*
Дизайн обложки *Ф.Н.Латыпова*

Оригинал-макет изготовлен группой F & Di-dezign

С готового оригинал-макета
подписано в печать 25.01.11. Формат 70x108¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 11.0. Печать на RISO.
Тип.зак. № 62.

Типография ООО «Печатный двор». Казань, ул.Журналистов, 2/16; тел. (843)2727459.